



ПЕР
БУЛЬ

Annotation

Замечательный французский писатель Пьер Буль известен большинству читателей как автор книги «Планета обезьян», по которой режиссер Тим Бёртон снял одноимённый блокбастер. Однако известность Буль получил с романом «Мост через реку Квай», одной из немногих книг западных авторов об азиатской стороне Второй Мировой войны.

Захваченные в плен япоцами британские солдаты и их командир полковник Николсон вынуждены строить железнодорожный мост через реку Квай в Бирме. Тем временем командование направляет спецгруппу для уничтожения этого стратегически важного объекта

-
- [Пьер БУЛЬ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)
-

Пьер БУЛЬ
МОСТ ЧЕРЕЗ РЕКУ КВАЙ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Нет он не выглядел смешным; скорее — жалким; он олицетворял собой все предыдущие жертвы Большой Затеи.

Но в конце концов затеи толкают мир вперед, так что дело это почетное.

И, кроме всего, это был порядочный человек.

Джозеф Конрад

I

«Что, если извечная пропасть, отделяющая, по мнению некоторых, человека Запада от человека Востока, не более чем мираж? Вдруг это всего лишь ходячий образ, пикантное выражение, коварно принявшее вид непреложной истины? Что, если в этой войне необходимость „сохранить лицо“ подчинила себе как британцев, так и японцев? Что, если именно она безотчетно вершила поступками тех и других, с жестокой неотвратимостью направляя шаги многих народов? Что, если внешнее противоборство воюющих было, по сути, выражением одних и тех же порывов? И разве не мог японский полковник Сайто подчиниться тому же велению души, что и его пленник — полковник Никольсон?»

Таковыми вопросами задавался майор медицинской службы Клиптон, живший в лагере для военнопленных на берегу реки Квай. Бок о бок с ним там находились еще пятьсот человек из числа шестидесяти тысяч англичан, австралийцев, голландцев и американцев, согнанных японцами в эту глушь. Разбитые на несколько групп, пленные прокладывали сквозь джунгли Виры и Таиланда железную дорогу, которой предстояло связать побережье Бенгальского залива с Бангкоком и Сингапуром.

Порою Клиптон утвердительно отвечал на свои вопросы, хотя окружающая действительность не давала особых для этого оснований. В частности, неясно было, как расценивать в этом смысле зуботычины, удары прикладом и прочие угрожающие выпады японской стороны, равно как и массивные проявления чисто британского высокомерия и превосходства — излюбленное оружие полковника Никольсона? Клиптону не оставалось

ничего иного, как признать правоту ходячих представлений.

* * *

Уважение, которое полковник Никольсон питал к дисциплине, можно было бы проиллюстрировать множеством примеров из его прошлой службы в Азии и Африке. Но особенно ярко оно проявилось во время капитуляции союзных войск, последовавшей за вторжением японцев в Малайю и падением Сингапура в 1942 году.

Когда главное командование отдало приказ сложить оружие, а группа молодых офицеров решила на свой страх и риск пробиваться к побережью, чтобы добыть там какую-нибудь посудину и плыть в Нидерландскую Индию, полковник Никольсон, воздав должное их мужеству и отваге, категорически воспротивился этому намерению.

Вначале он пытался разубедить их. Подобная попытка, втолковывал он им, полностью противоречит полученному приказу. С момента подписания главнокомандующим акта о капитуляции всех союзных войск в Малайе бегство подданного его величества явилось бы грубейшим нарушением дисциплины. Лично он видел одну-единственную возможность: ждать на месте появления кого-либо из старых японских офицеров, уполномоченных принять сдачу его полка и нескольких сотен солдат из других частей, уцелевших после ожесточенных боев в последние недели.

— Какой пример мы подадим солдатам, если станем уклоняться от своих обязанностей! — корил полковник молодых офицеров.

При этом он смотрел на собеседников пронзительным взором, появлявшимся у него в трудные минуты. В обычное время его глаза отливали лазурной синевой Индийского океана при тихой погоде, а всегда спокойное лицо подтверждало уравновешенность характера. Он носил светлые с рыжиной усы в подражание непоколебимым героям литературы, а розовая кожа красноречиво свидетельствовала о том, что сердце в груди полковника работает без перебоев, равномерно прогоняя кровь по всему телу. Клиптон, наблюдавший за ним в течение всей кампании, не уставал удивляться этому живому воплощению типичного британского офицера колониальных войск.

Полковник категорически приказал всем офицерам, унтер-офицерам и солдатам ждать на месте прихода японцев. Сдача в плен была санкционирована главнокомандующим, а значит, ее не следовало воспринимать как унижение. Всю тяжесть ответственности за полк он

примет на свои плечи.

Большинство офицеров склонилось перед авторитетом. Личная храбрость полковника не давала повода усмотреть в его поведении ничего, кроме стремления исполнить свой долг. Несколько человек все же решили уйти в джунгли. Полковник Никольсон с сожалением приказал их считать дезертирами. Оставшиеся ждали прихода японцев.

В преддверии церемонии полковник, мысленно перебрав несколько вариантов, решил со сдержанным достоинством вручить полковнику армии противника, который явится принять капитуляцию, свой пистолет, как бы символизируя этим сдачу на милость победителя. Он несколько раз прорепетировал этот жест и теперь был уверен, что сумеет легко отстегнуть от пояса кобуру. Никольсон облачился в свой лучший мундир и потребовал от подчиненных привести себя в порядок. После этого велел офицерам построить полк и самолично проверил равнение рядов.

* * *

Первыми появились солдаты, не говорившие ни на одном из цивилизованных языков. Полковник Никольсон не двинулся с места. За ними подъехал на грузовике унтер-офицер и сделал англичанам знак сложить в кузов оружие.

Полковник запретил выходить из строя. Он заявил, что хочет видеть старшего офицера. Но офицеров не было, ни старшего, ни младшего; к тому же японцы не понимали, чего от них хотят. Они озлились. Солдаты угрожающе вскинули автоматы, а унтер-офицер что-то хрипло прокричал, указывая на строй. Полковник приказал всем оставаться на месте, невозмутимо повторил свое требование. Англичане беспокойно косились на Никольсона; Клиптон подумал про себя, что полковник вполне способен положить их на месте в угоду принципу. Но в этот момент подъехала машина с японскими офицерами. На одном были майорские знаки различия. За неимением лучшего полковник Никольсон решил сдаваться ему. Он скомандовал полку «Смирно!». Отказырял по всем правилам майору и, отстегнув от пояса кобуру с револьвером, исполненным достоинства жестом протянул.

При виде такого подарка майор отпрянул; потом, похоже, смутился и, чтобы скрыть это, грубо захохотал. Свита тут же подхватила смех. Полковник Никольсон пожал плечами и надменно выпрямился. Коротким кивком он велел солдатам грузить оружие в кузов.

В лагере для военнопленных под Сингапуром полковник Никольсон упорно сохранял англосаксонскую выдержку перед лицом бестолковых действий победителей. Находившийся при нем Клиптон уже тогда спрашивал, что делать — благодарить или ругать его за это.

Так, в силу отданных полковником распоряжений солдаты его полка вели себя лучше и питались хуже остальных. Пленным из других частей удавалось иногда, обманув охрану или при ее содействии, «слямзить», как они говорили, то есть раздобыть, пару банок консервов или чего-нибудь съестного в разбитых бомбами домах сингапурского предместья. Это сильно подкрепляло скудный лагерный рацион. Но полковник Никольсон объявил, что не потерпит у себя мародерства. С помощью офицеров он заклеил позором подобные случаи, сказав, что английский солдат обязан преподавать своим временным победителям наглядный урок безупречности в поведении. Кроме того, он стал проверять исполнение своего приказа, тщательно обыскивая бараки. Беседы о честности, которую обязан блюсти солдат в чужой стране, составляли лишь часть его воспитательной работы.

Убежденный, что праздность как ничто снижает воинский дух и вызывает разложение, полковник организовал программу заполнения досуга. Он заставлял офицеров читать солдатам вслух и обсуждать с ними разделы воинского устава, проводил контрольные опросы и выдавал поощрения в виде благодарностей за своей подписью. Естественно, что вопросам укрепления дисциплины уделялось на этих занятиях особое место. Периодически указывалось на необходимость приветствовать старших по званию, даже будучи в лагере для военнопленных. Таким образом, рядовые, которые обязаны были еще отдавать честь всем японцам без различия чинов и званий, рисковали в случае оплошности получить удар прикладом от караульного либо нагоняй от полковника. В особых случаях тот мог заставить провинившегося стоять несколько часов по стойке «смирно» после отбоя.

То, что солдаты безропотно подчинились спартанским порядкам, введенным их командиром, хотя тот сам подвергался всем лагерным унижениям, восхищало Клиптона. Доктор не мог лишь взять в толк, что это было — следствие уважения к полковнику или результат получаемых преимуществ? Дело в том, что полковник, требуя от солдат выполнения устава, вместе с тем упрямо добивался от японцев следования параграфам «Сборника законов о ведении войны», куда входили Женевская и Гагская

конвенции. Эту книжицу он спокойно совал под нос японцам всякий раз, когда те допускали отступления от международных правил. Кроме того, росту авторитета полковника, без сомнения, способствовали физическая стойкость и полное пренебрежение к выпадавшим на его долю побоям. В случаях, когда японцы нарушали параграфы закона об обращении с военнопленными, он не ограничивался изъятием протеста. Он вмешивался самолично. Однажды караульный, отличавшийся особенно жестоким нравом, избил его в ответ на отказ исполнить незаконное требование. Но полковник все же добился отмены незаконного распоряжения и наказания караульного.

Выходило, что в лагере действует режим Никольсона — еще более драконовский, чем у японцев.

— Главное, — говорил полковник Клипону, когда тот указывал, что в сложившейся обстановке с рядовыми следовало бы обращаться помягче, — ребята должны помнить, что в лагере мы остаемся их командирами. Мы, а не эти японцы. Иначе они перестанут быть солдатами и превратятся в рабов.

Как всегда, беспристрастный Клиптон должен был согласиться, что в рассуждениях полковника есть логика, а его поступки продиктованы лучшими намерениями.

II

Эти месяцы, проведенные в Сингапуре, пленные вспоминали сейчас, как эру благоденствия, и тяжело вздыхали, сравнивая их с теперешней жизнью в негостеприимном тайландском краю. Их везли сюда в поезде бесконечно долго через всю Малайю, а затем гнали пешком сквозь джунгли; ослабевшие в тяжелом климате от недоедания, люди побросали дорогой все, что у них было. А легенды, уже слагавшиеся вокруг будущей железной дороги, никак не прибавляли бодрости.

Полковника Никольсона с его частью доставили в Таиланд немного позже других, когда работы уже начались. Первые контакты с новым японским начальством после изнурительного марша были мало обнадеживающими. В Сингапуре пленные имели дело с солдатами-фронтовиками, которые, едва с них схлынуло опьянение победой, вели себя не более жестоко, чем это сделали бы победители-европейцы. Японские офицеры, назначенные командовать пленными на строительстве дороги, выглядели совсем иначе. Они сразу повели себя как свирепые каторжные

надзиратели, грозя превратиться со временем в садистов-мучителей.

Норма выработки была бы невелика для взрослого, нормально питающегося человека, но она была не под силу измученным и изголодавшимся за два месяца людям. В результате англичан держали на стройке с рассвета до глубокой ночи. При малейшей оплошности конвойные с руганью набрасывались на пленных, нещадно избивая их. Деморализованные люди жили в постоянном страхе перед наказаниями. При взгляде на них Клиптон пришел в волнение. В лагере свирепствовали малярия, дизентерия, бери-бери и фурункулез; лагерный врач сказал Клиптону, что опасается вспышки эпидемии — она грозила обернуться катастрофой, поскольку у него не было самых элементарных лекарств.

* * *

Полковник свел на переносице брови, но ничего не сказал. За этот лагерь «отвечал» не он; он был здесь как бы на правах гостя. Единственный раз он выразил негодование английскому подполковнику, старшему по чину офицеру лагеря, когда увидел, что пленные офицеры даже в звании майора участвуют в работах наравне с солдатами. Они копали и возили на тачках землю как чернорабочие. Подполковник потупил взор. Он ответил, что всеми силами пытается воспротивиться унижению, но вынужден был покориться грубой силе, иначе лагерю грозили массовые репрессии. Полковник Никольсон покачал головой, как бы выражая сомнение, в приведенном доводе, и вновь величественно замолк.

На пересыльном пункте пленные пробыли два дня. Затем японцы раздали им скудный паек на дорогу и выкроенные из грубой материи треугольники, именовавшиеся «рабочими спецовками»; кроме того, к ним обратился с речью генерал Ямасита. Стоя на деревянной эстраде, при сабле и серых парадных перчатках, генерал объяснил им на плохом английском языке, для какой цели указом его императорского величества пленных передали под его команду.

Речь продолжалась больше двух часов, уязвляя слух и национальную гордость англичан не меньше, чем брань и побои конвойных. Генерал заявил, что японцы не держат против пленных зла, поскольку те были обмануты лживыми посулами своего правительства; что пленные могут рассчитывать на гуманное обращение, если станут вести себя «подзентельменски», иными словами — честно и не щадя сил способствовать развитию южноазиатской сферы сопроцветания [*Термин «сопроцветание»*]

был пущен японской пропагандой во время Второй мировой войны. «Сфера процветания» включала Японию и часть оккупированных ею азиатских стран. (Примеч. пер.)] — что пленные должны быть благодарны его императорскому величеству, давшему им возможность искупить свою вину участием в строительстве железной дороги. Затем Ямасита предупредил, что не потерпит нарушений дисциплины и неповиновения. Леность и недобросовестность будут считаться преступлением. Малейшая попытка к бегству — наказана смертью. Английские офицеры отвечают перед японской администрацией за своих солдат.

— Болезнь не считается оправданием, — добавил генерал Ямасита. — Разумный труд прекрасно поддерживает физические силы. Даже дизентерия обходит людей, отдающих все свои силы на выполнение долга перед императором.

Он закончил с воодушевлением, которое привело слушателей в ярость.

— «Работать заодно и весело» — таков мой девиз, — сказал генерал. — С сегодняшнего дня он должен стать и вашим девизом. Честные работники могут рассчитывать на мою поддержку и на самое лучшее отношение со стороны офицеров великой японской армии, в чье распоряжение вы поступили.

После этого каждую часть направили на укрепленный за ней участок. Полковник Никольсон оказался со своими солдатами в самом дальнем лагере, на берегу реки Квай, всего в нескольких милях от бирманской границы. Комендантом там был полковник Сайто.

III

С первых же дней в Квайском речном лагере сложилась взрывчатая атмосфера.

Началось с того, что полковник Сайто распорядился выгнать пленных офицеров на работы вместе с солдатами. В ответ последовало вежливое, но твердое возражение полковника Никольсона: британские офицеры призваны командовать, а не махать лопатой или киркой.

Сайто выслушал ответ без раздражения, и это показалось полковнику добрым знаком. Комендант отослал его, сказав, что подумает. В надежде, что все образуется, полковник Никольсон вернулся в бамбуковую хижину, отведенную ему вместе с Клиптоном и еще двумя офицерами. Там, уже для собственного удовольствия, он повторил доводы, заставившие японца пойти на попятный. Все аргументы казались ему неоспоримыми, особенно

последний: вряд ли несколько человек, малопривычных к физическому труду, решат исход дела, зато в качестве руководителей они внесут существенный вклад. Лагерная администрация наверняка заинтересована в быстрейшем завершении работ, поэтому ей не стоит лишать авторитета британский командный состав, ставя его на одну доску с солдатами. Никольсон с жаром развивал этот тезис перед собственными офицерами.

— Разве я не прав? — обратился он к майору Хьюзу. — Вы вот, как бывший директор предприятия, можете представить подобную стройку без руководства?

Штаб полка, сильно поредевший к исходу трагической кампании, насчитывал теперь лишь двух офицеров, кроме врача Клиптона. Никольсон сделал все, чтобы не разлучиться с ними в Сингапуре. Он не только ценил их советы, но считал должным обсуждать в коллективе все важные решения, прежде чем окончательно принять их. Оба офицера были призваны из запаса. Один, майор Хьюз, до войны был директором горнорудного предприятия в Малайе. Он был призван в полк Никольсона, и тот сразу оценил его организаторские способности. Второй, капитан Ривз, до мобилизации был инженером общественных работ в Индии. Попав в саперную роту, он после первых боев оказался отрезанным от части и пристал к полку Никольсона, который сделал его вторым советником. Полковник любил быть в окружении специалистов.

— Вы совершенно правы, сэр, — ответил Хьюз.

— Я того же мнения, — сказал Ривз. — На строительстве железнодорожного полотна и моста (а я думаю, предстоит наводить мост через реку Квай) недопустимы никакие скороспелые импровизации.

— Да, ведь вы специалист по этим работам, — подумал вслух полковник. — Как видите, я пытался хоть как-то урезонить этого безмозглого выскочку.

— И потом, — добавил Клиптон, глядя на командира, — если соображений здравого смысла окажется недостаточно, есть ведь «Сборник законов о ведении войны» и международные конвенции.

— Да, есть международные конвенции, — подтвердил полковник Никольсон. — Но я приберег их для следующего раза, если потребуется.

Клиптон говорил с оттенком грустной иронии, сильно опасаясь, что призыва к здравомыслию коменданта будет недостаточно. Он уже был наслышан о характере Сайто в пересыльном лагере. Еще как-то слушавший возражения в трезвом виде, японский офицер становился невменяем, когда напивался.

Полковник Никольсон заявил свой протест утром первого дня,

отведенного пленным на устройство в полуразвалившихся бараках. Как он и обещал, Сайто подумал. Возражения полковника показались ему подозрительными, и, чтобы освежить голову, он зашел к себе выпить. По мере того как он пил, Сайто все больше убеждал себя, что полковник нанес ему недопустимое оскорбление, осмелившись обсуждать его приказ. И подозрение постепенно сменялось в нем глухой яростью.

К вечеру он совсем разъярился и решил, не откладывая, дать пленным почувствовать, кто здесь командует. Сайто велел выстроить лагерь и произнес речь. С первых же ее слов стало ясно, что над рекой Квай собираются грозные тучи.

— Ненавижу британцев...

Это была первая фраза, которую он потом вставлял в речь как знак препинания. Сайто довольно хорошо изъяснялся по-английски, поскольку занимал раньше пост военного атташе в одной из англоязычных стран. С дипломатической карьерой ему пришлось распрощаться из-за пьянства. Постепенно он докатился до должности каторжного надзирателя без надежды на повышение. И теперь всю свою злость за погубленную жизнь комендант вымещал на пленных.

— Ненавижу британцев, — начал полковник Сайто. — Здесь командую я. Вы обязаны трудиться для победы великой японской армии. Предупреждаю в первый и последний раз — я не потерплю неисполнения своих приказов. Ненавижу британцев. Не будете слушаться — вас ждет суровое наказание. Я не допущу нарушения дисциплины... Если кто-то собирается спорить, пусть запомнит — здесь вашей жизнью распоряжаюсь я! Мне даны все права, чтобы выполнить в срок задачу, доверенную его императорским величеством. Ненавижу британцев. Если в лагере у меня помрет несколько пленных, нам на это плевать! Если вы все подохнете — тоже невелика потеря для офицера великой японской армии!

Комендант, явно копируя генерала Ямаситу, тоже влез на стол; на нем были начищенные до блеска сапоги, а не обмотки, как утром. Разумеется, он прицепил к боку саблю и поминутно бил рукой по эфесу, дабы придать вес своим словам и не дать остыть гневу. Зрелище было карикатурным. Голова коменданта дергалась взад-вперед, как у куклы. Он был пьян, набравшись виски и коньяку из запасов, оставленных европейцами при бегстве из Рангуна и Сингапура.

Слушая эти болезненно бившие по нервам фразы, Клиптон вспомнил слова одного приятеля, долго жившего среди японцев: «Помните, что этот народ считает свое божественное происхождение непреложным фактом». Поразмыслив, однако, врач решил, что вряд ли сыщется на свете народ,

сомневающийся в своем божественном происхождении. Доктор понял, что Сайто черпает вдохновение из источника, общего для Востока и Запада. Тут была и идея расового превосходства, и упоение властью, и страх не быть воспринятым всерьез. Это заставляло коменданта перебегать беспокойно-подозрительным взглядом по лицам стоявших, словно ожидая увидеть улыбку.

Британские офицеры слушали молча. Конвоиры сжимали автоматы, как бы подчеркивая готовность немедленно выполнить приказ своего начальника. Англичане старались выглядеть так же бесстрастно, как полковник Никольсон; тот, кстати, специально подчеркнул перед этим, что на враждебные выпады надлежит реагировать спокойно, сохраняя достоинство.

После краткого вступления, призванного поразить воображение, Сайто перешел к существу дела. Тон его стал почти торжественным, и пленные приготовились услышать разумные речи.

— Запомните мои слова. Вы знаете, в чем заключается работа, доверенная императором английским военнопленным. Надо связать железной дорогой столицы Таиланда и Бирмы, пройти четыреста километров сквозь джунгли и открыть японской армии путь в Бенгалию. Мы уже освободили Бирму и Таиланд от тирании европейцев. Железная дорога позволит нашей победоносной армии завладеть Индией и быстро закончить войну. Работы поэтому надо выполнить в кратчайший срок — за шесть месяцев, как приказал его величество император. Это отвечает и вашим интересам. Как только война закончится, вы сможете под охраной нашей армии вернуться к себе домой.

Полковник Сайто говорил уже куда спокойнее, словно алкогольное наваждение сошло с него.

— В лагере вы будете находиться под моим командованием. Я собрал вас, чтобы разъяснить задачу: вам предстоит построить два коротких участка пути до стыка с соседними секторами, но главная ваша цель — мост через реку Квай. Задача почетная, поскольку мост — важнейший объект всей дороги. Работа ждет интересная. Вы сможете проявить себя как строители, а не какие-то землекопы. Вам выпала честь стать пионерами южноазиатской сферы сопроцветания...

«Аргумент, который вполне мог привести западный руководитель», — невольно отметил Клиптон.

Сайто чуть сгорбился и, опершись рукой о саблю, устремил взор в первые ряды.

— Работами будет руководить знающий специалист, японский

инженер. Дисциплину буду поддерживать я и мои подчиненные. Так что руководством вы обеспечены. В этой связи я приказал английским офицерам работать по-братски бок о бок со своими солдатами. По причинам, которые я изложил уже, в моем лагере не может быть дармоедов. Надеюсь, мне не придется повторять это дважды. Иначе...

Без всякого перехода Сайто снова впал в исступление и, как безумец, замахал руками.

— Иначе я прибегну к силе! Ненавижу британцев. Я лучше расстреляю, если понадобится, всех бездельников, вместо того, чтобы кормить их. Больные не освобождаются от работы. Мы найдем для них занятие. Я построю мост любой ценой, хоть на костях пленных! Ненавижу британцев. Завтра на рассвете приступаем. Начало работы — по свистку. Все офицеры — в одной бригаде. Японский инженер раздаст инструменты и разведет вас по местам. «Работать задорно и весело» велел генерал Ямасита. Помните это.

Сайто слез со стола и, все еще разъяренный, большими шагами направился к себе в контору. Пленные, подавленные сказанным, разошлись по баракам.

— Кажется, он ничего не понял, сэр. Видимо, придется напомнить ему параграф международной конвенции, — сказал Клиптон Никольсону, в задумчивости оставшемуся стоять на плацу.

— Видимо, да, Клиптон, — медленно отозвался полковник. — Боюсь, что нас ждут тяжелые времена...

IV

Тяжелые времена, наступления которых опасался Никольсон, грозили вылиться в трагедию, подумал Клиптон. Как врач, он был единственный офицер, кого не коснулось распоряжение коменданта, — у него на руках были пленные, свалившиеся после этапа в джунглях. Когда на рассвете он пришел в барак, пышно названный «лазаретом», тревога охватила его с новой силой.

Затемно караульные свистками и криками подняли пленных. Солдаты выходили из бараков, сонно моргая. Ночь прошла беспокойно, мучили москиты, а жесткие нары долго не давали уснуть. Офицеры построились в указанном месте. Полковник Никольсон четко проинструктировал их.

— Нельзя, — сказал он, — давать повод обвинить нас в неповиновении до тех пор, пока приказ не затрагивает честь офицера. Я

тоже выйду на построение.

Естественно, выполнение приказа Сайто должно было этим ограничиться.

Они долго стояли на плацу, ежась в предутренней сырости. Когда немного развиднелось, показался полковник Сайто в окружении своих офицеров; с ними — инженер, назначенный руководить работами. Комендант шел насупившись. Однако при виде стоявших в строю пленных офицеров во главе с полковником лицо его просветлело.

В лагерь въехал грузовик с инструментами, и инженер приступил к раздаче. Полковник Никольсон сделал шаг вперед и попросил разрешения поговорить с Сайто наедине. Взгляд коменданта не предвещал ничего хорошего, однако полковник сделал вид, что принял молчание за согласие, и подошел вплотную к нему.

Клиптон не мог разглядеть лица шефа — тот стоял спиной к «лазарету». Чуть погодя он повернулся в профиль, и врач увидел, что полковник показывает японцу на какое-то место в маленькой книжечке. Это был, без сомнения, «Сборник законов о ведении войны». Сайто, казалось, колеблется. Клиптон подумал даже, что утро оказалось мудренее для коменданта. Тщетно! После вчерашней речи ярость Сайто поутихла, но он не мог «потерять лицо».

Комендант побагровел. Он полагал, что покончил с этой историей, но этот полковник упрямо твердил свое! Сайто вновь наливался гневом. Полковник Никольсон вполголоса читал что-то, водя пальцем по строчкам, не замечая грозной метаморфозы. Клиптон, видевший это, порывался криком предупредить шефа. Но было уже поздно. Коротким взмахом Сайто выбил из рук полковника книгу и закатил ему пощечину. Клонясь вперед и выпучив глаза, он замахал руками, выкрикивая попеременно английские и японские ругательства.

Полковник Никольсон изумился: право, он ожидал всего, но не этого. Тем не менее лицо его сохраняло спокойствие. Подняв книгу, англичанин выпрямился во весь рост и без нажима промолвил:

— Поскольку японские власти отказываются подчиняться законам, действующим во всем цивилизованном мире, мы снимаем с себя всякую ответственность. Мне остается, полковник Сайто, сообщить вам об отданных мною распоряжениях. Офицеры не будут работать.

Высказав это, он безмолвно вытерпел новый, еще более грубый наскок. Сайто, казалось, потерял рассудок. Он кинулся на англичанина и, приподнявшись на цыпочки, с размаха ударил его кулаком в лицо.

Дело грозило принять дурной оборот. Несколько английских офицеров

вышли из строя и бросились на помощь. Среди солдат поднялся ропот. Японские офицеры скомандовали конвойным оружие к бою. Полковник Никольсон попросил своих офицеров вернуться на место, а солдат — сохранять спокойствие. Рот у него был в крови, но лицо не потеряло всегдашней величественности.

Задышавшись, Сайто шагнул назад и стал рвать из кобуры пистолет. Но, передумав, отступил еще на шаг и убийственно спокойным голосом отдал какое-то приказание. Конвоиры окружили пленных и погнали их к реке, на стройку. Солдаты упирались, кое-кто пробовал отбиваться. Глазами они искали полковника Никольсона. Тот сделал им знак идти. Пленные покинули лагерь; на плацу остались английские офицеры и полковник Сайто.

Комендант произнес еще несколько слов — все тем же спокойным тоном, так тревожившим Клиптона. Предчувствие не обмануло доктора. Часовые сняли два пулемета, стоявшие у лагерных ворот, и укрепили их справа и слева от Сайто. Клиптона объял ужас. Все происходящее он видел сквозь щели в бамбуковой стене «лазарета». В битком набитой хижине лежали вповалку человек сорок несчастных солдат с гноящимися ранами. Некоторые подползли к стене и тоже смотрели на плац. Один приглушенно воскликнул:

— Док, они не посмеют!.. Какой ужас!.. Неужели эта образина решится?.. И старик, как на грех, уперся!

Клиптон почти не сомневался, что образина посмеет.

Большинство офицеров, стоявших за спиной полковника, разделяли эту уверенность. Во время взятия Сингапура уже имели место случаи массовых расстрелов. Сайто намеренно угнал пленных солдат на работу, чтобы не иметь свидетелей. Перейдя снова на английский, комендант приказал офицерам разобрать инструменты и отправляться на стройку.

В ответ послышался голос полковника Никольсона. Он повторил, что они отказываются подчиниться. Никто не двинулся с места. Сайто отдал команду. Пулеметчики заправили ленты и нацелились на стоявших.

— Док, — вновь простонал солдат рядом с Клиптоном. — Я вам говорю, старик не уступит... До него не доходит. Надо что-то сделать!

Его слова вывели Клиптона из оцепенения. Было абсолютно ясно, что «старик» не понимает происходящего: он полагал, что Сайто не решится на расстрел. Надо срочно что-то сделать, прав был солдат, — надо объяснить полковнику, что нельзя принести двадцать человек в жертву упрямству и принципиальности; что не будет унижением для его чести и достоинства отступить перед грубой силой — работают же офицеры в остальных

лагерях! Слова рвались из груди доктора. Он бросился на плац, крича Сайто:

— Полковник, подождите одну минуту! Я сейчас ему все объясню!

Полковник Никольсон суровым взглядом остановил его.

— Прекратите, Клиптон. Вам ничего не надо объяснять мне. Я прекрасно знаю, что делаю.

Доктору не удалось даже добежать до своих. Двое конвоиров перехватили его. Однако неожиданное появление доктора поколебало решимость Сайто. Клиптон, вырываясь, единым духом прокричал, уверенный, что остальные японцы не поймут его:

— Предупреждаю вас, комендант, я видел все, что произошло. Кроме меня еще сорок больных в лазарете. Вам не удастся выдать это убийство за бунт или попытку к бегству!

Он выложил на стол последнюю и самую опасную карту. Так или иначе Сайто пришлось бы как-то объяснять своему командованию мотивы расстрела. Поэтому любой оставшийся в живых англичанин был потенциальным свидетелем против него. Значит, по логике вещей, ему пришлось бы перебить всех больных вместе с врачом. Или отказаться от расправы...

Клиптон нутром почувствовал, что это был верный ход. Сайто призадумался. И хотя еще весь пылал от ненависти и унижения, он не решился скомандовать: «Огонь!»

Он вообще ничего не скомандовал. Пулеметчики застыли, держа палец на спуске. Им пришлось пробыть так долгое время, ибо Сайто не мог «потерять лицо» настолько, чтобы позволить им отойти от пулеметов. Они просидели большую часть утра, боясь пошевелиться, пока плац совершенно не обезлюдел.

Это был весьма относительный успех: Клиптон страшился даже думать о судьбе строптивцев. В утешение он твердил про себя, что удалось избежать худшего. Конвойные увели офицеров в лагерную тюрьму. Полковника Никольсона схватили двое часовых-корейцев из личной охраны Сайто и потащили в кабинет японского полковника. Эта комнатуха примыкала к его жилым покоем, куда комендант часто навещался днем приложиться к бутылке. Сайто медленно проследовал за ними и тщательно закрыл за собой дверь. А вскоре чувствительный Клиптон вздрогнул, услышав глухие удары.

Не меньше получаса караульные избивали полковника, после чего отволокли его в хижину без нар и бросили на сырой земляной пол. Из еды ему стали давать раз в день чашку соленого риса. Сайто предупредил, что будет держать его в карцере до тех пор, пока он не надумает подчиниться.

Неделю полковник не видел никого, кроме конвоира-корейца; этот громила уже по собственной инициативе бросал ему в рис добавочную горсть соли. Полковник тем не менее заставлял себя проглотить несколько жгучих комков, выпивая залпом скудную порцию воды, и ложился на землю. Он решил превозмочь все лишения. Поскольку полковнику запретили выходить из хижины, та вскоре превратилась в зловонную клоаку.

К концу недели Клиптон добился разрешения посетить командира. Перед этим доктора вызвал к себе Сайто. Он сидел хмурый, с серым лицом. Доктор догадался, что японца точит беспокойство, которое он пытался спрятать за холодностью тона.

— Полковник сам во всем виноват, — заявил комендант. — Мост через реку Квай должен быть построен в кратчайший срок, и я как японский офицер не могу терпеть подобной бравადы. Передайте ему, что я не намерен уступать. Еще скажите, что по его вине такому же обращению подвергнуты остальные офицеры. А если и этого окажется недостаточным, жертвами его упрямства станут солдаты. До сих пор я не трогал вас и ваших больных, доктор. Я проявил снисхождение, освободив их от работ. Я сочту это снисхождение за слабость, если полковник будет продолжать так вести себя.

С этими грозными напутствиями Клиптона отвели к узнику. Войдя в карцер, доктор ужаснулся: в короткий срок полковник дошел до полного физического истощения. Голос его звучал едва слышно и напоминал лишь далекое эхо властных раскатов, звучавших когда-то в ушах доктора. Но это было лишь поверхностное впечатление. Дух полковника был по-прежнему тверд, а речь так же непреклонна, разве что тембр голоса изменился. Клиптон, решивший при входе во что бы то ни стало убедить шефа пойти на уступки, понял, что из этого ничего не выйдет. Он быстро исчерпал приготовленные доводы и замолк. Полковник даже не стал обсуждать их, а просто сказал:

— Передайте всем мое твердое решение. Ни при каких обстоятельствах я не соглашусь превратить офицеров моего полка в землекопов.

Клиптон ушел от него, вновь снедаемый сомнением: как расценить поведение полковника — как геройство или как дикую глупость? Что

делать — просить Господа ниспослать ему ореол мученика или колпак безумца, готового ввергнуть в катастрофу весь лагерь на реке Квай? Сайто не лгал. С остальными офицерами обращались едва ли лучше, а солдаты ежеминутно терпели побои от караульных. Теперь опасность нависла и над больными Клиптона.

Сайто поджидал доктора. В глазах коменданта была неподдельная тревога.

— Ну что? — спросил он.

Комендант выглядел утомленным, издерганным. Клиптон подумал, не сочтет ли он ответ полковника слишком резким ударом по своему престижу, но тут же решил, что при любых обстоятельствах надо наступать.

— Что? Полковник Никольсон не пойдет на уступки.

Так же, как и остальные офицеры. От себя могу добавить, что после всего увиденного я поддержал полковника Никольсона в его решении.

Он выразил протест против условий, в которых содержат пленных; Клиптон напомнил о международных соглашениях; как врач, добавил Клиптон, он убежден, что подобное обращение равнозначно убийству. Он приготовился к бурной реакции, но ее не последовало. Сайто пробормотал, что полковник сам виноват во всем, и быстро удалился. Клиптон подумал в тот момент, что Сайто, очевидно, не злой человек; его поступки во многом продиктованы страхом перед высшим начальством, торопившим с завершением строительства моста, и страхом «потерять лицо» перед подчиненными из-за того, что он не мог заставить слушаться своих приказов.

Склонный, как всегда, к обобщениям, Клиптон пришел к выводу, что одновременный страх перед начальством и перед подчиненными — главный источник человеческих бед. Похоже, он где-то даже читал аналогичное высказывание. Доктор почувствовал от этого душевное удовлетворение. И уже на самом пороге лазарета ему пришло в голову, что самые страшные беды все же причиняли миру люди, у которых не было ни начальства, ни подчиненных.

* * *

Сайто пришлось отпустить гайки. В течение следующей недели режим для узника был смягчен. А в субботу комендант явился в карцер спросить, намерен ли полковник в дальнейшем вести себя «как джентльмен». Он был

мирно настроен и пришел с искренним желанием побудить полковника внять голосу разума; однако натолкнувшись на упрямый отказ обсуждать уже решенный вопрос, комендант вспылал и снова впал в иступление. Полковник опять был избит, а корейцу-караульному было наказано держать его в той же строгости, что и в первые дни. Самому охраннику тоже досталось как следует. Во время припадков гнева Сайто не помнил себя; он вопил, что караульный миндальничает с заключенным. Комендант сучил руками, потом выхватил пистолет и заорал, что сейчас пристрелит и часового, и пленного за нарушение дисциплины.

Клиптон, пытавшийся вмешаться, получил кулаком по лицу, а всех больных, которые смогли подняться, вытолкали из лазарета. Их погнали на стройку, где заставили наваливать в тачки грунт, пригрозив, что забьют до смерти, если они не будут работать. Несколько дней в Квайском речном лагере царил террор. Полковник Никольсон отвечал на репрессии гордым молчанием.

В один из вечеров Сайто распорядился привести заключенного к себе. Выпроводив конвоиров, он усадил полковника за стол, достал из буфета банку американской тушенки, сигареты и бутылку лучшего виски. Как офицер, сказал комендант, он до глубины души восхищен его поведением, но война есть война, и тут ничего не поделаешь. Полковник должен понять его. Сайто получил приказ, в котором особо подчеркивается, что мост через реку Квай должен быть построен в кратчайший срок. Коменданту пришлось поэтому мобилизовать всю наличную силу. Полковник Никольсон отказался от тушенки, сигарет и виски, но с интересом выслушал Сайто. Когда тот кончил, он спокойно сказал, что комендант, очевидно, совершенно не представляет себе, как ведется подобное строительство.

Он вновь привел свои возражения. Спор, похоже, затягивался до бесконечности. Никто не взялся бы сказать, что выкинет Сайто в следующую минуту — будет ли он продолжать разговор или опять войдет в раж. Наступила долгая пауза. В душе Сайто, должно быть, боролись два этих желания. Полковник воспользовался заминкой, чтобы задать вопрос:

— Позвольте узнать, полковник Сайто, довольны ли вы ходом работ?

Коварный вопрос мог вполне склонить чашу весов к истерике: работы начались из рук вон плохо, и это снесало тревогой полковника Сайто — и собственное его положение, и честь целиком зависели от исхода битвы. Но нет, час мистера Хайда еще не пробил. Комендант замешкался с ответом и опустил глаза, бормотнув что-то невразумительное. Он налил пленному полный стакан виски, щедро плеснул себе и произнес:

— Мне кажется, полковник Никольсон, вы меня неверно поняли. А между нами не должно быть недоразумений. Когда я сказал, что все офицеры обязаны работать, я ни минуты не имел в виду вас, командира полка. Приказ касался других...

— Никто из офицеров не должен работать, — ответил полковник, отодвигая стакан.

Сайто с трудом сдержался, чтобы не вспылить, и как мог спокойнее продолжал:

— В последние дни я уже думал над этим. Мне кажется, я смог бы предоставить всем старшим офицерам административную работу. Ну а младшие, если им придется немного потрудиться, от этого... ;

— Никто из офицеров не должен быть на ручных работах, — повторил полковник Никольсон. — Задача офицеров — руководить действиями солдат.

Тут Сайто уже не мог сдержаться. Тем не менее по возвращении в карцер полковник понял, что, несмотря на побои и стенания, ему удалось укрепить завоеванные позиции. Он был теперь уверен, что все идет как надо и противнику очень скоро придется сложить оружие.

VI

Работа на строительстве не продвигалась. Полковник своим вопросом задел болезненную струну Сайто. Он правильно расценил, что в конце концов японец вынужден будет отступить.

Минули уже три недели, а пленные не только не начали строить мост, но и подготовительные работы провели столь «умело», что потребовалось бы некоторое время на то, чтобы исправить сделанное ими.

Возмущенные обращением с полковым командиром, восхищавшим их своей выдержкой и мужеством, доведенные до отчаяния руганью и побоями караульных, взбешенные рабскими условиями труда на этом стратегическом объекте противника, оторванные от своих офицеров, английские солдаты работали из рук вон плохо.

Никакими наказаниями нельзя было искоренить саботаж. Маленький японский инженер, случалось, плакал от бессильного отчаяния. Конвоиров было не так много, чтобы следить за всеми, да и те были неспособны распознать вредительство. Уже двадцать раз приходилось переделывать разметку обоих участков дороги. Повороты, рассчитанные инженером и выверенные белыми колышками, превращались в какие-то зигзаги, едва он

отворачивался. По возвращении инженер хватался за голову. Между берегами реки Квай, в том месте, где предстояло строить мост, был существенный перепад уровней. Состыковать два отрезка дороги не было никакой возможности. Одна бригада вдруг начинала с ожесточением копать, превращая будущее полотно в кратер. При этом конвоир радостно докладывал, что работы в его смену шли полным ходом. Появлялся инженер, начинал топтать ногами и раздавать оплеухи направо и налево — пленным и конвойным. Поняв, что их обвели вокруг пальца, конвоиры вымещали злость на англичанах. Но дело сделано, засыпка кратера требовала несколько часов, а то и дней.

Другую бригаду вывели в джунгли, приказав валить лес для моста. Пленные после тщательного отбора неизменно рубили самые гнилые и неровные деревья, или же, необыкновенно суетясь, долго пилили какую-нибудь громадную лесину, чтобы в конце концов свалить ее в воду.

Сайто, приходя проверять работы, бесился с каждым днем все больше и больше. Он плевался, ругался, колотил всех подряд, в том числе и инженера. Тот оправдывался, говоря, что рабочие никуда не годятся. Комендант начинал тогда орать еще громче и грозил новыми карами. «Чем можно сломить это глухое сопротивление?» — думал он вечерами. Комендант изводил пленных: во-первых, он чувствовал полную безнаказанность, а во-вторых, его толкал страх быть уволенным за неспособность. Уличенных в «безделье» или «саботаже» привязывали к дереву и хлестали по голому телу колючими ветвями. Залитых кровью солдат держали целый день на тропическом солнце рядом с муравейником. Вечером товарищи приносили их Клип-тону в лазарет — с ободранной спиной, в жару. Но разлеживаться Сайто им не давал. Он не забывал про наказанных. Если провинившиеся начинали двигаться, их отправляли на стройку, где конвоирам было велено не спускать с них глаз.

Выдержка этих строптивцев трогала Клиптона иногда до слез. Врач поражался, как они еще могли таскать ноги. Когда наказанных приносили в лазарет, они были едва в состоянии разомкнуть веки и прошептать на языке, бытовавшем среди пленных в лагерях Бирмы и Таиланда:

— Они не построят свой сучий мост, доктор... И сучий поезд их сучьего императора не пройдет по нему... Наш сучий полковник прав, он знает, что делает. Если увидите его, передайте, что мы с ним, все до единого... И этой сучьей образине не удастся поставить на колени английскую армию!

Жесточайшие меры не давали никаких результатов. Пленные сжились с террором. Пример полковника Никольсона кружил голову почище давно

забытых виски и пива. Когда одного из солдат избивали так, что он не мог больше выдержать, на его место заступал другой. Саботаж не прекращался ни на минуту. Все посулы и обещания Сайто отвергались. В часы отчаяния комендант с испугом думал, что исчерпал весь известный ему запас мучений и пыток.

Однажды Сайто выстроил пленных на плацу, прервав работы раньше обычного, чтобы не переутомлять их, сказал он. Им роздали печенье из рисовой муки и фрукты, купленные у крестьян соседней тайской деревни, — подарок японской армии. Сайто призвал пленных не жалеть усилий ради общего дела. Оставив на время свою заносчивость, комендант сказал, что он, как и они, — человек из народа, он только выполняет приказ. А офицеры, отказываясь работать, взваливают тем самым на солдат дополнительную нагрузку. Он понимает, как тяжело рядовым, и поэтому не держит на них ала. Он даже решил своей властью уменьшить норму. Инженер назначил норму дневной выработки в полтора кубометра грунта на человека; так вот он, Сайто, срезает ее до одного кубометра. Комендант идет на это в знак сочувствия к пленным солдатам. Он надеется, что они оценят этот братский жест, быстро закончат необременительный труд и помогут тем самым разделаться с треклятой войной.

К концу речи в его голосе слышались почти умоляющие нотки. Однако мольбы возымели не больше действия, чем побои. На следующий день все пленные выполнили норму. Каждый нагрузил положенный кубометр грунта на тачку, но свалил его так, что работу нельзя было расценить иначе как издевательство.

И Сайто уступил. Все средства воздействия были исчерпаны, а упрямству пленных не видно было конца. Последние дни перед тем, как признать поражение, он смотрел на лагерь взором загнанного зверя. Комендант дошел до того, что стал упрашивать молодых лейтенантов выбрать для себя работу, обещая за это поблажки и улучшенное питание. Но никто не изъявил желания. Ко всему прочему со дня на день могла нагрянуть инспекция из главного штаба. В результате комендант согласился на постыдную капитуляцию.

Отчаянным маневром он пытался «сохранить лицо», но жалкая эта попытка не могла обмануть даже собственных его солдат. 7 декабря 1942 года, в годовщину вступления Японии в войну, объявил, что в честь славной даты прощает всех наказанных. Вызванному для беседы полковнику он заявил, что принял крайне благожелательное решение: офицеры не будут участвовать ни в каких ручных работах. В ответ он надеется, что они приложат все усилия для мобилизации солдат на

повышение производительности труда.

Полковник Никольсон ответил, что принимает это к сведению. Теперь, когда взаимоотношения будут строиться на корректной основе, у него нет оснований противиться выполнению программы, намеченной победителями. Совершенно ясно, что офицеры, как это принято во всех армиях цивилизованных стран, будут отвечать за своих солдат.

То была полная капитуляция японской стороны. В английском лагере победа была отмечена в тот вечер песнями, криками «ура» и дополнительной порцией риса. Скрипя зубами, Сайто распорядился выдать ее, подчеркивая, что инициатива по-прежнему на его стороне. После этого комендант заперся у себя в комнате и, плача над поруганной честью, пил в одиночестве до полуночи; пил, пока не свалился в беспамятстве на койку, что вообще-то с ним случалось редко, в чрезвычайных обстоятельствах, — обычно он выдерживал самую жуткую смесь.

VII

Полковник Никольсон в сопровождении своих советников, майора Хьюза и капитана Ривза, шел вдоль насыпи, на которой трудились пленные.

Он ступал медленно. Торопиться было некуда. По выходе из карцера полковник одержал вторую победу, добившись для себя и остальных офицеров четырех выходных дней — в качестве компенсации за незаслуженно понесенное наказание. Сайто до боли сжал кулаки, услышав об этом, но согласился. Помимо этого, комендант распорядился хорошо обращаться с пленными и избил в кровь конвойного, на лице которого, как ему показалось, мелькнула ироническая улыбка.

Надо сказать, полковник Никольсон потребовал четыре дня отдыха не только для того, чтобы восстановить силы после пребывания в застенке. Ему было нужно поразмыслить над создавшимся положением. Следовало обсудить его со штабом и выработать линию поведения, как полагается всякому добросовестному начальнику. Кидаться очертя голову в импровизации — этого он не терпел пуще всего.

Очень скоро полковник убедился, что его солдаты за это время превратились в настоящих вредителей. Хьюз и Ривз не смогли скрыть удивления при виде результатов их работы.

— Восхитительная насыпь, для железной дороги лучше не придумаешь! — сказал Хьюз. — Особо отличившихся следовало бы отметить в приказе, сэр. Как подумаешь, что по ней пойдут составы с

боеприпасами!.. Полковник не улыбнулся.

— Прекрасная работа, — подлил масла в огонь капитан Ривз, бывший до войны инженером общественных работ. — Неужели кому-то придет в голову класть рельсы на эти «американские горки»? Я предпочел бы, сэр, вновь пережить атаку японцев, чем сесть в поезд на этом участке.

Полковник оставался серьезным. Он лишь спросил:

— Что вы думаете, Ривз, как инженер, обо всем этом — можно ли использовать хоть какую-то часть сделанного?

— Думаю, нет, сэр, — ответил Ривз после паузы. — На их месте я бы оставил в покое всю эту мешанину и начал новую насыпь чуть дальше.

Озабоченность не сходила с лица полковника Никольсона. Он кивнул головой и молча продолжил обход. Прежде чем высказывать свое мнение, он хотел осмотреть всю стройку.

Они вышли к реке Квай. Бригада человек в пятьдесят нагишом, если не считать треугольника, выданного японцами в качестве «спецовок», суетилась вокруг насыпи. Перед ними, забросив за спину винтовку, взад и вперед прохаживался конвоир. Часть людей копала в отдалении яму, другие перетаскивали землю на бамбуковых носилках к насыпи, отмеченной белыми колышками. Первоначально линия колышков шла перпендикулярно берегу, но пленные постепенно «скорректировали» ее так, что теперь она шла почти параллельно ему. Японского инженера здесь не было. Он стоял на том берегу и, размахивая руками, что-то втолковывал заречной бригаде — ее ежеутренне переплавляли туда на плотках. Крики его доносились через реку.

— Кто прокладывал линию? — спросил полковник, останавливаясь.

— Он размечал ее, сэр, — ответил английский капрал, вытягиваясь перед командиром и указывая на инженера. — Он разметил, а я потом немного исправил. Когда он ушел. Мы разошлись с ним во мнении, сэр.

Поблизости не было конвоира, и капрал поэтому подмигнул полковнику. Никольсон не прореагировал. Лицо его было все так же хмуро.

— Я вижу, — ледяным тоном ответил он.

Больше он ничего не сказал. Немного дальше он остановился возле другого капрала. С несколькими солдатами тот с гигантским трудом выкорчевывал из земли пень. При этом они почему-то тянули его наверх, на насыпь, вместо того чтобы спихнуть под откос. За происходящим бесстрастно наблюдал японский конвоир.

— Сколько человек работают у вас сегодня? — властно спросил полковник.

Караульный выкатил на него глаза, не зная, дозволено ли англичанину

отрывать от работы пленных, однако в голосе у полковника было столько уверенности, что он промолчал. Капрал живо вытянулся и, запинаясь, отрапортовал:

— Двадцать... нет, двадцать пять, сэр. Точно не могу сказать. Одному солдату стало плохо, когда мы пришли. Полагаю, внезапный солнечный удар, сэр. Дело в том, что на побудке он был вполне здоров. Пришлось отрядить трех солдат, чтобы отнести его в лазарет, сэр, — сам он не мог идти. Они ушли и еще не вернулись. Это был самый большой и самый тяжелый солдат в отделении, сэр. Конечно, теперь нам не удастся выполнить норму, сэр. Похоже, эту дорогу преследуют одни неудачи.

— Капрал обязан точно знать, сколько у него людей, — сказал полковник. — Какая у вас норма выработки?

— Один кубометр грунта в день на человека, сэр. Но здесь столько проклятых корней, что, боюсь, мы не сможем выполнить ее, сэр.

— Я вижу, — еще более сухо отозвался полковник. Он двинулся дальше, проворчав что-то себе под нос. Хьюз и Ривз следовали за ним.

Полковник со свитой поднялся на возвышение, откуда открывался широкий вид на реку и на стройку. В этом месте Квай расходилась метров на сто, берега круто обрывались вниз. Полковник оглядел местность и обратился к спутникам. Голос его обрел уже былую твердость:

— Как видите, господа, японцы пытаются копировать наши методы. Но безрезультатно. Как можно строить без проекта? Это бессмысленная трата времени... Что вы думаете об этом, Ривз? Железные дороги, мосты — это ведь ваша область?

— Так точно, сэр, — отозвался с природной живостью капитан. — В Индии мне пришлось выстроить больше десятка подобных мостов. Имея такой запас стройматериалов в джунглях и столько рабочих рук на площадке, умелый инженер закончил бы мост меньше, чем за шесть месяцев.

— Зрелище всей этой анархии действительно вызывает раздражение, — произнес Хьюз.

— А меня, — прервал полковник, — вы думаете, меня радует подобный скандал! Я никак не могу прийти в себя после сегодняшнего зрелища.

— Во всяком случае, сэр, за вторжение в Индию, думаю, можно не беспокоиться, — засмеялся капитан Ривз. — Дорогу строят для этого, так, кажется? Но первый же поезд провалит мост через реку Квай!

Полковник Никольсон продолжил прерванную мысль, по очереди впиваясь глазами в собеседников:

— Джентльмены, нам потребуется немало твердости, чтобы призвать солдат к порядку. Они переняли от этих варваров расхлябанность и лень, несовместимые со званием английского солдата. При этом нужно проявить терпение и такт, поскольку здесь не только их вина. Они остались без руководителей. А битье не заменяет авторитета, как вы только что убедились... Никакого порядка, полная анархия.

Он замолчал. Офицеры пытались понять, к чему он клонит. Но в словах не было никакого подтекста. Полковник Никольсон говорил с присущей ему прямоотой. После раздумья он продолжил:

— Я попрошу вас и обращусь с этой просьбой к остальным офицерам — проявить на первых порах понимание. Я сам обращусь к солдатам. Первым делом следует устранить наиболее скандальные промахи. Надо запретить под каким бы то ни было предлогом отлучаться со стройки. Капралы обязаны точно знать, что у них делается. Считаю, нет смысла говорить о необходимости строжайше пресекать любые попытки к саботажу и неповиновению. Рельсы должны лежать на новой насыпи, а не на американских горках, как совершенно верно заметил Ривз.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

В Калькутте полковник Грин, командир особого диверсионного Отряда 316, вновь и вновь перечитывал полученное донесение; оно попало к нему на стол кружным путем и украсилось по дороге приписками доброй полдюжины разведывательных служб и тайных ведомств. Деятельность Отряда 316 (или «Фирмы подрывных работ» для посвященных) еще не достигла того размаха, какой она приобрела к концу войны на Дальнем Востоке. Но его люди весьма прилежно и с любовью «интересовались» строительными работами японцев в Малайе, Бирме, Таиланде и Китае. При этом скудость средств Отряд стремился восполнить отвагой засылаемых диверсантов.

— Впервые вижу такое дружное согласие, — буркнул полковник Грин. — Придется что-нибудь предпринять.

Первая часть его замечания касалась многочисленных отделов секретной службы, с которыми был связан Отряд 316. Каждое ведомство ревниво цеплялось за свои прерогативы, отгородившись каменной стеной от соседей, а поэтому им часто случалось приходить к прямо противоположным выводам. Это каждый раз приводило в ярость полковника Грина — ведь ему надлежало на основе полученной информации выработать план действий. «Действия» — это была вотчина Отряда 316; полковник Грин читал теоретические обоснования и вникал в разногласия отделов только в том случае, если они имели отношение к предстоящей операции. Иначе, втолковывал он подчиненным, невозможно работать. Ежедневно ему приходилось тратить время на то, чтобы выудить зерно истины из вороха разноречивых донесений, учитывая при этом не только содержание информации, но и психологические особенности тех, от кого она поступала (оптимист, пессимист, склонен к произвольному толкованию фактов или, наоборот, абсолютно неспособен оценить их).

* * *

Особое место в сердце полковника занимала великая и неповторимая

Интеллидженс сервис [*Британская разведка. (Примеч. пер.)*]. Считая себя вседержительницей тайнств, она систематически отказывалась сотрудничать с исполнителями. Замкнувшись в «башне из слоновой кости», она не допускала к самым ценным своим документам никого, кто бы мог извлечь из них пользу. И все это под тем предлогом, что содержащиеся там сведения слишком секретны, а поэтому их немедленно надлежит спрятать в сейф. Там они и лежали, накапливаясь годами, до тех пор, пока становились абсолютно ненужными, вернее до тех пор, пока много-много времени спустя после войны их не брал кто-нибудь из высших чинов разведки, надумавших перед смертью написать мемуары. Надо же поведать потомству и потрясенной публике, как, в какое время и при каких обстоятельствах разведка сумела хитростью завладеть оперативными планами врага; как загодя и с большой точностью были установлены место и время его наступления. Эти сведения в точности соответствовали действительности, поскольку означенный противник действительно успешно нанес тогда удар в нужном ему месте.

Таковы были, возможно, не лишённые крайностей взгляды полковника Грина, отрицавшего теорию искусства для искусства в области разведки. Первое его замечание, таким образом, относилось к воспоминаниям о прошлых операциях. Но перед лицом волшебного согласия всех отделов и скрупулезной точности данных, собранных в данном конкретном случае, он почти с досадой признал, что на сей раз разведка проделала полезную работу. Правда, он не без злорадства констатировал, что сведения, содержащиеся в донесениях, давным-давно уже были известны в Индии. Резюмировать их можно было следующим образом:

«Строительство железной дороги через Таиланд и Бирму силами шестидесяти тысяч союзных военнопленных под охраной японцев продолжается. Работы ведутся в жутких условиях. Несмотря на большие потери, прокладка этого стратегически важного для противника пути будет закончена через несколько месяцев... Прилагается примерный маршрут трассы. Она пересекает несколько рек, через которые наводят деревянные мосты...»

В этом месте, повторяя в уме донесение, полковник Грин почувствовал, как к нему возвращается хорошее настроение, и даже улыбнулся. Он продолжал:

«Тайское население очень недовольно японскими „защитниками“; солдаты ведут себя, как мародеры, отнимают рис. Особенное волнение наблюдается среди крестьян в зоне строительства железной дороги. Многие высшие офицеры таиландской армии и даже несколько членов

королевской фамилии тайно вступили в контакт с союзниками. Они готовы поддержать в стране антияпонское движение. Для этого уже существует основа из добровольцев-партизан. Они просят прислать оружие и инструкторов».

— Сомнений нет, — заключил полковник Грин. — Надо посылать на дорогу диверсионную группу.

Приняв решение, он задумался, кого назначить руководить операцией. Человек должен был обладать для этого многими качествами. Отвергнув несколько кандидатур, он остановился на майоре Ширсе, бывшем кавалерийском офицере, вступившем в Отряд 316 в момент формирования; по сути, Ширс был одним из создателей Отряда. Эта войсковая часть родилась благодаря горячей инициативе нескольких офицеров, поддержанной без особого энтузиазма кое-кем из начальства. Ширс вернулся недавно из Европы, где успешно выполнил ряд деликатных заданий. Вызвав его, Грин имел с ним долгий разговор. Он сообщил майору все имеющиеся данные и набросал в общих чертах план предстоящей миссии.

— Часть снаряжения возьмете с собой, остальное мы вам доставим самолетом по мере надобности. Что касается самого дела — решите на месте. Только не торопитесь. По моему мнению, стоит подождать завершения строительства и тогда устроить большой фейерверк. Мелкие диверсии только всполошат их раньше времени.

Значение слова «дело», так же, как и характер снаряжения, не нуждалось в уточнении. Смысл деятельности «Фирмы подрывных работ» был ясен уже из названия.

До поры до времени Ширс должен был наладить контакт с тайскими партизанами, убедиться в их лояльности и желании сражаться, а затем приступить к обучению диверсантов.

— Я думаю, сейчас вам хватит группы из трех человек, — предложил полковник Грин. — Как вам кажется?

— Вполне достаточно, сэр, — подтвердил Ширс. — Ядро должно состоять максимум из трех европейцев. При большем числе мы рискуем привлечь внимание.

— Значит, согласны. Кого вы предполагаете взять?

— Уордена, сэр.

— Капитана Уордена? Доцента Уордена? У вас хороший вкус, Ширс. Вы да он — лучшие наши работники.

— Я полагал, сэр, речь идет о важном задании, — сказал Ширс бесстрастным тоном.

— Разумеется. Задание очень ответственное. Тут и дипломатическая миссия, и дело.

— Уорден великолепно подходит для этого, сэр. Бывший доцент кафедры восточных языков! Он владеет сиамским и сможет договориться с крестьянами. Хладнокровен, редко выходит из себя... во всяком случае, не чаще, чем требуется.

— Хорошо. Берите Уордена. Кто еще?

— Я подумаю, сэр. Может, попробовать кого-нибудь из молодых, окончивших курсы? Я видел там нескольких парней, они производят хорошее впечатление. Позвольте дать вам ответ завтра.

(Отряд 316 организовал в Калькутте спецшколу для обучения добровольцев-диверсантов.)

— Хорошо. Взгляните теперь на карту. Я видел несколько мест для выброски. Там, утверждает агентура, вы сможете укрыться у таев. Мы провели уже воздушную разведку.

Ширс склонился над картой и фотографиями аэросъемки. Он внимательно осмотрел район, выбранный для него командиром Отряда 316. Всякий раз перед уходом на задание он чувствовал этот пробежавший по спине холодок. В Отряде все задания были захватывающими, но на сей раз выпал рейд по совершенно диким районам, в покрытых джунглями горах, населенных охотниками и контрабандистами.

— Вот несколько подходящих мест, — продолжал полковник Грин. — Скажем, это изолированное селенье. Недалеко от бирманской границы; два-три дня пути до железной дороги, не больше. Судя по схеме, трасса должна пересечь реку... реку Квай, если схема верна... Здесь, наверное, будет один из самых длинных мостов на всей трассе.

Ширс улыбнулся, как улыбнулся в этом месте его шеф, вспоминая о многочисленных прошлых делах.

— Если вариант не отпадет после более детального изучения, точка вполне подходит для базы, сэр.

— Хорошо. Тогда будем готовить парашютный десант. Вы полетите через три-четыре недели, как только таи дадут согласие. Вам уже приходилось прыгать?

— Ни разу, сэр. Парашют только начинал входить в нашу практику, когда я уезжал из Европы. Уорден, кажется, тоже никогда не прыгал.

— Подождите минуту. Я спрошу у специалистов, могут ли они организовать вам несколько тренировочных прыжков.

Полковник Грин снял телефонную трубку, попросил соединить с кем-то из авиационного начальства и изложил свою просьбу. Ответ был долгий

и, похоже, малоудовлетворительный. Ширс, следивший за лицом полковника, увидел, что оно приняло жесткое выражение.

— Это ваше окончательное мнение? — спросил полковник Грин.

Он постоял еще немного, нахмурился, потом опустил трубку на рычаг. После паузы полковник Грин заговорил:

— Хотите знать мнение специалиста? Пожалуйста. Оно звучит так: «Если вы в самом деле хотите, чтобы ваши люди совершили несколько тренировочных прыжков, я организую им это. Но, если вас интересует мое мнение, я категорически не советую этого делать. Разве только у нас есть впереди полгода для серьезной подготовки. Мой опыт подобных прыжков на пересеченной местности учит следующему. Когда они прыгают в первый раз, у них — вы меня слышите? — у них примерно пятьдесят шансов из ста сломать себе что-нибудь. При повторном прыжке шансов становится восемьдесят из ста. На третий раз можно быть абсолютно уверенным, что они свернут себе шею. Понимаете? Это не вопрос тренировок, а задача на теорию вероятности. Самое мудрое для них — прыгать один-единственный раз, когда потребуется...» Вот что он сказал мне. Решайте сами.

— Какое счастье, что у нас в армии есть сейчас специалисты по любому вопросу, сэр! — совершенно серьезно ответил Ширс. — Вряд ли нам удастся перемудрить их. В его словах есть здравый смысл. Я уверен, что рациональный Уорден согласится со мной. Мы прыгнем один раз, как он советовал, — когда потребуется.

II

— Я замечаю, Ривз, вы чем-то недовольны, — сказал полковник Никольсон саперному капитану, который весь кипел от негодования. — Что-нибудь случилось?

— Недоволен! Так больше не может продолжаться, сэр, честное слово. Я должен с вами поговорить. Майор Хьюз того же мнения.

— В чем дело? — нахмурился полковник.

— Я полностью согласен с Ривзом, сэр, — сказал Хьюз, подходя ближе. — Так действительно больше не может продолжаться.

— Что именно?

— На стройке царит полная анархия. За свою карьеру я не припомню такой вопиющей безалаберности. Так мы ни к чему не придем. Все командуют. Сегодня отдается один приказ, завтра — другой. Если японцы

будут продолжать вмешиваться, дело кончится крахом.

Строительство пошло быстрее с тех пор, как во главе бригад встали английские офицеры. Тем не менее было ясно, что перспективы вырисовываются неутешительные.

— Объясните подробнее. Начните вы, Ривз.

— Сэр, — начал тот, вынимая из кармана листок бумаги. — Я отметил здесь самые вопиющие безобразия; иначе список был бы бесконечным.

— Выкладываете. Вы думаете, я сам не вижу, что дело не ладится?

— Хорошо, сэр. Во-первых, строить мост в этом месте — безумие.

— Почему?

— Илистое дно, сэр! Кому в голову придет ставить железнодорожный мост на зыбком грунте? Готов держать пари, сэр, мост рухнет, как только на него въедет первый поезд.

— Это серьезно, Ривз, — сказал полковник Никольсон, внимательно вглядываясь в собеседника прозрачными глазами.

— Очень серьезно, сэр. Я попытался втолковать это японскому инженеру... Инженер! Я бы не доверил ему лопаты! Как прикажете говорить с человеком, не знающим, что такое сопротивление грунтов! Он делает круглые глаза, когда я называю ему цифры предельно допустимых нагрузок. К тому же он почти не говорит по-английски. Тем не менее я набрался терпения, сэр, и всеми способами пытался переубедить его. Я даже поставил эксперимент, чтобы доказать свою правоту.

— Эксперимент, Ривз? — переспросил полковник Никольсон, в котором это слово вызывало всегда страстное любопытство.

— Простейший опыт, сэр, понятный малому ребенку. Видите, вон там торчит из воды деревянная свая? Это я вколотил ее. Обратите внимание, она почти целиком вошла в дно, а мы не добрались еще до твердого грунта. При каждом новом ударе она уходит все глубже, сэр. То же самое произойдет, когда на мост въедет поезд, даю гарантию. Необходимо отлить основания опор из бетона, но у нас нет цемента.

Полковник внимательно посмотрел на сваю и спросил у Ривза, нельзя ли повторить опыт. Ривз отдал распоряжение. Несколько пленных подошли к копру и взялись за веревку. Тяжелый груз, переброшенный через блок, два-три раза ударил сверху по бревну. Оно довольно заметно погрузилось в воду.

— Видите, сэр! — торжествующе воскликнул Ривз. — Мы могли бы колотить так до завтра! Скоро свая будет целиком под водой.

— Так, — сказал полковник. — Сколько уже вогнали опор?

Ривз, заглянув в запись, дал точную цифру. Он добавил, что если

рубить даже самые длинные стволы в джунглях, все равно не удастся достичь твердого грунта.

— Хорошо, — заключил полковник Никольсон с явным удовлетворением. — Все ясно, Ривз. Как вы сказали, понял бы даже малый ребенок? Этим и хороши подобные опыты. Тем не менее убедить инженера не удалось? Не беда. Главное, что я разделяю вашу точку зрения. Какое решение вы предлагаете?

— Надо перенести мост, сэр. У меня есть на примете подходящее место примерно в миле отсюда. Конечно, надо еще будет проверить.

— Можете уже проверять, Ривз, — спокойно сказал полковник. — Давайте сюда ваши цифры. Я буду говорить с японцами.

— Он пометил у себя первый пункт.

— Что еще, Ривз?

— Стройматериалы для моста, сэр. Вы бы видели, что это за бревна! Наши солдаты раньше выбирали заведомо непригодный лес. Представьте, сэр, что этот горе-инженер делает то же самое! Он тычет в первое попавшееся дерево, не интересуясь, какая это порода — с твердой, мягкой, хрупкой древесиной, как она поведет себя под нагрузкой. Просто стыд и позор, сэр!

Полковник Никольсон сделал вторую пометку на клочке бумаги, служившем ему записной книжкой.

— Еще что-нибудь, Ривз?

— Я приберег это под конец, сэр. Хотя, наверное, с этого надо было начинать. Как вы видели, река расходится здесь на четыреста футов. Берега высокие. Настил, следовательно, будет в ста футах над водой, не ниже. Это уже серьезное сооружение. Я несколько раз просил инженера показать мне проект. Он отмахивался и огрызался, как все они, когда попадают в неловкое положение... до тех пор, пока я категорически не потребовал. Не знаю, поверите вы или нет, сэр, но у него не оказалось проекта. Он не готовил его и не собирается! Похоже, он даже не понимает, о чем идет речь. Я не преувеличиваю; он намерен вбить пару свай, а сверху набросать досок. Как будто перед ним не река, а канава! Все это заведомо рухнет в первый же день. Мне стыдно принимать участие в подобной белиберде, сэр!

Возмущение его было настолько искренним, что полковник Никольсон счел уместным заметить:

— Спокойней, Ривз. Вы хорошо сделали, что выложили все наболевшее. Я разделяю ваше мнение. Самолюбие есть у каждого.

— Честное слово, сэр, я предпочел бы снова сесть в карцер, только не

участвовать в родах этого чудовища.

— Полностью на вашей стороне, — отозвался полковник, помечая у себя последний пункт. — Дело действительно серьезное, и его нельзя пускать на самотек. Обещаю вам принять меры. Что у вас, Хьюз?

Майор Хьюз был возмущен не меньше коллеги, и это особенно бросалось в глаза, поскольку обычно он отличался спокойствием.

— Сэр, нам не удастся ни наладить работу, ни установить порядок на стройке до тех пор, пока японские караульные — посмотрите только на них, сэр, настоящие звери! — будут на каждом шагу вмешиваться в наши распоряжения! Утром, например, я разбил бригаду, работающую на насыпи, на три звена: первое набирало грунт, второе переносило его, а третье укладывало и разравнивало насыпь. Я сам отобрал людей в каждое звено, точно наметил задание, с тем чтобы добиться одновременного...

— Понимаю, — сказал заинтересованно полковник. — Разделение труда.

— Совершенно верно, сэр... У меня большой опыт в этой области. До того как стать директором фирмы, я был прорабом на строительстве. Мне приходилось рыть колодцы по триста футов глубиной... так вот, подготовленная мной бригада приступила с утра к работе. Все шло чудесно. Мы значительно опередили график, установленный японцами. Но нет! Появился караульный, начал орать, махать руками и велел всем собраться в одном месте. Ему, видите ли, так легче охранять. Болван! В результате сумятица, неразбериха, анархия. Люди толкаются, мешают друг другу. Поглядите сами, сэр. Отвратительное зрелище.

— Вижу. Полностью согласен с вами, — одобрительно кивнул полковник Никольсон. — Я и сам уже обратил внимание на толкотню.

— Еще не все, сэр. Наша тупоголовая администрация назначила норму в кубометр грунта на солдата, хотя при правильном руководстве можно выбирать гораздо больше. Между нами говоря, это детская порция, сэр. Как только этот кубометр уложен, они дают отбой. Вообразите только, сэр! Даже если остается небольшой кусок невыровненной насыпи, они уводят людей со стройки средь бела дня. От сих до сих сделано? Все, домой. Как мне после этого командовать? И как я буду выглядеть перед солдатами?

— Вы полагаете, норма в самом деле невелика? — осведомился полковник Никольсон.

— Просто смехотворна, сэр, — включился в разговор Ривз. — В Индии, где климат столь же тяжел, и на куда более трудном грунте кули легко вырабатывали полтора кубометра.

— Мне и самому казалось... — протянул полковник. — В свое время в

Африке мне довелось руководить прокладкой дороги. И солдаты, как я помню, продвигались значительно быстрее. Да, так больше не может продолжаться, — решительно закончил он. — Вы правильно сделали, что сообщили, мне.

Он перечел свои записи, подумал, затем вновь обратился к помощникам:

— Вам интересно знать мои выводы? Все дефекты, о которых говорили вы, Хьюз, и вы, Ривз, проистекают по одной причине: отсутствие организации. И больше всех виноват здесь я; мне надо было оговорить все с самого начала. Поспешность всегда оборачивается потерей времени. Нужна правильная постановка дела.

— Абсолютно верно, сэр — поддержал Хьюз. — Подобное строительство нельзя было начинать, не имея проекта и плана работ.

— Лучше всего будет собрать совещание, — сказал полковник Никольсон. — Мне следовало подумать об этом давно... Пригласим японцев. Обсудим, кто за что отвечает. Да, совещание. Сегодня же скажу об этом Сайто.

III

Совещание состоялось несколько дней спустя. Сайто не очень хорошо уяснил, о чем будет речь, однако согласился присутствовать. Он не хотел расспрашивать, желая «сохранить лицо».

Полковник Никольсон составил повестку дня и теперь ждал с офицерами в длинном бараке, служившем столовой для военнопленных. Сайто явился в сопровождении инженера, личной охраны и трех капитанов. Те, хотя и не понимали ни слова по-английски, должны были составлять свиту. Британские офицеры дружно вытянулись по стойке «смирно». Полковник по всей форме откозырял коменданту. Сайто пришел в замешательство. Он прибыл с намерением утвердить свой авторитет, однако почувствовал явную неловкость, не зная, как реагировать на почести, оказанные с традиционной величественной корректностью.

Наступила довольно долгая пауза. Полковник Никольсон вопросительно смотрел на японца — тот по праву должен был открыть совещание. Нельзя же представить себе конференцию без председательствующего! Воспитание и обычай вежливости заставляли полковника ждать, когда японский коллега объявит заседание открытым. Но Сайто не знал, что ждут от него, и упорно не желал быть в центре

внимания. В присутствии подчиненных он не мог себе позволить какой-нибудь промах и поэтому молчал. А маленький японский инженер, тот вообще старался быть как можно незаметней.

Усилием воли Сайто справился с собой. Подчеркнуто враждебным тоном он спросил полковника Никольсона, что тот имеет сказать. Это никак не могло его компрометировать. Видя, что от коменданта ждать нечего, полковник решил взять инициативу в свои руки. Тем более что английская сторона уже начала тревожиться. Он произнес ритуальное: «Джентльмены!», объявил совещание открытым и в нескольких словах изложил повестку дня; организация работ на строительстве моста через реку Квай и выработка совместной программы действий. Клиптон, присутствовавший здесь, — полковник пригласил его, чтобы врач мог высказаться по общей программе, — обратил внимание, что шеф обрел уже свою прежнюю импозантность. Его непринужденность росла по мере того, как терял уверенность Сайто.

После классического вступительного слова полковник перешел к делу:

— Прежде всего, полковник Сайто, нам, очевидно, следует обсудить вопрос о месте возведения моста. Оно было выбрано, как нам кажется, несколько поспешно. Мы предлагаем перенести его в пункт, находящийся примерно в миле ниже по течению. Это, разумеется, несколько удлинит трассу железной дороги. Мы полагаем в этой связи, что было бы целесообразно перенести лагерь ближе к будущей стройке. Предложение, думаю, не вызовет возражений.

Сайто что-то буркнул, насупившись. Клиптон ждал, что японец придет в ярость. Легко было представить его душевное состояние. Минул месяц, а сделано — ровным счетом ничего. Теперь же англичане предлагают еще существенно увеличить объем работ! Он резко встал, стиснув рукой эфес сабли, однако полковник Никольсон не дал ему раскрыть рот.

— Позвольте закончить, полковник Сайто, — властно сказал он. — По моей просьбе капитан Ривз, офицер инженерных войск и специалист по строительству мостов, произвел расчеты. Они показывают...

За два дня до этого, проследив за действиями инженера-японца, полковник окончательно убедился в его несостоятельности. Тут же на месте было принято решение. Он положил руку на плечо своего технического советника и сказал:

— Все ясно, Ривз. Этот невежда смыслит в мостах еще меньше моего. Вы ведь инженер, не так ли? Придется вам начать все с начала. На его действия и распоряжения можете не обращать внимания. Перво-наперво подыщите подходящее место.

Ривз, обрадованный, что получил возможность вернуться к своим довоенным занятиям, обошел весь участок, тщательно делая замеры и беря пробы грунта со дна. Вскоре он нашел вполне годное место, где песчаное ложе было способно выдержать нагрузку моста.

Прежде чем Сайто успел разразиться негодующей речью, полковник предоставил слово Ривзу. Тот изложил основные технические принципы мостостроения и назвал цифры допустимых нагрузок в тоннах на квадратный дюйм грунта. Из цифр явствовало, что мост, поставленный на илистом дне, непременно провалится под тяжестью поезда. Когда Ривз закончил изложение, полковник поблагодарил его от имени всех присутствующих и заключил:

— Мне кажется очевидным, полковник Сайто, что мост во избежание катастрофы следует перенести. Могу ли я узнать мнение вашего сотрудника?

Сайто, проглотив приступ бешенства, взял себя в руки и быстро заговорил со своим инженером. Японцы, конечно же, не могли направить в Таиланд свои лучшие инженерные кадры — те были нужны дома для работы в военной промышленности. У руководителя работ в Квайском лагере явно не хватало ни опыта, ни уверенности в своих силах, ни авторитета. Он густо покраснел, когда полковник Никольсон пододвинул ему расчеты Ривза, и сделал вид, что проверяет их. Затем дрожащим от волнения голосом промолвил, что здесь все правильно; он сам несколько дней назад пришел к аналогичному выводу. Это была настолько унижительная «потеря лица» для японской стороны, что Сайто стал мертвенно-бледным; на лбу у него выступили капельки пота.

Он кивнул головой в знак согласия. Полковник продолжал:

— Итак, мы пришли к общему мнению, полковник Сайто, что все работы следует прекратить. Кстати, насыпи все равно пришлось бы переделывать, поскольку качество исполнения ниже всякой критики.

— Плохие рабочие, — проскрипел Сайто, искавший возможности взять реванш. — Японские солдаты за две недели закончили бы эти два участка пути.

— Конечно, японские солдаты работали бы лучше, поскольку они привыкли к методам своего начальства. Я надеюсь, полковник Сайто, что вскоре вы сможете увидеть истинное лицо английского солдата... Упомяну в этой связи, что я изменил норму выработки для своих людей.

— Что-о? — закричал Сайто.

— Да, я увеличил ее, — спокойно продолжал полковник, — с одного кубометра до полутора. Это в наших общих интересах, и, мне казалось, вы

должны одобрить эту меру.

Комендант опять попал впросак. Полковник тут же перешел к следующему вопросу:

— Вам, очевидно, известно, полковник Сайто, что у нас приняты иные методы работы. Я надеюсь, мы сумеем доказать их эффективность. При условии, что нам будет предоставлена свобода действий. По нашему мнению, подобное строительство невозможно без четкой организации работ. Мы выработали план, который я предоставляю на ваше одобрение.

С этими словами полковник развернул организационную схему, над которой он трудился со штабом два дня. Схема была относительно проста и составлена с учетом компетенции каждого офицера. Полковник Никольсон должен был осуществлять общее руководство. Он же отвечал за все перед японцами. Капитан Ривз должен был возглавить программу изысканий, а затем стать техническим руководителем будущей стройки. Майор Хьюз, имевший опыт управления, становился как бы директором мостостроительной компании. Ему непосредственно подчинялись офицеры полка — начальники рабочих бригад. Не была забыта и административная служба, осуществлять которую полковник доверил своему лучшему унтер-офицеру, бухгалтеру по специальности. Ему предстояло обеспечивать связь между подразделениями, передачу приказов, контроль за ходом работ, распределение и сохранность инвентаря и т. д.

— Подобная служба абсолютно необходима, — заметил полковник. — Мне думается, полковник Сайто, вам следует взглянуть, в какое состояние пришли инструменты, выданные всего месяц назад. Форменное безобразие... Я настоятельно прошу принять эти предложения за основу, — произнес полковник Никольсон, выпрямляясь. Он закончил описание всех звеньев будущего органа управления и объяснил назначение каждого из них. — Разумеется, я к вашим услугам, если потребуются дополнительные разъяснения. Все ваши замечания будут тщательно изучены. Сейчас же позвольте узнать, одобряете ли вы намеченные мероприятия в целом?

Сайто хотел уточнить кое-что, однако полковник принял такой безапелляционный вид, что ему оставалось кивком головы лишь выразить свое согласие. Одним движением он принял план, ограждавший пленных от всякого японского вмешательства и низводивший его, полковника Сайто, до роли простого наблюдателя. Какое унижение!.. Но комендант готов был на любую жертву, лишь бы завершить эту стройку, от которой зависела вся его дальнейшая карьера. Превозмогая себя, отдал он в руки иностранцев судьбу моста. Только бы поскорей построить его.

Окрыленный первыми победами, полковник Никольсон двинулся

далее:

— Есть еще один важный момент, полковник Сайто, — это сроки. Я полагаю, вы понимаете, что объем работ существенно возрастет из-за удлинения трассы. К тому же возведение новых бараков...

— К чему новые бараки? — запротестовал Сайто. — Пленные вполне могут пройти одну-две мили до работы...

— Я попросил своих сотрудников рассмотреть оба варианта, — терпеливо ответил полковник Никольсон. — Вот их выводы...

Расчеты Ривза и Хьюза ясно показывали, что общее количество часов, которые уйдут на дорогу, значительно превышает затраты времени на постройку нового лагеря. Вновь почва была выбита из-под ног Сайто. Никольсон продолжал:

— С другой стороны, мы и так потеряли больше месяца в результате печального недоразумения, происшедшего не по нашей вине. Чтобы закончить мост к намеченной дате — а я обещаю это при условии, что вы примете наше предложение, — нужно одновременно начать валку деревьев, подготовку опор, прокладку дороги и строительство бараков. Расчеты майора Хьюза, имеющего богатый опыт масштабных работ подобного профиля, показывают, что у нас не хватит людей.

Полковник Никольсон выдержал паузу, набрал воздуха и в тишине, заряженной тревожным ожиданием, выпалил единым духом:

— Я предлагаю следующее, полковник Сайто. Основную часть английских солдат мы бросим на мост. Для возведения насыпи почти не остается людей. Поэтому я прошу вас для усиления этой группы выделить японских солдат. Мы сможем тогда быстро закончить насыпь первого участка железной дороги. Мне думается, ваши конвойные смогут также построить новый лагерь. У них более богатый опыт обращения с бамбуком, чем у моих солдат.

При последних словах Клиптона вновь охватила волна умиления. До этого несколько раз у него возникало неодолимое желание своими руками удушить полковника. Сейчас же он не мог оторвать взгляда от его голубых глаз, невинно перебежавших с японского полковника на остальных участников совещания, будто призывая их засвидетельствовать правоту высказанных суждений. У доктора шевельнулась мысль: не кроется ли за этим фасадом простодушия дьявольская хитрость? Он буквально сверлил взглядом безмятежное лицо Никольсона, силясь угадать в нем скрытое коварство. Но вскоре ему пришлось отказаться от этой мысли.

«Это невозможно, — решил Клиптон. — Каждое его слово дышит искренностью. Очевидно, он в самом деле озабочен скорейшим

завершением работ».

Доктор перевел взор на Сайто. Лицо японца давало богатую пищу для наблюдателя. На нем была написана душевная мука. Оно было искажено чувствами стыда и гнева. Сайто, однако, не мог ничего противопоставить железной логике своего врага, ни одного довода. С одной стороны, его снедало желание поставить их всех на колени; но с другой — он понимал, что дело от этого не продвинется. И он уступил. Уступил в безумной надежде отыграться позже, когда стройка подойдет к концу. Он еще не подозревал, сколь глубока была пропасть, в которую ввергала его западная логика.

Сайто, однако, капитулировал по-своему. Он вдруг резко отдал приказ одному из капитанов. Поскольку полковник Никольсон говорил слишком быстро, чтобы его понял кто-то еще, Сайто решил выдать требование англичан за свою собственную инициативу. Дождавшись, когда он кончит, полковник Никольсон перешел к последнему пункту повестки дня. Эта деталь была слишком существенной, чтобы обойти ее.

— Нам остается наметить норму выработки для ваших солдат, полковник Сайто. Я постановил в начале один кубометр, чтобы они не перетруждались. Но, может быть, вы сочли бы приемлемым приравнять ее к норме английских солдат? Это, кстати, породило бы дух здорового соревнования.

— Норма японских солдат будет два кубометра, — отрезал Сайто. — Я уже распорядился! Полковник Никольсон склонил голову.

— Ну что ж, в таком случае работы должны пойти быстро. У меня все, полковник Сайто. Остается поблагодарить вас за проявленное понимание. Джентльмены, если ни у кого нет замечаний и предложений, я полагаю, мы можем закрыть сегодняшнее совещание. Завтра приступаем к работе на основе разработанного плана.

Он встал и с достоинством покинул помещение, довольный, что обсуждение прошло так, как он хотел, что разум возобладал и, таким образом, сделан большой шаг в продвижении строительства моста. Он выбрал правильную тактику и расставил силы наилучшим образом.

Клиптон вышел проводить полковника до барака.

— Подумать только! — воскликнул врач. — Они бы и в самом деле поставили мост прямо в ил. Тот рухнул бы под первым поездом с людьми и боеприпасами!

Глаза его светились странным блеском, когда он произносил эти слова; однако полковник остался невозмутим.

Сфинкс не мог выдать несуществующей тайны.

Мосты, в том смысле, как их понимают на Западе, нельзя сравнивать с временными сооружениями, построенными японскими солдатами на Азиатском континенте. Нельзя поэтому сравнивать и методы строительства. Японская империя обладала, разумеется, квалифицированными специалистами, но их держали в метрополии. В оккупированных странах ответственность за подобные работы возлагалась на армию. У малочисленных инженеров, спешно отправленных в Таиланд, не было ни особого опыта, ни власти, и они по большей части не вмешивались в действия военных.

Военные же пользовались быстрым и в каком-то смысле эффективным методом, продиктованным необходимостью.

Двигаясь по завоеванной стране, они чаще всего натывались на разрушенные отступающим противником мосты. Тогда спешно наводился новый мост, состоящий из двух рядов опор, вбитых в речное дно, поверх которых клали настил. Все это делалось кое-как, из случайного материала, с полным пренебрежением к статике. В тех местах, где, по опыту, могли произойти разрывы, ставились распорки.

Эти сооружения достигали порой значительной высоты. Настилы делали из толстых бревен, деревянные брусы служили шпалами для рельсов. После этого мост считался законченным. Он вполне удовлетворял требованиям момента. На нем не было ни ограждений, ни перил, ни помоста для пешеходов. Если те хотели воспользоваться мостом, то должны были идти по шпалам над пропастью. Кстати сказать, японцы делали это с большой ловкостью.

Первый состав двигался медленно, с опаской. Иногда случалось, что паровоз сходил с рельсов в месте стыка моста с насыпью, но бригада вооруженных ломов солдат быстро ставила его на рельсы. Поезд продолжал свой путь. Если в дальнейшем мост клонило набок, его подпирали столбами. Следующий состав шел таким же способом. Сооружение выдерживало несколько дней, иногда несколько недель или даже месяцев; затем паводок сносил его, если только слишком сильная встряска не разрушала раньше. Тогда японцы, несколько не огорчаясь, возводили на том же месте новый мост, благо джунгли поставляли стройматериалы в неограниченном количестве.

Капитан Ривз сгорел бы со стыда, если бы кто-то заподозрил его в намерении следовать вышеописанному примеру.

На берегу реки Квай у капитана Ривза не было справочников. Однако он был опытный инженер, и его теоретические познания позволяли обойтись без них. Надо было только проделать ряд экспериментов на местных образцах. А уж вывести коэффициенты он смог бы довольно просто. Вот только времени у него было в обрез.

С согласия полковника Никольсона он начал свои опыты. Они шли под неусыпным оком Сайто. Одновременно Ривзу надо было наметить оптимальную трассу будущей железной дороги, прокладывать которую предстояло майору Хьюзу. Когда все это было готово, он смог приступить, наконец, к самой увлекательной части работы — составлению проекта и плана постройки моста.

* * *

Он засел за проект с тем профессиональным рвением, с каким занимался прежде аналогичными работами в Индии. Но сейчас он ощущал еще удивительный прилив восторга и энтузиазма — больше, чем при изучении в свое время специальных дисциплин (как, например, «Строительство мостов»). Он почувствовал себя на седьмом небе после замечания, оброненного командиром:

— Знаете, Ривз, я сильно рассчитываю на вас. Вы здесь единственный технически грамотный человек, и я предоставляю вам полную свободу действий. Надо показать этим варварам, кто мы такие. В этом заброшенном краю, я знаю, перед нами встанет множество трудностей, но тем почетнее будет победа.

— Можете рассчитывать на меня, сэр, — ответил в каком-то полусне Ривз.

— Вы будете довольны, они... они увидят, на что мы способны.

Этого случая он ждал всю жизнь. Ривз всегда мечтал сделать что-нибудь масштабное, но чтобы при этом за спиной не стояли бесчисленные чиновники, которым надо объяснять каждый свой шаг и которые умудрялись то и дело вставлять ему палки в колеса под предлогом экономии средств, обращая в прах его творческие усилия. Здесь он отвечал только перед полковником. А тот сам ободрял его. И если требовал соблюдения некоторых формальностей, то, по крайней мере, был понимающим человеком и не оглушал себя такими понятиями, как «высокое доверие» и «политическое значение».

Начиная с этой минуты для Ривза не существовало больше ни дня, ни

ночи. Он набросал карандашом эскиз моста — таким, каким тот представлялся ему: с четырьмя рядами строго выверенных опор; с гармоничными фермами, смело вознесшимися на сто футов над водой; с распорками, поставленными по его собственной схеме, — той самой, которую он тщетно пытался когда-то отстаивать перед ретроgrадами в Индии; с широким настилом, обрамленным крепкими поручнями; по мосту пройдет не только железнодорожное полотно, но и пешеходная дорожка, и проезжая часть для автомашин.

Покончив с расчетами, он начал вычерчивать проект. Ему удалось раздобыть у японского коллеги лист плотной бумаги нужного формата. Тот приходил иногда и становился за спиной, глядя на рождающееся творение, не в силах удержать изумленных возгласов восхищения.

Ривз не разгибал спины с рассвета до сумерек, но все равно время летело слишком быстро; он с беспокойством понял, что дня ему не хватает и он не успеет закончить проект к сроку. Тогда через полковника Никольсона он добился разрешения оставлять у себя свет после отбоя, когда в лагере гасили все огни. С этого момента Ривз проводил все вечера, а иногда и ночи, сидя на колченогом табурете перед бамбуковыми нарами. Прикрепив гвоздиками бумагу к любовно оструганной доске, при свете тусклой коптилки, наполнявшей хижину вонью, он самозабвенно двигал самодельной линейкой и угольником, вычерчивая свой мост. Он оставлял инструменты только для того, чтобы, схватив другой листок бумаги, начать извлекать квадратные корни. Сон Ривз принес в жертву своему детищу, своему творению, призванному продемонстрировать превосходство Запада, — мосту, по которому японские поезда побегут на завоевание Индии.

Клиптон поначалу думал, что западный подход к делу (выработка общего плана, терпеливые изыскания и техническая документация) сильно оттянет начало работ, в то время как японцы, следуя стихийному опыту, давно бы уже начали строить его. Но очень скоро ему пришлось признать ошибочность насмешек, которыми он осыпал Ривза во время вынужденных ночных бдений, когда ему не давал заснуть свет инженеровой лампы. Доктор поторопился критиковать принятую в цивилизованном мире методологию. Это стало особенно ясно после того, как Ривз положил законченный проект перед майором Хьюзом и работы пошли со скоростью, превзошедшей самые радужные чаяния Сайто.

Полковник был весьма рад, что проект наконец закончен, и детально расспросил инженера обо всех новшествах. Шеф настоятельно просил Ривза не перегружаться:

— Хороши мы будем, если вы свалитесь, Ривз. Мост целиком на ваших плечах, помните...

В ответ Ривз стал высказывать некоторые соображения:

— Мне не дает покоя одно обстоятельство, сэр. Не знаю, стоит ли акцентировать на нем внимание, но я все же считаю должным поставить вас в известность.

— В чем дело, Ривз? — насторожился полковник.

— Сушка лесоматериала, сэр. На такую серьезную постройку нельзя брать свежесрубленный лес. Надо бы дать ему вылежаться.

— Сколько времени потребует сушка ваших дров, Ривз?

— Все зависит от породы, сэр. Для некоторых нужно полтора, а то и два года.

— Это невозможно, Ривз, — с сожалением констатировал полковник. — У нас всего пять месяцев. Капитан сокрушенно повесил голову.

— Увы, я помню об этом, сэр. Очень жаль.

— А что может случиться со свежесрубленным лесом?

— Некоторые породы могут ссыхаться, сэр. Пойдут щели, вся конструкция может деформироваться... Не все породы, разумеется, ведут себя так; вяз, например, почти не ссыхается. Я старался выбирать здесь деревья, близкие к вязу. Опоры из вяза под Лондонским мостом простояли шестьсот лет, сэр.

— Шестьсот лет! — воскликнул полковник Никольсон. Его глаза заискрились, когда он инстинктивно повернулся к реке Квай. — Шестьсот лет — совсем неплохо, Ривз!

— О, это все же исключение, сэр. Здесь вряд ли можно рассчитывать больше чем на пятьдесят — шестьдесят лет. Возможно, даже меньше, если дерево просядет.

— Придется брать то, что есть, Ривз, — заключил полковник. — Кладите свежесрубленные бревна. Мы сделаем все, что в наших силах. А если потом нас станут упрекать в каких-либо дефектах, достаточно будет сказать: другого выхода не было.

— Понимаю, сэр... Еще одна вещь: придется обойтись без креозота. Им обычно покрывают дерево для защиты от насекомых. У японцев его нет. Мы, конечно, могли бы изготовить какой-нибудь суррогат... Я подумывал уже о котле для варки смолы. Но на это тоже потребуется время... Подумав, я решил не рекомендовать этого.

— А почему бы нет, Ривз? — осведомился полковник, который всегда смаковал технические подробности.

— Хотя специалисты и расходятся здесь во взглядах, но авторитеты все же не советуют покрывать креозотом недостаточно просушенное дерево. В нем надолго тогда остаются сок, влага, и это может повлечь быстрое гниение.

— Значит, отказываемся от креозота, Ривз. Запомните: мы не можем идти ни на какое мероприятие, которое отнимет у нас время. Мост нужен сейчас, и немедленно.

— За исключением этих двух моментов, сэр, я абсолютно убежден, что мы сможем построить мост, отвечающий всем техническим требованиям.

— Вот именно, Ривз. Вы на верном пути. Мост, отвечающий всем техническим требованиям. Одним словом, мост, а не деревянная рухлядь. Это уже будет кое-что. Повторяю, я полностью полагаюсь на вас.

На этом полковник Никольсон оставил своего технического советника, довольный тем, что нашел емкую формулу, выражающую стоявшую перед ними задачу.

V

Ширс, или Первый, как звали его таи-партизаны из глухого селения, где укрылась диверсионная группа Отряда 316, тоже отводил много времени продумыванию и тщательной отработке всех будущих действий. Но уважением, которое питало к нему начальство, он был обязан не столько осторожности и терпению при подготовке дела, сколько быстроте и решительности во время исполнения его. Уорден, доцент Уорден, его помощник, тоже имел репутацию человека, ничего не пускающего на самотек. Что касается Джойса, самого юного в тройке, то у него не успели еще выветриться из памяти уроки, усвоенные в Калькуттской спецшколе при «Фирме подрывных работ». Несмотря на молодость, это был прекрасный аналитик, и Ширс охотно прислушивался к его мнению. Собираясь каждый вечер в туземной хижине, где им отвели обе половины, диверсанты подробно обсуждали все предложения, готовые в любой момент перейти к действию.

В тот вечер они сидели возле карты, которую Джойс прикрепил к бамбуковой стене.

— Вот так пройдет трасса дороги, сэр, — сказал он. — Все сведения совпадают.

Джойс до армии был проектировщиком, поэтому ему поручили нанести на крупномасштабную карту все данные, собранные о бирманско-

тайландской железной дороге.

Сведений, надо сказать, было много. За месяц, прошедший после благополучного приземления в заданном районе, им удалось завязать необходимые связи. Встречавшие их люди из тайландского сопротивления привели группу в это затерянное среди джунглей селение, где жили охотники и контрабандисты. Население ненавидело японцев. Ширс, который с профессиональной настороженностью приглядывался ко всем новым людям, быстро убедился в лояльности хозяев.

Таким образом, первая часть задания была выполнена успешно. Они вступили в тайный контакт с вождями окрестных деревень. Помогать им вызвалось немало людей. Трое офицеров набрали группу добровольцев и приступили к их подготовке. Надо было обучить таев пользоваться оружием Отряда 316 — взрывчаткой.

— На трассе довольно много мостов, — продолжал Джойс, — но большая, часть, на мой взгляд, не представляет интереса. Вот полный их список от Бангкока до Рангуна. Не исключено, правда, что произойдут изменения, сэр.

Обращение «сэр» относилось к майору Ширсу, Первому. Надо сказать, что, хотя в Отряде 316 дисциплина соблюдалась строго, члены диверсионных групп, находясь на задании, опускали формальное обращение. Ширс неоднократно просил младшего лейтенанта Джойса обходиться без этого — «сэр». Однако привычка, укоренившаяся в армии, брала верх.

В остальном Ширс не мог нарадоваться на Джойса. Он сам выбрал его среди выпускников Калькуттской спецшколы. Джойса рекомендовали инструкторы, но майор руководствовался еще и собственной интуицией.

В личном деле курсанта Джойса лежали самые похвальные отзывы и характеристики. Из них следовало, что младший лейтенант Джойс, доброволец (в Отряд 316 набирали только добровольцев), выполнил все учебные задания, проявив при этом прилежание и находчивость; это уже неплохо, отметил Ширс. В личной карточке значилось, что по профессии он инженер-проектировщик, работал в одной крупной промышленно-торговой фирме; должность, конечно, была невелика. Ширс не стал вникать в это более подробно.

В «Фирме подрывных работ» собрались люди самых разных профессий, и их прошлое принадлежало только прошлому.

Однако по одним только данным личного дела Ширс никогда не взял бы Джойса третьим к себе в группу. Он должен был составить о нем собственное представление — то, которое подчас трудно выразить словами.

Ширс знавал диверсантов-добровольцев, великолепно проявивших себя на подготовке, но оказавшихся неспособными выполнять задания Отряда 316. И в этом не было их вины. У Ширса на сей предмет были собственные воззрения.

Он вызвал выпускника, попросив одновременно прийти и своего друга Уордена: знать мнение доцента о третьем было необходимо. Внешне Джойс произвел хорошее впечатление. Он не выглядел геркулесом, но был ладно скроен. Простые и ясные ответы свидетельствовали, что он знал, какая работа ждет его. Больше того, в глазах у него явственно читалось стремление пойти с ними. Не будет преувеличением сказать, что он просто сгорал от желания участвовать с двумя «стариками» в рискованной операции.

Ширс задал ему один из излюбленных своих вопросов:

— Вы сможете воспользоваться этим оружием?

Ширс указал ему на кинжал. Нож входил в экипировку диверсантов Отряда 316, когда те отправлялись на задание. Джойс ответил, что их обучали в школе владению холодным оружием и что они прошли тренировку на манекенах. Ширс продолжал настаивать:

— Я спрашиваю не об этом. Есть ли у вас уверенность, что вы сможете хладнокровно пустить его в ход? Людей, владеющих ножом, много, но далеко не все способны ударить им человека.

Джойс понял. Подумав минуту, он очень серьезно произнес:

— Я задавал уже себе подобный вопрос, сэр.

— Вы задавали его себе? — с любопытством переспросил Ширс.

— Так точно, сэр. Должен признаться, на него не так легко ответить. Я попытался представить себе...

— Ну и?..

Джойс поколебался еще немного.

— Думаю, если это действительно будет нужно, я смогу, сэр. Надеюсь, что смогу. Но полную гарантию я не могу дать. Я постараюсь, сэр.

— На практике вам ведь не приходилось им пользоваться?

— Никак нет, сэр. При моей профессии вряд ли мог представиться такой случай, — ответил Джойс извиняющимся тоном.

Это прозвучало настолько искренне, что Ширс не смог сдержать улыбки. Уорден тоже вступил в разговор:

— Мальчик, наверное, думает, что мы по профессии головорезы. Я вот был доцентом на кафедре восточных языков. Майор — кавалерийский офицер!

— Я не это имел в виду, сэр! — покраснел Джойс.

— Где еще, кроме нашего Отряда, — философски заключил Ширс, — вы сыщете среди диверсантов выпускников Оксфорда и бывших кавалеристов? Почему, собственно говоря, у нас не могут быть проектировщики?

«Берем» — так лаконично выразил Уорден свое мнение о кандидате. Ширс был согласен с ним. Он был вполне удовлетворен ответами Джойса. Майор настороженно относился к людям с излишком самомнения. Но он не любил иметь дело и с теми, кто постоянно сомневается в своих силах. Ширс предпочитал людей, умеющих оценивать предстоящее задание, людей которые, составляя в уме возможные варианты, не дают при этом слишком разыгрываться воображению. В целом он был вполне доволен своей группой. С Уорденом он был знаком очень хорошо и точно знал, что тот «потянет», а что «не потянет».

В тот вечер они долго просидели перед картой. Джойс по очереди тыкал указкой в мосты, давая им краткую характеристику. Тирс и Уорден внимательно слушали, хотя в общем-то прекрасно знали все, что говорил младший лейтенант. Мосты, словно магнит, притягивали к себе людей «Фирмы подрывных работ».

— Из всего названного вами, Джойс, нет ничего подходящего для дела, — сказал Ширс. — Все какие-то жалкие этажерки.

— Я упомянул их для сведения, сэр. Что касается дела, то здесь есть три достойные кандидатуры.

Не всякий мост представлял интерес для Отряда 316. Первый был полностью согласен с полковником Грином: нельзя допустить, чтобы японцы всполошились до завершения строительства железной дороги. Поэтому до поры до времени группа должна была затаиться и ждать сведений от разведчиков-таев.

— Глупо будет испортить дело, пустив сейчас под откос два-три грузовика, — твердил Ширс, призывая спутников набраться терпения. — Начинать надо с большого. Это сразу поднимет наш авторитет в глазах таев. Подождем первого поезда.

Таким образом, мелкие дела отпали сами собой. Тщательно подготовленная первая диверсия должна была вознаградить их за утомительное бездействие и обеспечить успех всей операции. По опыту Ширс знал, что нельзя рассчитывать провести несколько диверсий в одном районе. И хотя этим соображением он ни с кем не делился, оба спутника прекрасно понимали его, особенно бывший доцент Уорден. Трезвый ум ученого отвергал долгосрочные прогнозы.

Джойса предстоящая операция наполнила восторгом. Он ждал ее с

юношеским нетерпением; дело рисовалось ему главной целью жизни.

— Джойс прав, — промолвил обычно неразговорчивый Уорден. — Интерес здесь могут представить три моста. Первый — возле лагеря номер три.

— Думаю, от него надо будет отказаться, — сказал Ширс. — Оголенная местность, скрытно подойти не удастся. К тому же там равнина, берега невысокие. Восстановить мост им будет нетрудно.

— Второй — у лагеря номер десять.

— Над этим стоит подумать. Правда, он уже в Бирме, там у нас нет пока связи с партизанами...

— Третий, сэр, — быстро заговорил Джойс, даже не заметив, что прерывает командира, — третий мост через реку Квай. Река там расходится на четыреста футов, берега высокие и крутые. Он всего в двух-трех днях пути от нашего селения. Район практически безлюден, сплошные джунгли. Подобраться можно будет совсем незаметно. С горы — вот здесь — просматривается вся долина. Мост отстоит далеко от селений. Японцы возводят его особенно тщательно. Он шире остальных, под ним четыре ряда опор. Это самый крупный объект на трассе. И расположен очень удобно.

— У меня впечатление, что вы подробно ознакомились с донесениями нашей агентуры, — заметил Ширс.

— Так точно, сэр. Я полагаю, этот мост...

— Согласен. Мост через реку Квай — достойная кандидатура, — сказал Ширс, взглядываясь в карту. — Очень неплохо для дебютанта, Джойс. Кстати, полковник Грин и я, мы тоже обратили внимание на это место. Пока кое-что там не ясно. Возможно, окажется, что есть другие, более подходящие для дела мосты... А как идет строительство, Джойс? Вы так говорите, будто уже видели этот мост готовым.

VI

Строительство шло полным ходом. Английский солдат не чурается работы и безропотно сносит тяготы службы, если верит своему начальству и если у него достаточно дел, чтобы не оставалось времени для раздумий.

Солдаты Квайского речного лагеря безгранично верили в полковника Никольсона. Да и кто усомнился бы в нем после столь героического сопротивления! С другой стороны, дневная норма выработки не позволяла пускаться во всякие умствования. Поэтому, поколебавшись немного в

самом начале, когда им были неясны подлинные намерения командира, они дружно взялись за дело. Пленным хотелось доказать, что они способны созидать не хуже, чем заниматься саботажем. Да и полковник Никольсон во вступительной речи развеял все сомнения на этот счет. Он сказал, что ждет от них добросовестного труда. А нескольких строптивцев, не усвоивших это, он тут же подверг наказанию. Причем те восприняли это как должное.

— Я знаю ребят лучше, чем вы, поверьте, — ответил полковник Клиптону, когда тот стал возражать против увеличения нормы, говоря, что солдаты плохо питаются для такой тяжелой работы. — Я тридцать лет живу бок о бок с ними. Нет худшего состояния для солдата, чем бездействие. Если воинская часть долго бездействует, можете заранее считать ее разбитой, Клиптон. Позвольте им клевать носом, и вы сразу увидите, как они начнут жаловаться на болезни. И напротив — заполните каждую минуту дня утомительной работой, и они будут всегда бодры и здоровы.

— «Работать задорно и весело», — коварно напомнил Клиптон. — Так, кажется, говорил генерал Ямасита?

— И это не так глупо, Клиптон. Почему мы должны отвергать здравый принцип из-за того, что он был провозглашен противником!.. Если бы не было стройки, я сам бы начал ее! Ну а у нас, слава Богу, есть мост. Клиптон не нашелся, что ответить, и лишь повторил: — Да, у нас есть мост.

Справедливости ради надо заметить, что солдатам самим надоело «сачковать» и «халтурить», как они выражались. До возвращения полковника они портили насыпь без всякого удовольствия и в общем с радостью взялись за настоящее дело. Они привыкли честно отрабатывать свой хлеб, и англосаксонское воспитание заставляло их стремиться к созданию вещей добротных и долговечных. Полковник был прав в этом. Работа несла им душевное облегчение.

И поскольку японский солдат тоже дисциплинирован и усерден, а кроме того, Сайто пригрозил оторвать им голову, если они будут работать хуже англичан, оба участка дороги были быстро закончены, и рядом с будущим мостом выросли жилые бараки. К этому же времени Ривз закончил проект и вручил его майору Хьюзу. Тот сразу включился в работу и благодаря своим способностям, знанию людей и большому производственному опыту уже в первые дни добился ощутимых результатов.

Прежде всего Хьюз разделил рабочую силу на несколько бригад. Одна была отправлена на валку деревьев, другая ошкуривала стволы, третья, самая многочисленная, забивала в дно опоры, остальные готовили доски для настила. Не менее важным считал Хьюз обучить солдат возводить

строительные леса, поднимать наверх бревна, ремонтировать инструменты. Этой так называемой вспомогательной службе он — не без оснований — придавал не меньше значения, чем основному производству.

Расчет оказался верен. Когда леса были сколочены, Хьюз переключил главное внимание на опоры. У этой бригады была самая тяжелая и неблагодарная работа. На стройке не было необходимых механизмов. Пришлось поэтому прибегнуть к методу, каким пользовались японцы: забивать сваи примитивным копром. Чугунная «чушка» падала на сваю с высоты восьмидесяти футов, затем с помощью веревок ее вновь подтягивали на исходные позиции, и так до бесконечности. С каждым ударом свая входила в грунт не больше чем на четверть дюйма — настолько неподатливо было ложе реки. Работа изматывала людей. Зрелище полуголых пленных, натягивающих веревку, непроизвольно вызывало в памяти картины времен рабовладения. Командовать бригадой Хьюз поставил своего лучшего помощника Харпера. Это был энергичный человек, нередко увлекавший солдат личным примером. Его громкие возгласы «раз-два — взяли!» целый день звучали над рекой. Во многом благодаря Харперу солдаты с азартом включались в этот каторжный труд. И вскоре восхищенному взору японцев предстали четыре ряда опор, стоявших наперекор течению.

Клиптон подумал, что церемония забивки первой сваи даст повод для торжественной речи, но полковник Никольсон ограничился лишь символическим жестом: взявшись за веревку копра, он несколько раз дернул за нее — для примера.

Когда первая бригада вбила большую часть опор, Хьюз подключил к делу «настильщиков». Они должны были сколачивать фермы и класть настил — в несколько рядов, с двумя балюстрадами. Бригады работали настолько согласованно, что мост вырастал на глазах с математической точностью.

Стороннему наблюдателю, не обращающему внимания на будничное копошение солдат, могло бы показаться, что мост вырастает сам по себе, естественным путем. Именно так оно представлялось и полковнику Никольсону. Он с удовольствием взирал на высящиеся опоры, словно это были устои былой цивилизации.

В этом же свете виделся мост и Ривзу. Он с волнением глядел, как тот поднимается над водой среди диких тайландских гор и тянется к противоположному берегу, — материальное воплощение его замыслов, его расчетов.

Сайто тоже пристально смотрел на это рождающееся на глазах чудо и,

сам того не желая, не мог не восхищаться им. Это было естественно. До сих пор ему не доводилось задумываться, а тем более воочию видеть, какой эффект дают предварительные расчеты, символическое изображение на бумаге и умелая расстановка сил.

Что касается Клиптона, то он окончательно убедился, как был наивен, расточая сарказмы по поводу применения индустриальных методов при строительстве моста через реку Квай.

С каждым днем красавец мост уходил все дальше и вскоре достиг середины реки Квай. Теперь все убедились, что он будет готов раньше срока, установленного японским главным командованием, и победоносная армия сможет вскоре начать наступление.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I

Одним глотком Джойс выпил стаканчик виски. Изнурительный поход почти не сказался на нем. Он хорошо выглядел, глаза излучали живой блеск. Еще не сняв тайской одежды, в которой Ширс и Уорден с трудом признали его, Джойс начал докладывать о важнейших добытых сведениях.

— Дело вполне осуществимо, сэр, я абсолютно уверен. Операция предстоит нелегкая, не стоит тешиться иллюзиями, но без сомнения перспективная. Джунгли там густые. Река широка. Мост начинается у обрыва, оба берега крутые. Они не смогут поднять поезд без специального тяжелого оборудования.

— Давайте по порядку, — сказал Ширс. — Или, может, сначала душ?

— Я не устал, сэр.

— Оставьте его, — протянул Уорден. — Неужели вы не видите, ему не терпится выговориться. Какой тут отдых!

Ширс улыбнулся. Он не меньше Джойса горел нетерпением узнать, в чем дело. Они поудобнее устроились возле карты. Прозорливый Уорден налил Джойсу второй стаканчик.

— Поход был довольно утомительным, сэр, — начал Джойс. — Пришлось идти три ночи сквозь джунгли, и по какой тропе! Партизаны сдержали слово. Как было договорено, они вывели меня на вершину горы на левом берегу реки Квай, откуда просматриваются и долина, и лагерь, и мост. Превосходный наблюдательный пункт.

— Надеюсь, вас не засекли?

— Исключено, сэр. Мы двигались только по ночам, и тьма была такая, что мне приходилось держать руку на плече провожатого. На день мы забирались в густую чащу, чтобы нас случайно не увидел кто-нибудь. Это, кстати, было излишней предосторожностью — район дик и безлюден. Вплоть до самой реки мы не встретили живой души.

— Ясно, — сказал Ширс. — Продолжайте.

Слушая доклад младшего лейтенанта, Первый исподволь наблюдал за Джойсом, как бы проверяя сложившееся ранее впечатление. Отправляя его на разведку, он хотел дать товарищу по группе проявить себя в ситуации, когда придется действовать в одиночку. Первое впечатление после

возвращения было хорошим. Неплохим признаком была и похвала местных проводников — Ширс не сбрасывал со счета такую подробность. Джойс, правда, был несколько взбудоражен — и тем, что он видел, и самим рассказом, и неожиданным переходом к мирной атмосфере бивака после опасностей пути, но он прекрасно владел собой.

— Таи говорили чистую правду, сэр. Это действительно впечатляющее сооружение...

Срок дела приближался по мере того, как на насыпь, проложенную сквозь Бирму и Таиланд ценой стольких усилий союзных военнопленных, ложились стальные нити рельсов.

Ширс и его товарищи день за днем следили за дорогой; Джойс часами выверял трассу на основе последних данных. В конце недели он наносил красным карандашом на карту уже законченный участок. Красная черта теперь тянулась, почти не прерываясь, от Бангкока до Рангуна. Наиболее интересные места были помечены крестом. Характеристика всех инженерных сооружений содержалась в картотеке, которую вел Уорден, любивший во всем порядок.

И чем полнее представляла перед ними дорога, тем чаще их внимание возвращалось к мосту через Квай, тому самому, на который они обратили внимание в самом начале; мост рисовался им в каком-то ореоле. Это место самой судьбой было предназначено для дела. Пока что у них не было четкого плана проведения операции, и они расцвечивали его фантастическими деталями — характерная черта исполнителей из «Фирмы подрывных работ». Еще через какое-то время все их помыслы сошлись на мосте через реку Квай, и они уже не могли думать ни о каком другом объекте.

— Авиация тут бессильна, — заключил Ширс. — Разбомбить деревянный мост очень трудно. Бомба, даже если попадет в цель, сломает от силы две-три опоры, не больше. Японцы научились прекрасно чинить такие разрушения, мастерски. Мы же сможем не только взорвать опоры, но и обрушить мост в тот момент, когда по нему пойдет поезд. Состав рухнет в реку, и после этого вряд ли останется целой хоть одна доска. Я уже видел однажды подобное. Движение застопорилось на несколько недель. А это было в Европе, где противник смог доставить подъемное оборудование. Здесь, я вас уверяю, им придется вести дорогу в обход и заново строить мост. Не считая потери поезда со всем грузом. Адское зрелище! Я представляю себе...

Все трое представляли себе это дивное зрелище. Дело обрело крепкий костяк, и теперь воображение покрывало его причудливыми узорами.

Картины, то мрачные, то красочные, теснились во сне перед взором Джойса. Он видел в малейших деталях предстоящее дело: вот поезд въезжает на мост; под ним глубоко внизу поблескивает река Квай; по обоим берегам высится темная стена джунглей. Его рука сжимает рукоять подрывного ус-тройства. Глаза неотрывно смотрят в одну точку посреди моста. Расстояние между точкой и паровозом быстро сокращается. Остается уже несколько футов, потом один фут... Твердой рукой он опускает рукоять. На этом, увиденном во сне, мосту он отыскал точку, лежащую ровно на его середине!

— Сэр, — обеспокоенно сказал он однажды, — а летчики не могут перебежать нам дорогу?

— Я передал, чтобы авиацию не посылали сюда, — ответил Ширс. — Надеюсь, они дадут нам спокойно поработать.

Тем временем в деревню со всех сторон стекались новые сведения. Партизаны продолжали следить за мостом с вершины горы. Англичане больше не появлялись там, опасаясь, как бы в округе не разнеслась весть о присутствии белых. Ловкие разведчики-таи не только описали, но и нарисовали на песке контур моста. Диверсанты следили из своего убежища за всеми этапами строительства, удивляясь, насколько упорядоченно и методично разворачивались работы. Во всем этом чувствовалась чья-то умелая рука. Разведчики привыкли выуживать сведения даже из случайных разговоров. Поэтому они прислушивались к восхищенным рассказам таев. Те, естественно, не могли оценить ни техническое умение капитана Ривза, ни организаторские способности полковника Никольсона; однако было ясно, что на реке Квай возводится мост, никак не напоминавший привычные для японцев шаткие сооружения. Техническое совершенство таи умели ценить.

— Бог ты мой! — время от времени восклицал Ширс. — Они так говорят, что можно подумать, здесь строится новый мост Джорджа Вашингтона. Как бы наши друзья янки не лопнули от зависти!

Этот неожиданный размах, почти роскошь — рядом с рельсами по мосту, говорили таи, идет проезжая часть, где могут разъехаться два грузовика, — вызывали у Ширса беспокойное любопытство. Такой крупный объект будет, несомненно, под особой охраной. Очевидно, ему отводилось большее стратегическое значение, чем они предполагали. Что ж, дело, значит, получится еще весомей.

Таи часто рассказывали о пленных. Как те работают без отдыха почти голые на жгучем солнце под окрики конвойных. Трое англичан переставали тогда думать о предстоящей акции и переключались мыслью на несчастных

соотечественников. Им было известно об обращении японцев с пленными, и они легко представляли себе, как жестоки должны были быть порядки на строительстве подобного объекта.

— Если бы они знали, что мы неподалеку, сэр, — промолвил однажды Джойс, — что враги так и не смогут воспользоваться мостом, они воспрянули бы духом.

— Может быть, — ответил Ширс. — Но нам нельзя входить с ними в контакт. Это не полагается. В нашей работе приходится таиться от всех, даже от друзей. Они бы вообразили бог знает что, им захотелось бы нам помочь. И в результате, пытаясь своими силами вывести из строя мост, они поставили бы под удар всю операцию. Кроме того, они взбудоражили бы раньше времени джапов [*Джапы — презрительная кличка японцев. (Примеч. пер.)*] и вызвали против себя бесцельные репрессии. Нет, пленным надо исключить из дела. Джапам не должна прийти даже мысль об их возможном соучастии.

В конце концов, выслушав очередной невероятный рассказ о стройке на реке Квай, Ширс, относившийся ко всему с недоверием, внезапно решился:

— Надо одному из нас сходить туда посмотреть. Работы вот-вот закончатся, больше нельзя строить планы на рассказах таев. Это милые люди, но то, что они рассказывают, смахивает на фантастику. Пойдите вы, Джойс. Это, кстати, будет для вас прекрасной тренировкой. Мне надо знать, как в действительности выглядит этот мост, вы поняли? Каковы точные размеры? Сколько опор? Точные цифры. Как к нему подобраться? Какая охрана? Словом, каковы возможности для дела? Постарайтесь при этом особенно не высовываться — о нас не должны знать, помните. Но разузнайте, наконец, все в точности об этом чертовом мосте!

II

— Я видел его в бинокль, как вижу вас, сэр.

— Давайте по порядку, — повторил Ширс, хотя сам сгорал от нетерпения. — Маршрут?

Джойс вышел вечером в сопровождении двух проводников, привыкших к тайным ночным походам: им не раз приходилось контрабандой переплавлять из Бирмы в Таиланд партии опиума и ящики сигарет. Они клялись, что знают верные тропы; однако, чтобы не выдать присутствия белого возле железной дороги, Джойс переоделся в костюм

крестьянина-таи и намазал лицо специальным коричневым составом, изготовленным в Калькутте для подобных случаев.

Джойс быстро убедился, что провожатые говорили правду. Они не встретили в джунглях никого, если не считать москитов и пиявок-кровососов; те без конца впивались в голые ноги, заползали под платье. Проводя рукой по телу, Джойс чувствовал сплошную скользкую массу. Приходилось усилием воли превозмогать отвращение и стараться не думать о них. Это удавалось с трудом. Ночью от них не было покоя, а взять сигарету, чтобы прижечь пиявок, он не решался; да и нельзя было потерять шедших впереди таев.

— Дорога тяжелая? — спросил Ширс.

— Достаточно тяжелая, сэр. Я говорил уже вам: приходилось держать руку на плече проводника. А их «тропы» идут не по ровному месту!

Три ночи они вели его, заставляя то карабкаться на холмы, то спускаться в овраги. Они шли по каменистому дну ручьев и по кучам тошнотворно пахнувшей гниющей зелени. Спотыкаясь, Джойс каждый раз забирал с собой новую партию пиявок. Проводники прекрасно знали тропу и могли бы идти по ней с закрытыми глазами. Так они двигались всю ночь, до зари. С первыми лучами разведчики забирались в заросли и торопливо проглатывали немного взятого с собой вареного риса с кусочками мяса. После этого оба таи садились на корточки, прислонясь спиной к дереву, и застывали до вечера, попыхивая из неразлучного кальяна. Таким способом после ночной усталости они набирались сил. Порой, не вынимая изо рта трубок, они дремали, сидя все в той же позе.

Джойс тоже пытался спать, чтобы не ослабеть; ведь от этого зависел успех задания. Он начинал с того, что выковыривал из-под кожи пиявок. Некоторые успевали отвалиться сами, оставив после себя укус, наполненный черной кровью. Другие, еще не напившись, цеплялись за свою жертву, которую превратности войны загнали в тайландские джунгли. Поднося к ним зажженную сигарету, Джойс видел, как корчились, а потом падали наземь их тела; здесь он их давил камнем. После этого англичанин ложился на холстину и немедленно засыпал; но муравьи не надолго позволяли ему сомкнуть глаза.

Привлеченные запекшимися капельками крови, муравьи дожидались, пока он заснет, чтобы начать развернутое наступление. Их черно-красные колонны окружали спящего со всех сторон. Вскоре Джойс научился распознавать их в полусне по первому прикосновению. С красными муравьями он не мог совладать. Когда они кусали, казалось, что к телу прикладывали добела раскаленные клещи; не было мочи выдержать один-

единственный укус, а они подходили батальонами. Джойс оставлял позицию и пытался найти другое место, где можно было бы поспать до того, как муравьи снова обнаружат его. Черных же, особенно больших черных муравьев еще как-то можно было терпеть. Они не кусали, и он не просыпался от их прикосновения, если при этом только не открывались старые ранки.

Так или иначе ему удавалось собраться с силами, чтобы с наступлением вечера вновь карабкаться по скалам тайландских гор. Джойса подхлестывало чувство ответственности — он был в одиночной разведке, а разведка эта была первым этапом дела. Теперь от его воли, решительности и находчивости зависел конечный успех, и эта убежденность придавала ему новые силы. Он смотрел куда-то вдаль, где ему рисовался призрачный образ, придававший любому, казалось бы, заурядному шагу скрытую мощь, открывал путь к победе.

* * *

Мост во плоти, мост через реку Квай предстал перед ним совершенно неожиданно. Они забрались на вершину горы, возвышавшейся над долиной. Этот последний подъем был самым тяжелым. В ту ночь они шли очень долго: солнце успело уже встать, когда они достигли наблюдательного пункта, о котором говорили тай-партизаны. Он увидел мост, словно приблизившись к нему на самолете, в нескольких сотнях метров под собой — светлую дорожку, пролегшую между двумя лесными массивами. Мост чуть опрокидывался вправо — ровно настолько, чтобы он увидел геометрически четкий строй опор. Он долго стоял так, не видя ничего больше, — ни лагеря напротив у своих ног, ни даже пленных, суетившихся на стройке. Наблюдательный пункт был действительно превосходен: Джойс чувствовал себя в полной безопасности. Японские патрули вряд ли углублялись так далеко от реки.

— Я видел его, как сейчас вижу вас, сэр. Тай не преувеличивали. Это очень большой мост, прекрасно сделанный. Ничего общего с тем, что обычно строят японцы. Вот несколько набросков. А кроме того...

Он узнал мост с первого взгляда. Подобная материализация призрака не удивила его, он просто узнал: да, это то. Мост выглядел точно таким, каким он его выстроил в воображении. Джойс всматривался в него — вначале чуточку с тревогой, а потом все более и более уверенно. Картина в целом тоже походила на ту, которую он уже видел многократно мысленным

взором. Кое-какие мелочи были иными. Вода не сверкала. Она была мутной, грязноватого оттенка. Он было огорчился, но затем подумал, что этот маленький недостаток им как раз на руку.

Два дня, затаившись в кустарнике, он жадно высматривал в бинокль местность, где должно было совершиться дело. Он запомнил общую расстановку, затем мелкие детали, сделал карандашный набросок, отметив на нем тропинки, лагерь, бараки японцев, излучины реки и даже скальные выступы, видневшиеся кое-где посреди течения.

— Течение не очень быстрое, сэр. Реку вполне можно пересечь на маленькой лодке или вплавь, если человек хорошо держится на воде. Вода мутная, илистая. На мосту действительно есть проезжая часть для автомобилей... И под ним в самом деле четыре ряда опор. Я видел, как пленные загоняли их в дно копром. Пленные — англичане. Они почти уже достигли левобережья, сэр, — там, где наблюдательный пункт. С противоположной стороны навстречу им движется другая бригада. Через какой-нибудь месяц мост будет готов.

В голове у него теснилось столько сведений, что он никак не мог изложить их по порядку. Ширс слушал его не прерывая. Когда Джойс кончит, у него будет время задать уточняющие вопросы.

— Фермы состоят из геометрической сети распорок. Впечатление, что все сделано очень грамотно. Балки вымерены и как следует подогнаны. Я видел стыки в бинокль... Все выполнено крайне тщательно, сэр... и прочно, хочу особо подчеркнуть это. Мост не удастся обрушить, выбив пару опор. Я долго думал на месте, как это сделать самым простым и верным способом. Мне кажется, следует заминировать опоры под водой. Вода непрозрачная. Заряды будут не видны. И в этом случае мост рухнет разом.

— Четыре ряда опор, — задумчиво перебил его Ширс, — это крепкий орешек. Какого дьявола им взбрело строить тут какой-то особенный мост!

— Расстояние между опорами в ряду? — уточнил дотошный Уорден.

— Десять футов.

Ширс и Уорден быстро подсчитали в уме.

— Будем считать шестьдесят футов в длину для полной уверенности, — промолвил, наконец, Уорден. — Значит, в каждом ряду придется «обработать» по шесть опор, итого — двадцать четыре штуки. Это уже потребует времени.

— Я уверен, мы справимся за одну ночь, сэр. Под мостом можно работать совершенно спокойно. Он такой широкий, что сверху нельзя ничего разглядеть. Постоянный плеск воды о сваи заглушает все остальные

звуки. Я знаю...

— Откуда вы можете знать, что делается под мостом? — спросил Ширс, с любопытством глядя на него.

— Дело в том, что я не все успел вам рассказать, сэр... Я там был.

— Как то есть?

— Мне пришлось побывать там, сэр. Вы запретили мне подходить близко к мосту, но как еще я смог бы собрать нужные сведения? Я спустился с горы к реке. Мне казалось, нельзя упускать подобного случая, сэр. Таи довели меня туда кабаньей тропой. Пришлось спускаться на четвереньках.

— Сколько времени это заняло?

— Около трех часов, сэр. Мы вышли в сумерках. Я хотел поспеть туда ночью. Был известный риск, но так заманчиво было посмотреть все самому...

— Иногда бывает полезно толковать инструкции в широком смысле, — сказал Первый, обменявшись взглядом с Уорденом. — Все ведь прошло гладко, да? Это самое главное.

— Меня никто не заметил, сэр. Мы вышли к реке примерно в четверти мили от моста выше по течению. К сожалению, там стоит маленькая туземная деревушка, но все спали. Проводников я отослал назад. Я решил пойти на разведку один. Вошел в воду и тихо спустился по течению.

— Ночь была светлая?

— Довольно. Луны не было, но небо чистое. Мост очень высокий. Сверху нельзя рассмотреть...

— Давайте по порядку, — сказал Ширс. — Как вы добрались к мосту?

— Я плыл на спине, сэр, выставив из воды только рот. Надо мной...

— Черт побери, в таком деле вы могли бы подумать обо мне, Ширс! — воскликнул Уорден.

— Полагаю, в следующий раз я подумаю скорее о себе, — пробормотал Ширс.

Джойс так увлеченно переживал ночное событие, что оба старших товарища сожалели, что не были там сами.

Решение пришло ему в голову днем, когда после трех ночей изнурительного пути он попал на наблюдательный пункт. Джойс не мог больше ждать. Видеть мост как на ладони и не пощупать его — это было выше его сил.

Лежа в воде и не различая ничего в темноте, Джойс неслся по течению, ориентируясь только на длинную поперечину моста. Черной полосой та

выделялась на фоне неба. По мере того как он приближался, полоса все больше поднималась к зениту, и звезды над головой гасли, поглощенные этой темной массой.

Под мостом было черным-черно. Он затаился, держась за столб. Холодная вода не могла остудить пылавшее тело. Понемногу он стал различать в чернильной тьме лес гладких деревянных опор, поднимавшихся из стремнины. Его никак не покидало ощущение, что он уже видел это.

— Дело вполне осуществимо, сэр, я уверен. Лучше всего, как мне представляется, доставить взрывчатку на легком плотике; он пройдет незаметно. Люди — в воде. Под мостом можно работать совершенно спокойно. Течение, хотя и сильное, не мешает перебираться от опоры к опоре. На худой конец, можно будет привязаться, чтобы не унесло. Я прошел по всей длине моста и измерил окружность опор, сэр. Они не очень толстые. Хватит заряда средней величины. Вода там мутная, сэр.

— Придется их упрятать поглубже, — сказал Уорден. — Вода может посветлеть перед самым началом дела.

Джойс прорепетировал все необходимые движения. Больше двух часов он щупал столбы, измерял их окружность веревочкой, выбирал пролеты — те, где должна произойти катастрофа, тщательно запоминая малейшие детали. Дважды он слышал над головой тяжелые шаги. По настилу выхаживал японский часовой. Джойс замер, прижавшись к столбу. Солдат небрежно посвечивал вниз электрическим фонариком.

— Единственный риск — если он увидит, как мы приближаемся, сэр. Зато под мостом его слышно издалека. Звук шагов отдается в воде. Мы успеем спрятаться между внутренними опорами.

— Река глубокая? — спросил Ширс.

— Больше двух метров, сэр. Я нырял.

— Ваши соображения о способе взрыва?

— Вот, сэр. Мне кажется, нельзя рассчитывать на автоматическое включение при проходе поезда: негде будет спрятать шнур. Все должно оставаться под водой, сэр... Большую часть электропроводки уложим на дно, выведем на берег здесь, где нависают кусты... на правом берегу, сэр. Я заметил там идеальное местечко. Настоящие джунгли. Там вполне может спрятаться человек. А сквозь ветви прекрасно виден настил.

— Почему на правом берегу? — нахмурился Ширс. — Там ведь лагерь, насколько я понимаю. Почему не на противоположном берегу, где гора и непроходимый кустарник, о котором вы говорили? Отходить ведь удобнее там?

— Так точно, сэр. Однако извольте взглянуть на эту схему. Железная дорога после моста делает поворот перед горой и идет дальше вдоль реки, вниз по течению. Джунгли между рекой и насыпью вырублены. Спрятаться негде. Человеку придется засесть гораздо дальше, у подножия горы... Слишком далеко придется тянуть провод, сэр. К тому же как закамуфлировать его при пересечении железной дороги? Понадобится большая работа.

— Не нравится мне все это, — заявил Первый. — Почему все-таки не на левом берегу, скажем, выше моста?

— Там невозможно подобраться к берегу — обрыв, сэр. А немного дальше туземная деревня. Я был там. Пересек реку и осмотрел железную дорогу. Я сделал крюк, оглядел открытое пространство и вернулся вновь к мосту. Никакой возможности, сэр. Единственное подходящее место — на правом берегу.

— Вот как! — воскликнул Уорден. — Выходит, вы всю ночь кружили возле моста?

— Почти. Но еще до рассвета я был уже в джунглях, на горе.

— А как, по вашему плану, будет уходить человек, приведя в действие подрывное устройство?

— Хороший пловец за три минуты переплывет реку. Я засекал время, сэр. А внимание японцев будет отвлечено взрывом. Кроме того, группа поддержки сможет с горы прикрыть отступление. Если ему удастся пройти открытое пространство и полотно железной дороги, он в безопасности, сэр. В джунглях никто не догонит. Я полагаю, это наилучший вариант.

Ширс, склонившись над Джойсовой схемой, надолго погрузился в раздумья.

— Ну что ж, ваш план стоит принять во внимание, — сказал он наконец. — Естественно, поскольку вы были там, вам и карты в руки. Такое дело стоит риска... Что вы еще видели со своей верхотуры?

III

Солнце было уже высоко, когда он добрался, наконец, до вершины горы. Двое проводников всю ночь беспокойно ожидали его. Джойс едва держался, на ногах. Он лег, сказав, что часок отдохнет, но проснулся лишь к вечеру. Сейчас он смущенно признался в этом.

— Ладно... Но надеюсь, эту ночь хоть вы спали? И наутро приступили к наблюдению?

— Совершенно верно, сэр. Я пробыл там лишний день. Надо было еще многое уточнить.

Ему надо было теперь проследить за людьми. До этого внимание Джойса было целиком захвачено мостом и частью пейзажа — всем, что имело непосредственное отношение к делу. Теперь с болью в душе он смотрел сквозь линзы бинокля на несчастных братьев, превращенных в рабочий скот. Он прекрасно знал, как японцы обращаются с пленными в лагерях. Во многих донесениях содержались подробности.

— Вы сами видели, как их били? — спросил Ширс.

— Нет, сэр. Возможно, это был удачный день. Но не скрою, я с трудом сдерживал волнение, думая о том, что уже столько месяцев они работают в здешнем климате, без нормальной еды и жилья, без лекарств, подвергаясь таким издевательствам!

Он смотрел вначале на группы работавших. Потом стал разглядывать отдельных людей, ужасаясь их виду.

Первый нахмурился:

— В нашем деле нельзя позволить себе разжалобиться, Джойс.

— Я знаю, сэр. Но вы бы видели их — кожа да кости. У большинства руки и ноги в нарывах и язвах. Некоторые едва двигаются. Где еще погнали бы на стройку людей, дошедших до последней степени истощения! Надо только видеть их, сэр. Слезы подступают к горлу. Особенно тяжело тем, кто забывает свай... Настоящие скелеты, сэр. В жизни еще не видел более жуткого зрелища. Эта стройка — омерзительное преступление.

— Не беспокойтесь, — сказал Тирс. — Они за все заплатят.

— Но я, сэр, восхищен ими. Ни один человек, несмотря на явную физическую немощь, не казался прибитым. Я внимательно наблюдал за ними. Они подчеркнуто не замечают конвойных, такое у меня сложилось впечатление, сэр. Они работают так, словно здесь нет японцев. Они приходят к мосту на рассвете и уходят уже в темноте... и так уже несколько месяцев, наверное, без единого выходного... Но среди них не видно отчаявшихся. Несмотря на тряпье, в которое их одели, несмотря на истощение и худобу, они не похожи на рабов, сэр. Я видел их взгляд, сэр.

Все трое помолчали; каждый думал о своем.

— В английском солдате неисчерпаемый источник противостояния, — промолвил, наконец, Уорден.

— Что еще вы заметили? — спросил Ширс.

— Офицеры, английские офицеры, сэр! Они не работают, только распоряжаются. И солдаты слушаются их, а не конвоиров. Офицеры ходят в форме.

— В форме?

— Со значками различия, сэр. Я видел их звания.

— О черт! — закричал Ширс. — Таи ведь говорили об этом, а я отказывался верить. В остальных лагерях японцы заставляют работать всех без исключения... Там что, есть и старшие офицеры?

— Я видел одного полковника, сэр. Скорей всего это полковник Никольсон. Нам сообщали, что он в этом лагере. Тот самый, что подвергся пыткам по прибытии. Он не оставил стройки. Очевидно, на случай, если придется вмешаться и защитить кого-то из солдат. Инциденты с японцами, должно быть, возникают все время... Вы бы видели тамошних конвойных, сэр. Ничего человеческого, какие-то дикие звери... Полковник Никольсон держится крайне достойно. Мне даже показалось, что именно он командует всеми, сэр.

— Да, в таких условиях нужно немалое присутствие духа, чтобы не дать солдатам опуститься, — сказал Ширс. — Воздадим ему должное.

Джойса в тот день ждало еще немало сюрпризов. Продолжая рассказ, он как бы призывал своих спутников разделить с ним удивление.

— Я видел, как пленный из дальней бригады прошел по мосту и обратился к полковнику. Он вытянулся по стойке «смирно» в шести шагах, как положено, сэр. Несмотря на дикий костюм, это не выглядело смешным. К ним бросился, размахивая винтовкой, охранник-японец. Очевидно, пленный оставил свое рабочее место без разрешения. И тут полковник так взглянул на караульного... Я прекрасно видел все происходящее, сэр. Вы не поверите, но японец повернулся и пошел прочь! Больше того, незадолго до сумерек на мосту появился японский полковник. По всей видимости, Сайто — нам уже рассказывали о нем — свирепейшая скотина. Так вот, провалиться мне на месте, сэр, но он шел к полковнику Никольсону с почтительным видом. Именно с почтительным, нельзя было обмануться. Полковник Никольсон козырнул первым, но тот тотчас же ответил... с какой-то робостью. Я внимательно следил за ним! Потом они пошли бок о бок. Японец выглядел, словно младший по чину в ожидании приказаний. У меня сердце подпрыгивало от радости, при виде всего этого, сэр.

— Я сам радуюсь, слушая вас, — подхватил Ширс.

— За здоровье полковника Никольсона! — неожиданно провозгласил Уорден, поднимая свой стаканчик.

— Вы правы, за его здоровье, Уорден. И за здоровье пятисот наших несчастных братьев, терпящих такие муки из-за этого треклятого моста!

— Жаль все-таки, что нельзя попросить полковника о помощи.

— Жаль? Конечно. По вы знаете наши принципы, Уорден. Мы обязаны

действовать в одиночку... Однако вернемся к мосту.

* * *

Они проговорили о мосте весь вечер, жадно выхватывая сделанные Джойсом наброски и поминутно спрашивая у него разъяснений. Тот охотно дополнял рассказ. Он мог легко нарисовать по памяти любую часть объекта, каждый изгиб реки. Диверсанты начали обсуждать предложенный им план; составили список необходимого; пытались предугадать неожиданности, могущие всплыть в решающий миг. Затем Уорден отправился в соседнюю комнату к рации.

Джойс медленно начал, подыскивая слова:

— Сэр, я полагаю, что плаваю лучше, чем вы, а теперь, когда я знаю местность...

— Об этом позже, — прервал его Первый.

Джойс едва держался на ногах. Ширс посоветовал ему лечь. Спотыкаясь, тот пошел к своей койке. Весь третий день Джойс наблюдал за стройкой из кустарника, а ночью двинулся в обратный путь и за один переход добрался до базы. Останавливались они лишь два раза на короткое время — поесть. Таи с трудом выдерживали заданный им темп. Теперь, одобрительно цокая языком, они рассказывали односельчанам, как молодому белому удалось загнать их.

— Вам надо отдохнуть, — повторил Первый. — Не стоит раньше времени валиться с ног. Вы еще понадобятся нам. Зачем было возвращаться в такой спешке?

— Мост может быть закончен раньше, чем через месяц, сэр.

Джойс уже спал, не успев даже снять с себя грим. Ширс не стал будить его. Он сидел, погрузившись в раздумье. Ему предстояло распределить роли. Он не пришел к окончательному решению, когда вошел Уорден с пачкой расшифрованных радиограмм.

— Похоже, час пробил, Ширс. Вот данные Центра: железная дорога почти повсеместно закончена. Открытие ожидается через пять-шесть недель. В первом эшелоне — войска, в том числе несколько генералов, прибывших на торжество. Большое количество боеприпасов. Все выглядит неплохо. Центр одобрил план и предоставляет нам полную инициативу. Авиация не вмешивается. Нас будут постоянно держать в курсе дела. Мальчишка спит?

— Не будите. Свой отдых он заработал. Парень прекрасно разобрался

на месте, что к чему. Как по-вашему, Уорден, на него можно рассчитывать при любых обстоятельствах?

Уорден задумался:

— У меня впечатление самое благоприятное. Но ничего нельзя знать заранее... Я понимаю, куда вы клоните. Способен ли он за несколько секунд, даже меньше, принять важное решение и привести его в исполнение?.. Почему вы спрашиваете об этом?

— Он сказал: «Я плаваю лучше, чем вы». Это действительно так.

— Когда я вступил в Отряд 316, меня не предупредили, что для особо важных заданий им требуются чемпионы по плаванию, — хмуро сказал Уорден. — Постараюсь потренироваться в ближайшие каникулы.

— Это важно в основном с психологической точки зрения. Если я не пущу его сейчас, он потеряет веру в себя и надолго станет нам непригоден. Ничего нельзя знать заранее, говорите вы... Но ведь человек перегорает, если его вовремя не пустить в дело. Главное, что у него столько же шансов на успех, сколько у вас. Пожалуй, даже больше — он может благополучно выбраться из дела... Ладно, решим через пару деньков. Посмотрим, каков он будет завтра. Постарайтесь какое-то время не говорить с ним о мосте... Мне не понравилось, как он взволновался, увидев пленных. О, сейчас вы мне скажете... я прекрасно знаю. Чувства — это одно, а дело — это совсем другое. Но все же у него излишняя склонность пропускать все через воображение. Понимаете? Он слишком много размышляет.

— Здесь не может быть общих правил, — возразил рассудительный Уорден. — Иногда излишек воображения и рассудочность дают хорошие результаты. Иногда — нет.

IV

Здоровье пленных было предметом беспокойства полковника Никольсона. За этим он пришел в лазарет к доктору.

— Так больше не может продолжаться, Клиптон, — сказал он сурово. — Я понимаю, что нельзя заставить работать тяжело больного человека, но есть же предел. Вы уложили в лазарет половину личного состава. Как мы, по-вашему, можем закончить мост через месяц?

— Взгляните сами на них, сэр, — ответил Клиптон, пытавшийся сохранить спокойствие и почтительность, которую полковник требовал от всех подчиненных вне зависимости от их званий и должности. — Если бы я стал поступать так, как велит мне профессиональный долг или простое

человеколюбие, я бы снял с работы не половину личного состава, а всех до единого. Особенно с такой стройки, как эта!

В первые месяцы возведение объекта шло в ускоренном темпе, останавливаясь лишь в те моменты, когда Сайто впадал в исступление. Комендант вдруг решал, что ему следует напомнить, кто здесь хозяин, и, утопив в алкоголе обычную робость, превращался в жестокого тирана. Но срывы быстро пошли на убыль после того, как стало ясно, что они задерживают строительство. Мост рос со значительным опережением графика, составленного майором Хьюзом и капитаном Ривзом. Однако вскоре климат, усталость, недоедание и плохие условия жизни стали все ощутимее отражаться на здоровье солдат.

Их физическое состояние стало внушать беспокойство. Лишенные мяса — за исключением редких случаев, когда жители соседней деревни соглашались продать лагерю какую-нибудь отощавшую корову, — лишенные масла, лишенные хлеба, питаясь одним только рисом, пленные постепенно превращались в живых скелетов, тех самых, что привели в ужас Джойса. Каторжный труд в «свайной» бригаде — им приходилось целый день налегать на веревку, поднимая и опуская грохочущую чугунную чушку, — сделался подлинной мукой. В остальных бригадах было не слаще. Солдаты, стоя на мостках по пояс в воде, поддерживали сваю, пока сверху по ней, оглушая, ухала чушка.

Пленные еще как-то держались благодаря самоотверженности таких командиров, как лейтенант Харпер. Этот могучий человек и расторопный начальник целый день без усталости подбадривал солдат, сам, не колеблясь, включался в дело, помогая слабым, хотя как офицер мог и не тянуть веревку. У англичан оставались даже силы для юмора, и каждое появление Ривза с чертежом, градуированной линейкой, ватерпасом и другими самодельными инструментами встречалось шуточками. Капитан самолично лез в воду и, ступая по шатким мосткам, делал замеры. За ним неразлучно следовал маленький японский инженер, деловито заносивший цифры в свою записную книжку.

Поскольку офицеры ориентировались во всем на полковника, в конечном итоге он один держал в руках судьбу моста. Полковник знал это и испытывал законную гордость, как всякий руководитель, любящий ответственность и не бегущий от нее. Он принял на себя весь груз тягот и забот, связанных с этой частью.

Постоянно растущее число больных стало главной его заботой. Рабочие роты буквально таяли у него на глазах. Каждый день, час за часом жизненные силы покидали пленных, чтобы воплотиться в неживой

материал. Их уносила земля, безжалостная растительность, вода и сырой воздух, наполненный тучами насекомых.

Клиптон боялся, что вот-вот в лагере вспыхнет эпидемия, например холеры, о появлении которой сообщали из других лагерей. Пока ее удавалось предотвратить строгими санитарными мерами, но случаи малярии, дизентерии и бери-бери не прекращались. Ежедневно ему приходилось класть в лазарет все большее число людей. Он ухитрялся доставать для тех, кто мог есть, почти сносную пищу, собирая ее из редких посылок Красного Креста, не разворованных японцами. Да и просто передышка в адской работе была бальзамом для многих пленных: чугунная чушка истощала мышцы, корежила нервы. Люди ходили в полубреду, а по ночам мучились в кошмарах.

* * *

Полковник Никольсон, любивший своих солдат, поначалу поддерживал Клиптона и защищал его своим авторитетом. Ему удавалось предотвращать вспышки ярости Сайто, перелагая норму заболевших на плечи здоровых работников.

Но и он считал, что Клиптон зашел слишком далеко. У полковника возникло подозрение, что тот, пользуясь своим врачебным правом, объявляет больными людей, которые вполне еще могли поработать. За месяц до сдачи объекта было не время миндальничать. Поэтому в то утро он явился в лазарет с намерением все увидеть самому, объяснить как следует с Клиптоном и, если понадобится, твердой рукой наставить доктора на путь истинный. Разумеется, он собирался сделать это с надлежащим тактом в отношении майора-медика.

— Что ж, давайте посмотрим, к примеру, вот этого, — сказал он, останавливаясь возле одного больного и обращаясь к нему: — Что у вас болит, мой мальчик?

Вокруг на бамбуковых нарах лежали пленные. Одни метались в жару, другие неподвижно свернулись под тряпичными одеялами, выставив наружу трупные лица. Клиптон отрезал:

— Минувшей ночью у него была температура сорок, сэр. Малярия.

— Так, — сказал полковник, продолжая обход. — А у этого?

— Тропические язвы. Я вскрыл вчера у него на ноге нарыв... ножом, других инструментов у меня нет. В дырку мог бы войти мяч для гольфа, сэр.

— Значит, это был он. Я слышал вчера вечером, как кто-то у вас кричал, — задумчиво промолвил полковник.

— Это был он. Его пришлось держать четверым товарищам. Я надеюсь, ногу удастся спасти, но... все может случиться, — тихо добавил доктор. — Вы хотите, сэр, чтобы я отправил его на мост?

— Не говорите глупостей, Клиптон. Никто не настаивает. Если вы так считаете... Поймите меня. Речь идет не о том, чтобы гнать на работу больных или раненых. Просто нам надлежит усвоить одно: до сдачи объекта остается ровно месяц. Необходимо собрать все силы для последнего рывка. Я знаю, это тяжело, но что поделаешь. Поймите: ведь как только вы снимаете у меня со стройки одного человека, я вынужден поручать его работу кому-то еще. Я хочу, чтобы вы помнили об этом, ясно? Возможно, что человек, обращающийся к вам, не вполне здоров, но он все же мог бы выполнять какую-нибудь работу, сколачивать балюстраду, например, или наводить глянец — Хьюз вот-вот приступает к этому.

— Полагаю, вы не собираетесь красить мост, сэр?

— Об этом остается только мечтать, Клиптон, — с горечью сказал полковник. — В лучшем случае покроем известковым раствором. Мост и так прекрасная цель для авиации! Не забывайте, что мы воюем.

— Совершенно верно, сэр. Мы воюем.

— Нет-нет, никаких излишеств. Я сам против. Достаточно того, что все будет в идеальном порядке, вычищено... Я приходил к вам за этим, Клиптон. Надо внушить солдатам мысль о солидарности... Вот этот, скажем, что с ним?

— Гнойная рана на руке, которую он получил, поднимая балки для вашего, будь он трижды проклят, моста, сэр! — выпалил Клиптон. — И таких, как он, у меня человек двадцать. Ничего удивительного, что при таком истощении раны не затягиваются, а начинают гноиться. А мне нечем их лечить.

— Я хочу знать, — упрямо продолжал полковник Никольсон, не обращая внимания на дерзость, — не окажет ли нетяжелая работа на свежем воздухе более благоприятное действие на выздоровление, чем неподвижное лежание в четырех стенах вашей хижины. Что ж это такое, Клиптон? Раньше у нас не клали в госпиталь с царапиной на руке. Думаю, что, вы согласитесь со мной.

— У нас, сэр, у нас... У нас!..

Он в бессильном отчаянии воздел руки. Полковник увел доктора в крохотное выгороженное помещение, служившее амбулаторией, и там продолжал отстаивать свою точку зрения. Он взывал к разуму, как

поступает в подобной ситуации умный руководитель, желающий убедить подчиненного, а не ограничиться отдачей приказа. В конце концов, поскольку Клиптон слабо поддавался на уговоры, полковник выложил на стол свой самый сильный козырь: если доктор будет упорствовать, японцы выкинут из лазарета всех больных до единого.

— Сайто грозил мне драконовскими мерами, — добавил он.

Это была чистейшая ложь. Сайто к этому времени давно уже отказался от применения силы, поняв, что ничего не добьется этим, и теперь, довольный, наблюдал за тем, как под его формальным руководством возводится самый значительный объект на всей железной дороге. Полковник Никольсон позволил себе исказить истину, хотя ему было и нелегко кривить душой. Но он не мог упустить даже малейшую возможность ускорить завершение моста, воплощавшего в себе неукротимый, не признающий поражения дух человека, способного сохранить честь и достоинство в любом уделе; мост, которому не хватало сейчас нескольких десятков футов, чтобы перегородить долину реки Квай.

Услышав такую угрозу, Клиптон проклял про себя полковника, но согласился отправить из лазарета около четверти больных; выписывая каждого больного, он переживал ужасные муки. Но как бы то ни было, доктор пополнил стройку подразделением калек, легкораненых и малярийных больных — их постоянно бил озноб, но они еще могли таскать ноги.

Больные не роптали. Ведь волею таких людей, как полковник Никольсон, воздвигались пирамиды, мосты и храмы. Такая воля побуждает умирающих людей работать с улыбкой на устах. Призыва к солидарности оказалось достаточным для того, чтобы они без звука цепочкой потянулись к реке. Укрепив на перевязи замотанную в грязные бинты руку, бедняги хватались здоровой рукой за веревку копра и тянули в такт с теми, кто сохранил еще остатки сил. Налегая на нее своим полегчавшим телом, они добавляли свои муки к тем горам страданий, на которых покоился мост через реку Квай.

В результате последнего рывка мост был быстро закончен. Оставалось только «навести глянец», говоря словами полковника, придать объекту «законченность» — ту самую, в которой опытный взгляд в любой части света узнает европейскую выучку и англосаксонскую страсть к совершенству.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I

Несколько недель спустя после возвращения Джойса Уорден прошел по маршруту младшего лейтенанта, тоже совершив тяжелый подъем на наблюдательный пункт. Он рухнул в изнеможении наземь среди папоротников и так же, как Джойс, впился взором в лежащий внизу мост через реку Квай.

Уорден начисто был лишен романтики. Ему важно было удостовериться, что объект, описанный Джойсом, завершен. С ним было четверо партизан. Он велел им пока отдыхать. Те устроились в своей излюбленной позе и разожгли кальяны, молча наблюдая за его действиями.

Первым делом Уорден установил рацию и отыскал нужную волну. Один из передатчиков, расположенных на оккупированной территории, каждый день сообщал ему сведения об эшелоне, который предполагали пустить в день торжественного открытия бирманско-тайландской дороги. Полученные сообщения успокаивали, ничего непредвиденного не ожидалось.

Затем он разложил поудобнее спальный мешок с противомоскитной сеткой и вынул тщательно упакованные туалетные принадлежности; после этого в том же порядке он распаковал вещи Ширса — тот должен был подняться к ним позднее. Уорден, как человек старше Джойса, был, естественно, более запасливым и предусмотрительным. У него был опыт. Он знал джунгли еще с того времени, когда приезжал сюда во время университетских каникул. Он знал, как много значила здесь подчас для европейца простая зубная щетка и сколько времени дополнительно можно было продержаться при наличии удобной постели и чашки горячего кофе по утрам. Если после дела им придется туго, все эти игрушки цивилизации надо будет бросить на месте. Но это не важно. Зато до последнего момента они позволяют им сохранять нужную форму. Устроившись, он с удовлетворением поел, затем часа три поспал и вновь занял позицию на наблюдательном пункте, прикидывая в уме, как лучше выполнить задание.

По плану Джойса, подвергшемуся в дальнейшем многократным изменениям и уточнениям, но под конец утвержденному Первым, диверсионная группа Отряда 316 разделилась. Ширс, Джойс и двое тайских

добровольцев отправились в сопровождении носильщиков к исходному пункту на берегу реки. Он был выбран выше моста по течению, чтобы не возиться со взрывчаткой в непосредственной близости от лагеря. Им пришлось сделать довольно большой крюк в обход нескольких деревень. После этого четверым диверсантам предстояло ночью спуститься к мосту и прикрепить к нему динамитные шашки.

Было бы грубой ошибкой считать, что включение подрывного устройства — несложная операция. Джойсу придется остаться для этого на вражеском берегу, ожидая прохода поезда. Ширс же присоединится к Уордену в засаде на горе, и они вдвоем должны будут прикрывать отход.

Уордену предстояло пока что устроиться на наблюдательном пункте, связаться по радиии с контактами, наблюдать за движением в районе моста и подыскать позицию для прикрытия отхода Джойса. Этим его задача не ограничивалась. Первый предоставил ему известную свободу действий.

— Если можете еще что-то сделать, не рискуя быть обнаруженными, поступайте по своему разумению, — сказал Ширс. — Заповеди Отряда 316 остаются прежними. Помните только, что наша главная цель — мост. Ни в коем случае нельзя ставить под удар акцию на мосту. Полагаюсь в этом на ваше благоразумие... и активность.

Он знал, что может рассчитывать на активность и благоразумие Уордена. Методичный Уорден терпеть не мог нерасчетливых действий.

Осмотревшись, Уорден решил, что на вершине хорошо будет установить два легких миномета, карманную артиллерию группы. Двое партизан-таев сразу после дела начнут обстреливать сошедший с рельсов поезд, вражеских солдат — тех, кто после взрыва побежит в разные стороны, и тех, кто бросится им на помощь.

Все это укладывалось в рамки задачи, поставленной командиром; тот не зря напомнил о заповедях Отряда 316. Эти правила можно было резюмировать следующей фразой: «Не считать операцию законченной, не удовлетворяться сделанным, если еще есть возможность причинить врагу хоть малейший урон». (Здесь легко можно заметить обычную англосаксонскую страсть к «законченности».) В данном случае град снарядов, который обрушится с неба на головы уцелевших, должен полностью деморализовать их. Выбор наблюдательного пункта, возвышавшегося над долиной, с этой точки зрения был идеален. Уорден считал, что продолжение дела необходимо, поскольку оно отвлекает внимание японцев и таким образом косвенно прикрывает отход Джойса.

Уорден долго лазал среди папоротников и диких рододендронов, пока не нашел удовлетворившую его позицию. Окликнув таев, он подозвал

двоих и терпеливо, подробно стал объяснять им, что нужно будет делать в решительный момент. Партизаны одобрили его замысел.

Было без чего-то четыре. Уорден закончил приготовления и теперь обдумывал дальнейшие действия, когда услышал вдруг донесшиеся из долины звуки музыки. Он приткнулся к биноклю. Мост был безлюден, но в лагере на противоположном берегу царило необычное оживление. Уорден понял, что в ознаменование конца работ для пленных устроили праздник. В радиোগрамме, принятой несколько дней назад, сообщалось, что об этом вышел указ японского императора.

Инструмент, производивший эти странные звуки, был самодельный, но дергал за струны, без сомнения, европейец. Уорден достаточно хорошо знал японские ритмы, чтобы ошибаться на этот счет. А вскоре ветер донес до него и песню. Ослабевший, но все же достаточно ясный голос выводил старинную шотландскую мелодию, а хор подхватывал знакомый припев. Этот патетический концерт, которому Уорден внимал на своей вершине, болезненно отозвался у него в душе. Он попытался прогнать грустные мысли, сосредоточив внимание на предстоящей работе. Никакие события больше не должны были волновать его, если не имели отношения к делу.

Незадолго до захода солнца ему показалось, что в лагере готовится пир. Пленные сустились возле кухни. Рядом с бараками японцев тоже было заметно оживление — солдаты, сбившись в кучу, со смехом разглядывали что-то. А часовые у входа в лагерь с завистью смотрели на происходящее. Вне сомнения, японцы тоже готовились отметить завершение стройки.

Мысль Уордена работает быстро. Обычная уравновешенность не мешает ему мгновенно оценивать благоприятную ситуацию. Надо действовать сегодня ночью. В голове быстро созревает план, который он, впрочем, вынашивал уже давно, по прибытии на гору. Уордену не стоило особого труда предугадать, что в таком глухом месте, как долина реки Квай, и при таком начальнике-пьянице, как Сайто, обращавшемся со своими солдатами не лучше, чем с военнопленными, японцы еще до полуночи будут мертвецки пьяны. Это обстоятельство позволит с минимальным риском — о чем просил не забывать Первый — подстроить несколько ловушек. Они будут тем пикантным соусом для главного блюда, который так обожали в Отряде 316. Уорден взвешивает свои шансы и приходит к мысли, что грешно не воспользоваться таким чудесным стечением обстоятельств. Надо спуститься к реке и подготовить взрывчатку... В конце концов, осторожностью осторожностью, но неужели ему не удастся хоть разок подойти пощупать этот мост?

Незадолго до полуночи он спускается вниз. Гулянье, как он и

предвидел, закончилось раньше. Он мог судить об этом по уровню шума: пронзительные выкрики, словно пародировавшие британский хор, доносившиеся до него во время спуска, давным-давно смолкли. Все стихло. Он прислушивается в последний раз, стоя с двумя партизанами за последним рядом деревьев. Перед ним расстилается полотно железной дороги; после моста, как и говорил Джойс, дорога поворачивает вдоль берега реки. Уорден делает знак таям. Согнувшись под тяжестью взрывчатки, трое людей осторожно подходят к рельсам.

* * *

Уорден действует быстро и уверенно. Ничто не угрожает. На этом берегу нет ни одного японца. Лагерная охрана жила все это время в джунглях настолько спокойно, что потеряла всякую бдительность. Сейчас, должно быть, все солдаты и даже офицеры лежат в стельку пьяные. Все же Уорден выставляет одного тая в охранение.

Его план классически прост. С этих штук начинают обучать курсантов в Калькуттской спецшколе «Фирмы подрывных работ». Надо выкопать в щебеночном балласте под рельсами углубление и подвести под рельс заряд тола. Химический состав этой взрывчатой массы позволяет заряду меньше чем в килограмм весом при правильном размещении вывести линию из строя. Под действием детонатора заключенная в толе энергия разом высвободится в форме газов, летящих со скоростью нескольких тысяч метров в секунду. Такого напора не выдерживает самая прочная сталь.

Детонатор запускается внутрь толовой массы (он входит туда, как нож в кубик масла). Шнур так называемого мгновенного действия соединяет его с чудесным приспособлением, тоже спрятанным в ямке под рельсом. Это простейшее приспособление состоит из двух металлических пластинок, между которыми помещается тугая пружина. Верхняя пластинка укрепляется непосредственно под рельсом, нижняя — на щебенке. Шнур зарывается. Двое тренированных людей за полчаса легко минируют дорогу. Если работа проделана аккуратно, обнаружить заряд невозможно.

Колесо паровоза, накатываясь на спрятанный взрыватель, с силой прижимает верхнюю пластинку к нижней. Детонатор срабатывает. Тол взрывается. Рельс разлетается на куски. В случае удачи, особенно если поставлен усиленный заряд, паровоз опрокидывается. Преимущество этой системы в том, что ее приводит в действие сам поезд, а диверсант, заложив взрывчатку, может находиться за многие километры от места катастрофы.

Другое преимущество в том, что взрыв не происходит случайно — скажем, от того, что какой-нибудь зверь заденет шнур. Привести в действие устройство может только очень большой вес — локомотива или вагона.

Мудрый Уорден, расчетливый Уорден думал по такой схеме: первый поезд из Бангкока пройдет по правому берегу и, по идее, должен рухнуть вместе с мостом в реку. Это цель номер один. Движение будет прервано, путь закрыт. Японцы станут лихорадочно восстанавливать его. Им ведь нужно будет не только восстанавливать движение, но и как-то парировать удар, нанесенный их престижу в Таиланде. Они нагонят сюда кучу народа, будут работать без отдыха дни, недели — возможно, месяцы. Наконец путь готов, мост восстановлен, пущен новый состав. На сей раз мост останется целым и невредимым, но, едва пройдя его... подрывается и этот поезд тоже! В этом Уорден усматривал, помимо больших материальных потерь, несомненный психологический эффект. Он заложил большую дозу взрывчатки, чем требуется, и поставил ее так, чтобы поезд упал в сторону реки. Если боги будут благосклонны, паровоз и первые вагоны должны скатиться в воду.

Уорден быстро заканчивает первую часть программы. Работа спорится: ему уже не раз и не два приходилось разгребать камни, закладывать тол и устанавливать детонатор. Он действует почти автоматически. Особое удовольствие доставляет ему помощь партизантаи. Тот хотя и начинающий, но получил хорошую подготовку. Преподаватель Уорден весьма доволен им. До рассвета еще пропасть времени. Поскольку он захватил с собой еще заряд другого типа, Уорден устанавливает его в нескольких сотнях метров перед мостом на противоположной стороне реки. Было бы преступлением не воспользоваться такой ночью.

До чего предусмотрителен этот Уорден! После двух диверсий подряд в маленьком секторе противник обычно встревоживается и начинает методически обследовать дорогу. Но — кто знает? Возможно, наоборот, они отбросят мысль о третьем взрыве именно потому, что два уже произошли. А если к тому же ловушка как следует спрятана, ее могут не обнаружить даже при самом придирчивом осмотре. Не станут же они ворошить весь балласт! Уорден закладывает перед мостом второй заряд, детонатор которого работает по другому принципу. Внутри его вставлено оригинальное реле. Когда проходит первый поезд, он вызывает только переключение реле. Зато второй состав заставляет сработать детонатор и взлетает в воздух. Идею разработал один специалист Отряда 316, а рациональный ум Уордена по достоинству оценил игрушку. Часто бывало,

что после серии взрывов противник, починив линию, пускал впереди важного эшелона пару груженных камнем старых вагонов, влеконых плохоньким паровозиком. Они проходили благополучно. Противник считал, что путь свободен, и пускал настоящий поезд. Но тут — пожалуйста! — настоящий поезд летел под откос.

«Не считать операцию законченной, пока врагу не нанесен максимальный ущерб» — таков лозунг «Фирмы подрывных работ». «Постарайтесь увеличить число неприятных сюрпризов: ставьте ловушки, сеющие панику у противника в тот момент, когда он мнит себя в безопасности», — твердила дирекция «Фирмы». Уорден хорошо усвоил наставления. Установив второй капкан и уничтожив следы работы, он вновь стал думать, какой бы еще трюк сыграть с противником.

Он прихватил с собой на всякий случай еще несколько игрушек. Одна, бывшая у него во множестве экземпляров, состояла из оригинального патрона, укрепленного на гибкой планшете с гвоздем. Эти ловушки предназначались для пехотинцев и покрывались тонким слоем грунта, проще не придумаешь. Наступив ногой на планшете, человек с силой ударял гвоздем по капсулю патрона. Раздавался выстрел, и пуля вбивалась пехотинцу в ногу, а то и ударяла в лоб. Инструкторы Калькуттской спецшколы рекомендовали рассыпать эти игрушки вблизи «обработанной» железной дороги. Когда после взрыва уцелевшие (а они всегда есть) начнут в панике разбегаться во все стороны, стреляющие здесь и там ловушки поднимают еще большую сумятицу.

Уорден с удовольствием избавился бы от всего запаса, но осторожность и благоразумие одержали верх. Был риск, что «шип» обнаружит себя раньше времени, а цель номер один была слишком важна, чтобы рисковать. Часовой, шагая вдоль насыпи, мог наступить на «шип», и японцы, опасаясь диверсии, резко усилили бы наблюдение.

Приближался рассвет. Рассудительный Уорден со вздохом решает свертывать дела и возвращаться на наблюдательный пункт. В последний раз он с нескрываемым удовольствием осматривает подготовленную местность. Пряности, которыми он приправил дело, должны были сделать блюдо еще более пикантным.

II

Лежавший партизан востепенулся. Ему послышался странный хруст в чаще гигантских папоротников, покрывавших вершину горы. Четверо таев

дружно усталились в неподвижную стену растительности. Уорден схватил автомат и приготовился к неожиданностям. Со склона чуть ниже их позиции трижды раздался легкий свист. Таи свистнул в ответ и сделал знак Уордену.

— Первый, — прошептал он.

Ширс с двумя проводниками поднялся наверх.

— Что сообщили? — с ходу выпалил он, увидев Уордена.

— Все в порядке. Никаких изменений. Я здесь уже трое суток. Назначено на завтра. Поезд выйдет из Бангкока следующей ночью и будет здесь завтра около десяти утра. А у вас?

— Все готово, — ответил Ширс, со вздохом облегчения опускаясь на землю.

Он страшно боялся, что японцы в последнюю минуту передумают. Уордена тоже со вчерашнего дня снедала тревога. Он знал, что подготовка должна закончиться этой ночью, и несколько часов вглядывался в чернильную ночь, ловя малейший звук в долине реки Квай. Он представлял себе товарищей, работавших в воде под мостом, мысленно проделывая с ними по этапам всю операцию, без конца прикидывая, что может им помешать. Ничего подозрительного он не услышал. По программе Ширс должен был присоединиться к ним на рассвете. Сейчас было уже около десяти утра.

— Рад, что вы наконец здесь. А то я уже начал беспокоиться.

— Еле-еле успели кончить до рассвета.

Уорден, приглядевшись, увидел, до чего Ширс измотан. Мокрая одежда парила на солнце. Лицо осунулось, глаза ввалились, многодневная щетина придавала облику что-то звериное. Он протянул командиру металлический стаканчик, налил из фляги спирту. Ширс неловко взял его. Руки у него были содраны до крови, пальцы посинели. Он с трудом шевелил ими. Уорден разложил приготовленные для него сухие шорты и рубашку.

— Вы уверены, что состав не пройдет сегодня? — переспросил Ширс.

— Уверен. Я принял утром радиограмму. Ширс отпил глоток и осторожно начал растирать тело.

— Мерзкая работенка, — сказал он, скривившись. — Думаю, я запомню эту ледяную воду на всю жизнь. Но, слава богу, все обошлось.

— Как мальчишка? — спросил Уорден.

— Мальчишка держался молодцом. Работал не меньше моего, но не выдохся. Он уже в засаде на правом берегу. Решил остаться там с ночи и не выходить до про-, хода поезда.

— А если обнаружат?

— Он хорошо спрятался. Риск есть, но ничего не поделаешь. Сейчас уже опасно появляться возле моста. Кроме того, поезд может пройти раньше времени. Уверен, что этой ночью он не заснет. У него молодость, силы. В заросли можно попасть только со стороны реки, а берег там крутой. Отсюда заметно это место. Сквозь листву не видно ничего, только мост. Кроме того, он сам услышит, когда пойдет поезд.

— Вы там были?

— Я проводил его. Он был прав. Это идеальное место. Ширс взял бинокль и попытался найти его, но отсюда заросли были неузнаваемы.

— Невозможно распознать, — коротко бросил он. — Все выглядит по-другому. Похоже, что он вот там, футах в тридцати, за большим рыжим деревом, нависшим над водой. — Все теперь на нем.

— Все теперь на нем, и я в него верю.

— У него есть нож?

— У него есть нож, и я уверен, он сумеет пустить его в ход. Никогда нельзя знать заранее, но я в него верю.

— А что после дела?

— Я переплыл реку за пять минут, но он плавает в два раза быстрее меня. Мы прикроем его отход.

Уорден рассказал Ширсу о расставленных им ловушках. Вчера в сумерках он еще раз спустился с наблюдательного пункта — правда, на сей раз только к подножию. Он искал позицию для ручного пулемета, бывшего на вооружении у диверсионной группы, и место, откуда партизаны смогут стрелять из винтовок по возможной погоне. Все позиции он аккуратно пометил. Подобный заслон в сочетании с минометами должен был обеспечить в течение нескольких минут хорошее прикрытие.

Первый одобрил сделанное. Сам он настолько измотался, что был не в силах заснуть, и поэтому стал рассказывать другу о событиях минувшей ночи. Уорден жадно слушал, вознаграждая себя за то, что не смог принять участие в подготовке самого дела. Теперь целый день и целую ночь до завтрашнего утра им оставалось одно — ждать. Успех или неуспех решал Джойс. Джойс и непредвиденный случай. Они пытались обмануть нетерпение и беспокойство за главного актера, затаившегося сейчас в кустарнике на вражеском берегу.

Первый выработал детальную программу проведения дела. Он заранее распределил роли, чтобы дать каждому члену группы возможность подготовиться. Таким образом, в решающий момент никакое непредвиденное событие не должно было застать их врасплох.

Было бы детской наивностью считать, что можно разрушить мост без серьезной подготовки. Взяв за основу наброски Джойса, Уорден, подобно капитану Ривзу, разработал проект разрушения; на крупномасштабном чертеже моста были пронумерованы все опоры, а каждый заряд был изображен на отведенном для него месте; красным карандашом — согласно инструкции — были нарисованы электрические провода и детонаторные шнуры. Каждый диверсант обязан был заучить наизусть эту схему.

Но Первый не удовлетворился теоретической подготовкой. Он провел несколько ночных репетиций на старом заброшенном мосту через горный ручей недалеко от их базы; вместо толовых запалов были использованы мешочки с землей. Те, кому предстояло прикреплять взрывчатку к опорам, — то есть он, Джойс и два добровольца-таи тренировались бесшумно подплывать в темноте к мосту, толкая впереди себя легонький, специально изготовленный бамбуковый плот со сложенным на нем грузом. Уорден с часами стоял на берегу. Словно требовательный тренер, он заставлял повторять маневр до тех пор, пока не был отработан каждый жест. Четверо диверсантов привыкли работать в воде без плеска, научились крепко привязывать фальшивые заряды к опорам и соединять их проводкой по выработанной схеме. Наконец, Первый был удовлетворен. Оставалось подготовить настоящее снаряжение; это была немалая работа, особенно тщательно надо было укутать водонепроницаемой тканью все боящиеся влаги детали.

Караван выступил в путь. Одними лишь им известными путями проводники вывели их к реке много выше моста; здесь можно было спустить плот в полной безопасности. С диверсионной группой было несколько таев, вызвавшихся пойти носильщиками.

Взрывчатку разделили на порции по пять килограммов, каждую порцию — на одну опору. По плану разрушения предусматривалось заминировать шесть опор подряд в каждом ряду, в общей сложности двадцать четыре толовых заряда. При взрыве на расстоянии двадцати метров будут сломаны все опоры, так что мост должен непременно рухнуть под тяжестью поезда. Осторожный Ширс прихватил с собой на всякий случай еще дюжину зарядов. Их можно будет использовать для причинения противнику дополнительного ущерба: Ширс тоже помнил о заповедях Отряда 316.

Количество зарядов для моста не было выбрано произвольно. Оно было высчитано после долгого обсуждения на основе замеров, сделанных Джойсом во время первой разведки. В таблице, которую все трое помнили наизусть, значилось, какой силы нужен заряд для того, чтобы сломать

деревянную опору определенного диаметра. В данном случае теоретически вполне хватило бы трех килограммов взрывчатки. При порции в четыре килограмма они были застрахованы от случайностей. Первый, несмотря на это, решил все же увеличить дозу.

Он опирался в своем решении на вторую заповедь «Фирмы подрывных работ»: «Всегда бери больше взрывчатки, чем указано в справочнике». По окончании теоретического курса полковник Грин, курировавший Калькуттскую спецшколу, произносил обычно небольшую речь, в которой излагал соображения здравого смысла и собственный опыт подобного рода работ.

— После того как вы высчитали по таблице необходимый средний вес взрывчатки, — говорил он, — непременно добавьте еще немного. В таком тонком деле, как наше, нужно действовать наверняка. И если у вас остаются сомнения, лучше добавить сто лишних фунтов, чем не доложить один фунт. Иначе у вас будет чудный вид, когда, проработав несколько ночей и установив, наконец, заряд, — рискуя при этом своей жизнью и жизнью своих помощников, — у вас будет чудесный вид, повторяю, когда, сэкономив кусок взрывчатки, вы увидите, что операция провалилась: взрыв только погнул балки, но не сломал их. так что починить мост не составит труда. Я говорю это, основываясь на собственном опыте. Со мной приключилась однажды подобная вещь, и, уверяю вас, я никогда не чувствовал себя так скверно.

Ширс поклялся, что с ним подобной катастрофы не произойдет, и свято соблюдал данное слово. Однако нельзя было впадать в другую крайность и тащить на себе лишний груз, особенно когда группа была так малочисленна.

Доставка груза по реке теоретически должна была пройти без осложнений. Среди прочих своих великолепных качеств тол имеет еще и такую: его плотность примерно та же, что и у воды. Таким образом, пловец способен легко толкать перед собой довольно значительный груз взрывчатки.

К реке Квай они вышли перед рассветом. Носильщиков отправили назад. Вчетвером они дожидались в зарослях наступления темноты.

— Время, наверное, тянулось медленно, — посочувствовал Уорден. — Вы хоть поспали?

— Чуть-чуть. Я пытался сомкнуть глаза, но вы же знаете, как это бывает... на подходе. Весь день мы прошептались с Джойсом. Я хотел отвлечь его мысли от моста. Впереди у нас была для этого целая ночь.

— О чем вы говорили? — полюбопытствовал Уорден, обожавший

подробности.

— Он рассказывал о своей жизни... Как вы заметили, Джойс парень скорее меланхолического склада... История самая обычная. Инженер-проектировщик в крупной фирме... О, ничего особенного, он не обольщается: обычный конторский служащий, как я и думал. Выглядит это следующим образом: человек двадцать молодых людей его возраста работают с утра до вечера в общей комнате, склонившись над досками. Словом, вы представляете. Когда не чертит, то делает расчеты на логарифмической линейке. Увлекательного мало. Кажется, он сам был не в восторге от своей работы и воспринял войну как неожиданную радость... Все-таки странно, что человек из канцелярии попал в Отряд 316.

— Там есть и доценты, — отозвался Уорден. — И немало таких канцелярских крыс, как он... Это не самые худшие...

— Но и не лучшие. Раз на раз не приходится. Но рассказывает он о своем прошлом без сожаления... Меланхолический склад натуры, одним словом.

— Хороший парень, как мне кажется... Кстати, что за чертежи он там делал?

— Вот тут, представьте себе, какое совпадение — фирма занималась мостами. О, естественно, не деревянными. Это была не строительная фирма. Она изготавливала стандартные металлические конструкции и поставляла их подрядчикам... Мост в готовом виде, одним словом. Он сидел, как я говорил, в конторе. Два года перед войной он без конца вычерчивал одну и ту же деталь. Специализация и все, что с ней связано, одним словом. Ничего вдохновляющего... Он чертил балку, несущую конструкцию, кажется, так он ее назвал. Ему надо было высчитать профиль, при котором балка даст наилучшее сопротивление при минимальном количестве металла; во всяком случае, так я понял из его рассказа. Я в этом ничего не смыслю. Вопрос экономии. Фирма не любила разбрасываться металлом. Два года! Для парня его возраста! Вы бы послушали, как он говорил о своей балке. Дрожащим голосом. Мне кажется, Уорден, эта балка частично объясняет его энтузиазм перед сегодняшней работенкой.

— Очевидно, — подтвердил Уорден. — Я не видел еще, чтобы человеку так хотелось взорвать мост... Иногда мне приходит на ум, Ширс, что для таких людей, как он, Отряд 316 — божье благословение. Если бы Отряд не существовал, его надо было бы выдумать... Впрочем, если бы вас так не раздражала регулярная армейская служба...

— А если бы вас полностью удовлетворяло университетское

преподавание? Лучше не будем... Да, так вот, когда началась война, он все еще корпел над своей балкой. Представьте, он на полном серьезе заявил мне, что за два года ему удалось сэкономить полтора фунта металла — на бумаге. Кажется, это совсем не плохо, но его начальство считало, что можно сэкономить больше. Ему пришлось бы еще несколько месяцев прокорпеть над ней. В первые дни войны он подал заявление. А когда прослышал об Отряде 316, он не просто побежал, он полетел на крыльях, Уорден! Вот и отвергай после этого призвание... Но все же странно, Уорден. Не будь этой балки, возможно, он не сидел бы сейчас там, в кустах, меньше чем в сотне ярдов от противника, с ножом на поясе, держа перед собой подрывное устройство.

III

Ширс с Джойсом проговорили до вечера; двое таев, ходившие с ними, шепотом рассказывали остальным о событиях минувшей ночи. Ширс никак не мог отделаться от сомнений, правильно ли он поступил, выбрав Джойса для главной роли; действительно ли из них троих у Джойса больше всего шансов на успех; не было ли это решение уступкой горячим просьбам юноши.

— Вы твердо уверены, что сможете действовать так же энергично, как Уорден или я, в любой ситуации? — строго спросил он в последний раз.

— Абсолютно уверен, сэр. Если вы дадите возможность доказать это.

Ширс больше не возвращался к этой теме.

Незадолго до темноты Первый велел начать погрузку снаряжения на плотик. Берег был пуст. Плотик они, не доверяя никому, связали сами; он состоял из двух частей — так легче было нести по джунглям. Спустив их на воду, диверсанты скрепили обе половины поперечными планками и перевязали веревками. Получилась прочная платформа, к которой они крепко прикрутили взрывчатку, рулоны проводов, батарею, детонаторные шнуры и подрывное устройство. Хрупкие вещи, как положено, были завернуты в плотный брезент. Ширс взял два комплекта детонаторов; они с Джойсом прикрепили их к поясу. Это были единственные по-настоящему хрупкие вещи — взрывчатка, та в общем выдерживала легкие удары.

— Очевидно, было не очень удобно плыть со свертками на животе, — обронил Уорден.

— Тогда мы не замечали... Все тяготы были впереди. Вот когда мы хлебнули горя. Хотя таи обещали, что спуск по реке пройдет гладко.

По данным тайских разведчиков, они должны были доплыть до моста за полчаса. Группа пустилась поэтому в дорогу, только когда совсем стемнело. На самом деле путь отнял у них добрый час, и плавание было бурным. Течение реки Квай, за исключением отрезка, где стоял мост, очень стремительное. Поток сразу же схватил их и поволок на середину, нещадно колотя о подводные камни. Они даже не могли отталкиваться от них, боясь упустить драгоценный плот.

— Знай я заранее характер реки, выбрал бы другой маршрут. Пожалуй, рискнул бы спустить плот на воду где-нибудь рядом с мостом. В таких делах нельзя доверять никому, Уорден, — ни европейцам, ни местным жителям. Надо разведывать самому. Я уже не раз сталкивался с этим и опять попал впросак. Вы не представляете, каких трудов нам стоило управлять «субмариной» в этой стремнине.

«Субмариной» они окрестили свой плот. Осев под тяжестью балласта, он почти целиком погрузился в воду. Груз был рассчитан так тщательно, что плот погружался ровно настолько, чтобы не затонуть совсем, и плыл как бы самостоятельно. Простым движением руки его можно было скрыть под водой.

— На первом пороге, грохотавшем, как Ниагарский водопад, нас встряхнуло. А дальше начало подкидывать, мять и вертеть во все стороны. Затягивало под плот, царапало о каменистое дно, швыряло на ветви прибрежных кустов. Когда я наконец разобрался в ситуации (а я это сделал не сразу, настолько был оглушен), то приказал всем уцепиться за «подводную лодку» и ни в коем случае не выпускать ее. Это все, что мы могли сделать. Каким-то чудом никому не размозжило голову... Великолепное начало, доложу я вам; особенно, если затем надо иметь ясную голову для серьезного дела. Волны были такие, словно мы попали в шторм на море. Меня едва не рвало... И никакой возможности избежать ударов! Были моменты — представьте себе, Уорден! — когда я не мог сообразить, куда мы плывем. Странно? Когда берега сходятся, а джунгли смыкаются над головой, трудно понять, в какую сторону вас несет поток. Нас ведь влекло течение, верно? Но, если не считать волн, вода вокруг была спокойна, как в озере. Только препятствия давали почувствовать направление и скорость, с которой мы врезались в них. Наглядный пример теории относительности! Не знаю, представляете ли вы...

Пережитое действительно выглядело необычным. Ширс пытался поточнее передать свои ощущения. Уорден ловил каждое его слово.

— Понимаю, Ширс. И плот выдержал до конца спуска?

— Еще одно чудо! В те редкие минуты, когда мне удавалось высунуть

голову из воды, я слышал, как он скрипел и трещал по всем швам. Но, как видите, все обошлось... Однако был момент... Мальчишка спас плот. Это первоклассный парень, Уорден! Сейчас я все расскажу вам. Когда мы миновали первый порог и стали понемногу привыкать к темноте, нас вдруг понесло на скалистый утес, торчавший посредине реки. Перекат буквально выбросил нас из воды, и тут же мощный поток потащил нас к утесу. Я бы не поверил, что такое бывает. Скала выросла у меня над головой, когда я был уже всего в нескольких футах. Я не успел ничего сообразить, только вытянул вперед ноги и вцепился изо всех сил в плот. Обоих таев отшвырнуло в сторону; слава богу, мы нашли их чуть дальше... Да, так знаете, что сделал Джойс? Заметьте, у него было не больше четверти секунды на раздумье. Он кинулся и лег, раскинув руки, сверху на плот. Понимаете, зачем, Уорден? Чтобы удержать вместе две половины. Ну да, лопнула веревка. Поперечины соскользнули, и плот начал распадаться. Удар раскидал бы его. Катастрофа!.. Джойс сообразил это сразу и мгновенно принял решение. Реакция у него отличная и сил достаточно. Он плыл передо мной. Плот вышвырнуло из воды, он взлетел в воздух, как лосось выпрыгивает из стремнины. Но Джойс ни на мгновение не выпустил его из рук. Я подплыл ближе, и мы кое-как привязали поперечины... Заметьте, что все это время детонаторы на поясе были в прямом соприкосновении со взрывчаткой, и его в любую секунду могло разнести... Когда его взметнуло над водой, меня осенило: ведь мы же перевозим взрывчатку! Но что поделаешь? Надо было пойти на риск, чтобы не случилось худшего. Он это понял в четверть секунды. Незаурядный паренек, уверяю вас, Уорден. Он сделает все как надо.

— Поразительное сочетание хладнокровия и быстрой реакции, — оценил Уорден.

Ширс продолжал, понизив голос:

— Он сделает все как надо, Уорден. Это его дело, и ничто не в состоянии помешать ему. Он заслужил свое дело. Он знает это. Мы с вами теперь только помощники. Наше время позади... Надо подумать теперь, как облегчить ему работу. Судьба моста в надежных руках.

Пройдя порог, течение немного утихло, и они воспользовались передышкой, чтобы связать плот. Ниже их вновь тряхнуло при входе в узкую протоку, а потом они едва не застряли у затора из валунов. В середине затора образовался большой водоворот, в котором их вертело несколько минут, не давая выбраться.

Наконец эта ловушка оказалась позади. Река расширилась, течение внезапно успокоилось, и им показалось, будто они плывут по необъятному

гладкому озеру. Берега угадывались справа и слева, и им удавалось держаться середины течения. А вскоре они увидели мост.

Ширс прервал рассказ и долгим взглядом обвел долину.

— Странно глядеть вот так, сверху... Долина просматривается целиком. Снизу, особенно ночью, все выглядит иначе. Какие-то аморфные куски. Да и мост целиком поглощал внимание. Силуэт его вырисовывался на фоне неба с необыкновенной четкостью. Я вдруг со страхом подумал, что нас могут заметить. Мне казалось, мы видны, как на ладони. Иллюзия, конечно. Над водой торчали лишь наши носы, «субмарина» погружена. Кстати говоря, плот едва не затонул, сломалось несколько бамбуковых стволов. Но все обошлось. Было темно. Мы бесшумно скользнули во мрак, сгущавшийся под мостом, причалили плот к опоре во внутреннем ряду и принялись за работу. Холод уже сводил конечности.

— Никаких особых затруднений? — осведомился Уорден.

— Особых — никаких, если считать нормальной подобную работу.

Ширс вновь прервал рассказ и словно замороженный устался на мост, освещенный заревом заката. Свежеструганное дерево белело над желтоватой водой.

— Все это выглядит как во сне, Уорден. Со мной уже было такое однажды. Готовишься, готовишься, а в последний момент начинаешь вспоминать, правильно ли уложена взрывчатка, надежны ли контакты на подрывном устройстве. Все кажется нереальным... Джойс сидит там, меньше чем в сотне ярдов от японского поста, за рыжим деревом. Держу пари, он не пошевелился с тех пор, как мы расстались. Подумайте, Уорден, еще целый день впереди. Мало ли что может случиться... Достаточно, чтобы кому-то из японских солдат вздумалось погнаться за змеей, уползающей в кустарник, и... Не надо было оставлять его там. Разумней было бы спуститься ночью.

— У него есть нож, — отозвался Уорден. — Он справится. Доскажите, что было дальше, когда вы причалили к мосту?

От долгого пребывания в воде кожа сделалась настолько чувствительной, что отзывалась болью на простое прикосновение к грубой поверхности. Особенно пострадали руки. С большим трудом, обдирая кожу с ладоней, им удалось развязать узлы на веревках, крепивших взрывчатку к плоту. Веревки, свитые местными крестьянами, были необыкновенно жесткие и колючие.

— Все это звучит по-детски, Уорден, но в том состоянии... К тому же работать надо было бесшумно. Взгляните на мои руки. У Джойса они не лучше.

Он еще раз обвел взглядом долину. Ширса не покидала мысль о товарище, затаившемся на вражеском берегу. Он осмотрел глубокие порезы на ладонях, успевшие запечься на солнце, безнадежно махнул рукой и продолжал рассказ.

У них были остро отточенные ножи, но одеревеневшие пальцы не слушались. Кроме того, хотя тол и надежная взрывчатка, в нем не рекомендуют ковыряться металлическими предметами. Оба таи совсем выбились из сил.

— Этого я и боялся. Еще перед погрузкой я сказал мальчику, что мы можем рассчитывать только на себя. Крестьяне выдохлись. От непривычного холода их била дрожь. Я велел им вылезти на берег и ждать нас у подножия горы. Мы остались вдвоем... Для такой работенки, Уорден, недостаточно одной физической выдержки. Парень держался молодцом. А я вот на пределе. Ничего не поделаешь — старею.

Один за другим они отвязывали снаряды и крепили их под водой к опоре, согласно плану разрушения. При этом надо было все время следить, чтобы поток не унес их. Обвив ногами опору, они погружались под воду и крепко-накрепко приматывали заряды к столбу. Это должно было увеличить разрушительное действие тола. Проклятые колючие веревки при каждом движении в кровь обдирали руки. Завязывание узла превращалось в мучительную пытку. Приходилось нырять и стягивать узел зубами.

Так прошла добрая половина ночи. Следующая задача была не столь тяжелой, но требовала особой внимательности. Детонаторы они установили одновременно с зарядами. Теперь надо было осторожно подсоединить к ним шнур мгновенного действия, чтобы все заряды сработали разом. Подобная работа требует точности и ясной головы, малейшая ошибка грозит разнести все. Соединение зарядов напоминает немного монтаж электропроводки. Но дело осложнялось тем, что Первый решил для страховки продублировать провода. Кроме того, на шнур были нанизаны железные болты, служившие на плоту балластом, а теперь предназначенные для того, чтобы увлечь шнур на дно.

— Наконец все было готово. Полагаю, в целом вышло неплохо. Тем не менее я еще раз осмотрел все «обработанные» опоры. Хотя можно было бы и обойтись без этого. С Джойсом я мог быть уверенным, что все закреплено на совесть. Ничто не сдвинется с места.

Измотанные, промерзшие, израненные, они к концу словно обрели второе дыхание. Оставалось разобрать плот и по одному спустить бамбук по течению. Теперь можно было уходить. Они поплыли к правому берегу. Один тащил завернутую в брезент батарею, другой разматывал за собой

провод, следя, чтобы тот погрузился на дно. Они вылезли на берег точно в том месте, которое выбрал Джойс. Берег там круто обрывался в воду и густо зарос висячим кустарником. Они запрятали провод в чаще кустарника и углубились в джунгли. Здесь Джойс установил батарею и подрывное устройство.

— Вон он, за рыжим деревом, ветви которого полощутся в реке.

Я уверен, что он там — добавил Ширс.

— Ну что ж, пока все идет как надо, — резюмировал Уорден. — День на исходе, а его не обнаружили. Отсюда мы бы заметили это. Никто не прогуливался в его стороне. Кстати, в лагере не заметно особого оживления. Пленных вчера увели.

— Пленных вчера увели?

— Я видел, как большая колонна выступила из лагеря. Праздник был приурочен, очевидно, ко дню окончания строительства, и японцы решили не держать здесь лишних людей.

— Оно и к лучшему.

— Остались только тяжелобольные, те, кто не смогли идти сами... Итак, устроив его, вы ушли?

— Я ушел. Делать мне было нечего, да и вот-вот должно было начать светать. Храни его Бог! Только бы не обнаружили.

— У него есть нож, — сказал Уорден. — Пока все идет хорошо. Уже смеркается. В долине почти темно. Вряд ли сейчас может что-то произойти.

— Непредвиденное может случиться когда угодно, Уорден. Вы знаете это не хуже меня. Не знаю почему, но дело всегда развивается иначе, чем было запланировано.

— Верно. Я тоже обращал на это внимание.

— Как все произойдет на этот раз?.. Я оставил его одного. В кармане у меня нашлось немного риса, была фляжка виски — я берег остатки провизии как зеницу ока. Мы выпили по глотку, остальное я дал ему. Он сказал на прощание, чтобы я не беспокоился, он уверен в себе. Я оставил его одного.

IV

Ширс прислушивается к неумолчному говору реки Квай, сочащейся сквозь тайландские джунгли, и чувствует странную подавленность.

Проснувшись поутру, он вдруг сознает, что голос реки, постоянно вторивший до этого всем его словам и поступкам, изменился. Ритм ее стал

иным. Он долго прислушивается, замерев, весь сжавшийся, как для прыжка. Что-то необъяснимо чужеродное закралось во все окружающее.

Произошла какая-то перемена. Прошлую ночь в воде, а потом на вершине все было иначе. Началось это незадолго до рассвета, безо всякой причины. Он в удивлении вострепнулся. Странная тревога все больше завладевала им, все настойчивее требовала осмысления. Уже начал заниматься день, а он так и не мог сказать ничего, кроме: «Что-то изменилось во всей атмосфере вокруг моста и реки Квай».

— Что-то изменилось... — шепотом повторяет он. Это особое «чувство атмосферы» почти никогда не обманывает его. Беспокойство все усиливается, перерастая в тревогу, которую он тщетно пытается рассеять логикой рассуждений.

— Да, несомненно, что-то изменилось. И это естественно: звук меняется в зависимости от того, где находится слушатель. Сейчас я в лесу, у подножия горы. Эхо доносится сюда иначе, чем когда я был на вершине или в воде... Если я не возьму себя в руки, мне начнут скоро слышаться загробные голоса!

Он выглядывает из листвы, но не замечает ничего особенного. Заря едва-едва освещает реку. Противоположный берег пока что выглядит бесформенной серой массой. Он старается думать только о боевой диспозиции, вспоминая расположение ударных групп. Час, когда надо приступать к делу, приближается. Ночью он спустился с четырьмя партизанами с горы и расположился на позиции, выбранной Уорденом, чуть выше полотна железной дороги. Уорден с двумя таи остался наверху, у минометов. Он должен вести наблюдение за театром военных действий и вступить в бой сразу после начала дела. Так распорядился Первый. Он откровенно сказал другу, что хочет оставить на каждом узловом пункте по командиру-европейцу. Нельзя предусмотреть заранее все случайности. Уорден согласился. Теперь все дело было сосредоточено в руках третьего их товарища.

Уже больше суток Джойс сидит в укрытии, как раз напротив Ширса. Ждет поезда. Эшелон вышел ночью из Бангкока — была получена радиограмма.

«Что-то изменилось в атмосфере...» Вот и таи, залегший у ручного пулемета, явно проявляет признаки беспокойства. Он поднимается на колени и силится разглядеть реку.

Тревога Ширса никак не проходит. Он пытается найти какое-то четкое объяснение происходящему, но мысли разбегаются, а таинственность всегда приводила Ширса в раздражение.

Шум реки стал иным, он готов поклясться. Человек профессии Ширса инстинктивно воспринимает симфонию звуков природы. Эта способность уже два-три раза выручала его. Рокот стремнины, характерное трение воды о песок, треск ветвей, уносимых потоком, — все это было сегодня иным, звучало глуше, чем вчера. Ширс самым серьезным образом спрашивает себя, не стал ли он оглохнуть? Или совсем расшатались нервы?

Но не мог же ведь таи оглохнуть одновременно с ним! И потом еще — изменился запах. Река Квай пахнет сегодня иначе, чем вчера. Явственно чувствуется резкий запах тины, как от пруда.

— Река Квай опустилась! — восклицает вдруг таи.

Занимавшийся день высвечивает противоположный берег, и к Ширсу приходит озарение. Дерево, огромное рыжее дерево, за которым сидел в укрытии Джойс, больше не купает ветви в воде... Река Квай обмелела. Уровень воды резко понизился за ночь. На сколько? На фут? Возле дерева, под крутым берегом, возник галечный пляж, мокро поблескивавший на утреннем солнце.

В первый момент Ширс с облегчением воспринял объяснение томившей его тревоги. Все в порядке, он еще не спятил. Течение стало иным, и запах тоже. Изменилась вся окружающая атмосфера. Обнажившееся, еще мокрое дно испускало запах тины.

Катастрофы никогда не наступают мгновенно. Для осознания их требуется время. Схватывая по очереди детали, Ширс постепенно отдает себе отчет в происшедшем.

Река Квай обмелела! Перед рыжим деревом явственно вырисовывается каменистое дно, вчера еще покрытое водой. И на нем — провод... электрический провод! У Ширса вырывается непристойное ругательство. Провод... Он хватается бинокль и жадно впивается глазами в обнажившийся за ночь кусок суши.

Вот он, провод. Большой отрезок тянется теперь посуху. Ширс прослеживает его путь — он выходит из воды и исчезает на крутом берегу, темный шнур с приставшими к нему травинками.

Правда, провод не очень бросается в глаза. Ширс обнаружил его только потому, что искал на этом участке. Его могут и не заметить, если никто из японцев не пойдет мимо... Но берег, вчера еще недоступный берег! Он начинается теперь ровным пляжем и уходит далеко... быть может, до самого моста, отсюда не видно. Ослепленному яростью Ширсу кажется, что пляж просто манит на прогулку. Хотя у японцев должны быть другие дела, кроме как фланировать у воды перед проходом поезда. Ширс вытирает пот со лба...

Дело никогда не развивается по намеченному плану. В последнюю минуту какой-нибудь тривиальный, банальный, подчас смехотворный случай непременно опрокидывает тщательно намеченную программу. Первый обвиняет себя в непростительной халатности: как же так, не предусмотреть возможность спада воды! И надо же было этому случиться именно минувшей ночью. Ни следующей ночью, ни двумя ночами раньше, а именно минувшей!

Этот открытый пляж, без единого кустика, голый, голый, как истина, режет глаз. Река Квай, должно быть, значительно обмелела. На фут? На два? Не больше? Черт бы ее подрал!..

У Ширса подгибаются колени. Он цепляется за дерево, чтобы скрыть дрожь от таи. Второй раз в жизни с ним случается подобное потрясение. Первый раз это было, когда он почувствовал, как по рукам у него течет кровь врага. Сердце работает с перебоями, тело обливает холодный пот.

— На два фута? Не больше? Боже всемогущий! А заряды? Взрывчатка на опорах моста!

V

После того как Ширс ушел, молча пожав ему руку, Джойс долгое время сидел, словно оглушенный. Сознание того, что он наконец будет действовать самостоятельно, пьянило голову, как алкоголь.

Джойс встал, снял с себя мокрую одежду, выжал ее и растер окоченевшее тело. Потом вновь надел шорты и рубашку — хоть и сырые, они все же защищали от предутреннего холода. После этого он проглотил несколько ложек риса, оставленного Ширсом, и отхлебнул добрый глоток виски. Надо было бы выйти из укрытия и набрать воды, но он не решился. Поэтому он вылил часть виски на раны и ссадины, густо покрывавшие руки и ноги. Проделав это, Джойс вновь устроился под деревом и стал ждать.

Несколько раз он видел на мосту японцев. Они шли совершенно спокойно, ни один не взглянул в его сторону. Как тогда, во сне, он наметил себе на мосту определенную точку — крестовину под поручнем с провисшей на ней сухой веткой. Точка находилась примерно на середине настила — как раз там, где начинался заминированный пролет. Когда паровоз дойдет до этой точки — вернее, будет в нескольких футах от нее, — Джойс всей тяжестью наляжет на рукоять подрывного устройства. Уже раз двадцать, отъединив провод, он повторял это простое движение,

пока не довел его до автоматизма.

День пролетел быстро. С наступлением ночи он спустился с откоса и, припав к мутной воде, жадно и долго пил; затем наполнил доверху флягу и вернулся к себе в засаду. Он даже позволил себе вздремнуть, не меняя положения, привалившись к дереву. Если паче чаяния изменится график движения, он все равно услышит приближение поезда. В джунглях человек привыкает спать чутко, как зверь.

Он спал урывками, а в промежутках пристально следил за происходящим. Как во сне, так и наяву куски вчерашнего приключения мешались с воспоминаниями о прежней жизни — той самой, о которой он поведал Ширсу перед отплытием.

Он видел себя в пыльном проектном бюро, где провел свои лучшие годы, склоняясь над чертежом в слепящем свете проекционной лампы. И каждый день перед ним возникала одна и та же балка, металлическая деталь, которую он ни разу не видел в натуре, — символическая балка в двух измерениях, отобравшая у него юность. План, профиль, вертикальная проекция, бесчисленные сечения вращались калейдоскопом перед его мысленным взором со всеми своими сочленениями, умелое расположение которых дало фирме экономию в полтора фунта стали после двух лет слепых поисков.

Но сейчас на всех изображениях, поверх этих профилей и сечений, виднелись маленькие коричневые прямоугольники, будто нарисованные Уорденом на крупномасштабной схеме моста — по одному на каждой из двадцати четырех опор. Название чертежа Джойс никак не мог прочитать. Он судорожно всматривался, но буквы расплывались перед его замутненным взором. Вновь и вновь буквы то разбегались по всему чертежу, то собирались в единое слово, точно титры перед началом кинофильма. Наконец он увидел его. Написанное черной тушью, переливаясь в свете чертежной лампы, слово появилось на экране воображения, закрыв собой все остальное, и это слово было «РАЗРУШЕНИЕ».

Впрочем, он мог легко рассеять видение, чуточку приоткрыв глаза. Чернильный силуэт моста через реку Квай разгонял пыльные призраки прошлого и возвращал Джойса к действительности, его действительности. Жизнь должна пойти по-иному после того, что случится. Он заранее наслаждался успехом, видя в нем перст судьбы.

Перед рассветом, примерно тогда же, что и Ширс, он ощутил странную тревогу — от реки донесся чужой запах. Изменение происходило так постепенно, что Джойс в полусне не сразу заметил его. Из своего

укрытия он видел лишь настил. Река была внизу, скрытая кустарником. Но он не мог ошибиться; надо было что-то предпринять. Он прополз почти до самой воды и осторожно выглянул из листвы. Все стало ясно: на галечном пляже лежал открытым электрический провод.

Как и Ширс, он медленно, постепенно осознал, что случилось непоправимое. В мозгу болезненно билась мысль о зарядах. Отсюда, с новой позиции, ему были видны опоры. Вот они, стоит только поднять голову. Но как нелегко заставить себя сделать это...

Он долго всматривался, соображая, что натворила своими причудами река Квай. Хотя, возможно, все было не так ужасно... Джойс то впадал в отчаяние, то зажигался надеждой, глядя на изменчивую рябь у основания моста. Поначалу он обрадовался и даже успокоил немного расхолодившиеся нервы. Не так уж низко спала река. Заряды по-прежнему скрыты под водой...

Или это только кажется из его укрытия? А сверху? С моста?.. Да и отсюда... Вглядевшись, он увидел большой бурун, похожий на те, что образуются вокруг речных валунов. Теперь бурун вспух возле знакомых опор. Кто-кто, но уж он хорошо знал их; на каждой опоре были лоскутья его кожи с ладоней! Нет, он не имел права обманывать себя. Буруны вокруг тех опор были выше... А возле одной, похоже, выглядывал из воды уголок коричневого предмета, ясно выделяясь на свежоошкуренном бревне. Уголок, словно рыбий плавник, то показывался, то исчезал. Заряды, видимо, оказались теперь на самой поверхности. И бдительный часовой, перегнувшись через поручень, вполне мог заметить их на внешних опорах. А что, если уровень опустится еще ниже? Тогда заряды предстанут во всей красе — вот они, еще мокрые от воды, сверкают в лучах безжалостного тайландского солнца! Дикая нелепость подобной картины леденила кровь в жилах. Который сейчас час? Долго ли еще ждать?.. Солнце еще только вставало над долиной. Поезд ожидался к десяти утра. Вся кропотливая работа, все тяготы и лишения, все становилось нелепым, почти смехотворным из-за бесчеловечной фантазии природы, по прихоти какого-то источника, бывшего высоко в горах! Успех дела, в который они вложили все свои силы, годами до этого сберегая их, лежал теперь на весах, и Джойс был бессилен склонить их чашу в свою пользу. Все решали сейчас минуты, оставшиеся до прохода поезда. Судьба дела, может быть, и зависела от чьей-то воли, но то была воля чужая, безжалостная, бесконечно далекая от людских забот, так что ничье желание или мольба не могли повлиять на нее.

Теперь, когда Джойс уверился, что больше не властен над зарядами,

он, как ни странно, успокоился. Он запретил себе думать об этом и даже желать какого-то исхода. Он не имел права расходовать хотя бы частичку своей энергии на события, не имеющие отношения к делу. Он был обязан забыть о них и сконцентрировать внимание на том, что было еще в его власти. Об этом и только об этом он должен был думать. Дело еще могло свершиться, и надо было предугадать, в какую оно выльется форму. Он ведь всегда обдумывал каждый свой шаг.

Если обнаружат заряды, поезд остановится перед мостом. Тогда, прежде чем успеют найти его самого, он нажмет на рычаг подрывного устройства. Мост, очевидно, они смогут впоследствии восстановить. Задача будет выполнена наполовину.

Иначе придется поступить, если они обнаружат провод. Но это сможет сделать только человек, находящийся на пляже в нескольких шагах от него. Тут придется действовать самому. Может статься, в этот момент никого не окажется ни на мосту, ни на том берегу, и все пройдет незаметно? Крутой берег скрывает пляж от японцев в лагере. Возможно, тот, кто увидит провод, не сразу поднимет тревогу. Тогда молниеносно вступит в игру он, Джойс. Поэтому сейчас надо держать под контролем и пляж и мост.

Он просидел еще немного на берегу, потом вернулся в укрытие, забрал батарею, подрывное устройство и перетащил их на новое место; теперь его скрывала тонюсенькая стена листвы. Отсюда он мог спокойно вести наблюдение за мостом и пляжем, на котором лежал сейчас провод. В голову ему пришла еще одна идея. Он снял с себя шорты, рубашку и остался в одних трусах. В таком виде работали пленные. Если его заметят издали, то могут принять за одного из них. Он установил покрепче подрывное устройство и опустился рядом с ним на колени. Вынул из ножен кинжал — непременный атрибут всех диверсантов «Фирмы подрывных работ» — и положил рядом с собой на траву.

Время тянулось отчаянно медленно, заторможенно, словно беря пример со сникшего течения реки Квай. Джойс отсчитывал нескончаемые секунды под приглушенный рокот воды, незаметно приближаясь к опасному будущему и провожая уплывающие в прошлое бесценные мгновения спокойствия и уверенности. Как ему не хватало их сейчас!.. Тропическое солнце заливало светом влажную долину, заставляя искриться сырой черный песок на появившейся из воды прибрежной полосе.

Высветив крестовины моста, солнце поднялось еще выше, отбросив на пляж гигантскую тень рукотворного чуда. Тень ложилась на галечник параллельно проводу, ломаясь в воде, колебалась в такт зыби и вновь выпрямлялась на том берегу сливаясь с густой массой гор. Солнце жгло

раны на руках, припекало исцарапанное тело, по которому ползали legionaries разноцветных кусачих муравьев. Но физические страдания были не в силах отвлечь Джойса от мрачных дум.

Вдруг сердце его тревожно застучало — в тот самый момент, когда он пытался предугадать, какую форму примет дело, судьба посылала ему испытание. Привлеченный вынырнувшим пляжем, по берегу реки небрежной походкой шагал японский солдат. Сейчас он с удивлением заметит провод, нагнется, чтобы рассмотреть его, и на мгновение замрет в этой позе. Тут пробьет час Джойса. Надо заранее продумать каждое движение. Недаром Ширс называл его «рассудочным»!

Мысль о предстоящем заставила его оцепенеть, разом парализовала мышцы. Отступить было некуда. У него возникло подспудное чувство, что это было все равно неминуемо; начертано на роду; что все предыдущее было естественной подготовкой к решающему экзамену. Но именно потому, что этого омерзительного испытания он боялся больше всего, судьба соглашалась склонить чашу весов к победе только ценой тяжелой жертвы. Только она, эта жертва, могла вырвать победу из цепких лап случайности.

Все клетки мозга судорожно напряглись перед последним рывком. В голове Джойса всплыли наставления, усвоенные за время занятий в спецшколе; он силился настроить душу и тело на то, что ему предстояло сейчас совершить, но отвратительные видения не проходили.

Он вспомнил тревожный вопрос, заданный ему шефом группы: «Если понадобится, вы сможете хладнокровно пустить в ход это оружие?» Вопрос покорибл его тогда. Он не мог категорически ответить «да». Уверенность пришла позже, в момент отплытия; теперь он снова не мог поручиться за себя. Он взглянул на кинжал, лежавший рядом на траве.

Это был нож с длинным отточенным лезвием и сравнительно небольшой рукояткой; тяжелая, отлитая из металла, она составляла единое целое с лезвием. Теоретики из Отряда 316 многократно меняли форму и профиль кинжала. Джойс знал, что недостаточно будет сжать рукоятку и ударить вслепую; для этого не нужен навык. Всякое разрушение требует своего подхода. Инструкторы научили его двум способам обращения с оружием. Обороняясь от нападающего противника, полагалось держать нож перед собой, чуть приподняв лезвие, и бить снизу вверх, будто вспарывая брюхо зверю. Это он был в состоянии сделать. Все произошло бы автоматически. Но в данном случае не противник бросится на него, а он на противника. Здесь надлежало действовать другим способом, не требовавшим особой силы, а только ловкости и колоссального хладнокровия. Второй способ рекомендовался курсантам в тех случаях,

когда потребуется ночью бесшумно снять часового до того, как тот успеет поднять тревогу. Бить следовало сзади; но не в спину (это тоже было бы легко). Надо было перерезать горло.

Кинжал в этом случае полагалось держать в поднятой руке перпендикулярно телу жертвы, для пущей верности прижав большой палец к основанию лезвия. Удар надлежало наносить справа налево резко, но не очень сильно, иначе был риск промахнуться. Бить следовало в определенное место, чуть пониже уха. Чтобы человек не смог даже вскрикнуть. Такова была схема. Она включала в себя еще несколько последующих движений. Однако Джойс не решался даже шепотом повторить то, что не без юмора излагали инструкторы в Калькутте.

Его преследовала эта картина. Он усилием воли заставил себя взглянуть в нее, представить событие в мельчайших деталях и даже в цвете. Он силился разглядеть самые отвратительные подробности, в безумной надежде привыкнуть к ним и принять их как должное. Он проиграл в уме эту сцену десять, двадцать раз, и понемногу перед ним вырисовывался не абстрактный живой человек, а конкретный японский солдат в форме и надвинутой на уши нелепой фуражке. Чуть ниже уха он видел теперь загорелую шею, в которую надлежало вонзить кинжал. Он заставил себя ощутить рукой, как входит лезвие в тугое тело; увидеть, как хлещет из раны кровь: уловить судорожный горловой всхлип, когда он доканчивал операцию, обхватив намертво левой рукой шею жертвы. Ему пришлось преодолевать подступавшую тошноту. От напряжения закололо во всех мышцах...

И все же полной уверенности не было. Страх перед неудачей терзал его не меньше, чем мысль о необходимости исполнить свой долг. Выбор был жуткий. Либо поплатиться душевной мукой за одну секунду действия, собрав для него в кулак всю волю, либо избрать трусливое бездействие, так манившее своей кажущейся легкостью. Он понял, наконец, что ему ни за что не удастся хладнокровно, в полном сознании совершить этот жест, который он упрямо рисовал в своем воображении. Наоборот, надо было вычеркнуть его из сознания переключить мысль на что-нибудь постороннее, отвлекающее. Ему требовалась другая помощь, нежели леденящее предвкушение убийства.

Помощь извне? Он обвел окружающий пейзаж умоляющим взором. Он был одинок и наг, затаившись в кустах на чужой земле, словно лесной зверь, окруженный врагами. Единственным оружием был этот страшный нож, обжигавший ладонь. Он тщетно искал поддержки у джунглей, воспламенивших его воображение. Но вдруг враждебно сомкнулась долина

реки Квай. Тень от моста сокращалась с каждой минутой. Теперь мост казался ему застывшим бессмысленным сооружением. Ждать помощи было неоткуда. Больше не оставалось ни глотка виски, ни даже комочка риса. Наверное, стало бы легче, сумей он найти что-то из еды.

Помощь не могла прийти извне. Он был целиком предоставлен самому себе. Но ведь именно этого он и добивался! И так радовался этому. Гордость пьянила голову. Он казался себе самому неодолимым. Не могли же силы разом вдруг покинуть его, будто игрушку с лопнувшей пружиной. Он закрыл глаза и вновь погрузился в видения. Спасение могло прийти только оттуда, тщетно было ждать его на земле или в небесах. Среди обрушившихся на него несчастий единственный сверкающий луч надежды исходил из глубины души... Джойс привычно искал спасения в развитом воображении. Именно эта его способность беспокоила в свое время Ширса. А осторожный Уорден так и не высказался, достоинство это или порок.

Навязчивые образы можно было обезвредить только иными навязчивыми картинами, выбранными по желанию. Надо было скорее просмотреть киноленту своей прошлой жизни и найти в ней то, что составляло подлинную духовную ценность; беспощадно отбросить все зыбкое и неустойчивое; найти достаточно мощное чувство, способное целиком заполнить собой бездну, открывшуюся в душе! Он начал лихорадочно искать. Ненависть к японцам и чувство долга явно не годились: их нельзя было четко вообразить себе. Он стал думать о командирах, о друзьях на том берегу, доверившихся ему. Это тоже было мало осязаемо. В крайнем случае подобное чувство могло побудить его пожертвовать собственной жизнью. Жажда успеха тоже была бессильна здесь. Поблекший ореол победы не мог стать путеводной звездой — ее ведь нельзя ощутить.

Внезапно сознание пронзила одна картина. Она была словно выхвачена из тьмы стрелой молнии. Еще не увидев целиком всех деталей, он инстинктивно почувствовал, что это грядет спасение. Усилием воли он вновь вызвал ее. Картина осветилась еще раз. То было одно из видений минувшей ночи: лист чертежа, освещенный проекционной лампой, бесчисленные изображения балки, на которых сверху лежали теперь коричневые прямоугольники, и выведенный стандартным шрифтом заголовок, еще блестящий от невысохшей туши: РАЗРУШЕНИЕ.

Картина не погасла. Вызванная из памяти душевным порывом, она победно заполнила сознание. Джойс инстинктивно почувствовал, что этот мощный всепоглощающий образ поможет слабому телу превозмочь дрожь и отвращение. Образ пьянил, точно алкоголь, и успокаивал, точно опиум.

Он отдался ему, с тем чтобы уже больше не выпускать из головы.

В этом гипнотическом состоянии он нисколько не удивился, заметив японских солдат на мосту через реку Квай.

VI

Ширс тоже заметил японских солдат и почувствовал, как у него на лбу выступил холодный пот.

Для него тоже время тянулось нестерпимо медленно. Лихорадочное замешательство, охватившее его при мысли о зарядах, успело пройти. Он оставил партизан на месте, а сам поднялся повыше, откуда открывался вид на мост и реку Квай. Приставив бинокль, он начал рассматривать волны, лизавшие опоры моста. Ему показалось, что он заметил уголок коричневого предмета, то выглядывавший, то вновь исчезающий в белой пене. Рефлекторно — да и долг призывал его к этому — он стал лихорадочно соображать, каким образом мог лично вмешаться в ход событий. «Нет ситуации, которая не оставляла бы возможности для действия» — гласил девиз Отряда 316. Впервые за время, что он занимался своим ремеслом, Ширс не мог ничего придумать и проклял собственное бессилие.

Для него игра была уже сыграна. Ни он, ни Уорден, который сверху тоже, несомненно, заметил коварную выходку реки Квай, не могли изменить ход событий. Разве что Джойс? Но заметил ли он происшедшую перемену? И кто знает, хватит ли у него сил и умения найти выход из трагически сложившейся обстановки? Ширс, которому приходилось уже сталкиваться с осложнениями такого масштаба, горько пожалел, что отдал Джойсу главную роль.

Миновали уже два нескончаемых часа. С возвышения, где лежал Ширс, были четко видны лагерные бараки и мельтешащие японские солдаты в парадной форме. Рота выстраивалась в сотне метров от реки, готовясь взять винтовки на караул, приветствуя прибывших в поезде на открытие линии генералов. Может, подготовка к церемонии отвлечет их внимание? Ширс уповал на это. Но тут из караульного помещения вышел японский патруль и направился к мосту.

По команде сержанта солдаты выстраиваются вдоль перил и шагают по настилу, небрежно закинув винтовки на плечо. Им велено в последний раз осмотреть объект перед проходом поезда. Время от времени кто-нибудь из них перегибается через перила и смотрит вниз. Но делается это явно для

очистки совести, во исполнение приказа. Ширс твердит про себя, что у них не возникло никаких подозрений. В самом деле, что может приключиться с мостом через реку Квай, выросшим у них на глазах в этом забытом Богом краю! «Глядят, но не видят», — шепчет Ширс, следя за их продвижением. Каждый шаг отдается у него в голове. Он неотрывно глядит на них, ловя малейший их жест, а в сердце слагается судорожное желание молиться какому-нибудь богу, или черту, или любой высшей силе, если она существует! Он машинально начинает считать их шаги и прикидывает, сколько метров они успели пройти. Уже миновали середину моста. Сержант облокачивается на перила и говорит что-то идущему впереди солдату, указывая на реку. Ширс кусает кулак, чтобы не закричать. Сержант смеется. Скорей всего они заметили спад воды. Идут дальше. Ширс попал в точку: они глядят, но не видят. Ему даже кажется, что, впиваясь в них взором, он оказывает своего рода внушение. Последний солдат исчезает из поля зрения. Не заметили...

Теперь возвращаются. Солдаты вышагивают прежней беззаботной походкой. Вот один перегибается над опасной зоной. Нет, вновь занимает место в строю.

Прошли. Ширс вытирает с лица пот. Идут в лагерь. «Ничего не увидели». Англичанин машинально твердит про себя фразу, дабы удостовериться в свершившемся чуде. Он ревниво следит за ними в бинокль и опускает его, только когда патруль присоединяется к роте. Остается надеяться, что и дальше все пройдет так же. Странная гордость охватывает Ширса.

— На их месте, — бормочет он, — я был бы повнимательней. Любой английский солдат заметил бы неладное. Слава Богу! Поезд должен быть недалеко.

Как бы в ответ на последнюю мысль Ширса с вражеского берега донеслись хриплые слова команды. Солдаты засуетились. Ширс всматривается вдаль. На горизонте, в глубине долины вырастает облачко черного дыма, оповещающая о приближении первого японского эшелона. Он прошел уже через весь Таиланд, первый состав, везущий солдат, боеприпасы и нескольких генералов — представителей японского главного командования. Первый поезд, которому предстоит пересечь мост через реку Квай.

Сердце Ширса сжимается. Благодарные слезы застилают глаза.

— Все уже позади, — шепчет он. — Какие еще могут быть неожиданности? Поезд будет здесь через двадцать минут.

Ширс берет себя в руки и спускается к подножию горы, где засела

группа прикрытия. И пока, согнувшись при этом в три погибели, он спускается сквозь кустарник, стараясь быть как можно неприметней, на противоположном берегу появляется человек в форме английского полковника и направляется к мосту.

В тот момент, когда Первый достиг своего поста и, еще не оправившись от смятения, напрягся в ожидании грохота взрыва, ослепительного пламени и зрелища дымящихся руин, в этот самый момент полковник Никольсон, в свою очередь, поднялся на мост через реку Квай.

Умиротворенный, в ладу со своей совестью, со вселенной и со своим Богом; отражая в зрачках безмятежную голубизну тропических небес после грозы; впитывая каждой порой своей розовой кожи удовольствие от праведного отдыха, подобно честному мастеру по завершении большого труда; преисполненный гордости от сознания того, что он сумел превзойти благодаря своей стойкости и мужеству все препятствия; не в силах наглядеться на творение, созданное его руками и руками его солдат в этом диком тайландском краю, уже ставшем почти его вотчиной; в упоении от мысли, что он не посрамил славы предков, вписав славную страницу в западную летопись легендарных дел строителей империи; непререкаемо убежденный, что никто не смог бы сделать это лучше его; укрепившийся еще больше в своем убеждении о превосходстве белой расы во всех областях жизнедеятельности и безмерно счастливый от сознания, что всего за шесть месяцев он блистательным образом подтвердил это; раздуваясь от радости при виде того, каких триумфальных результатов добились люди под его руководством; смакуя крохотными глотками вино победы; любуясь отменным качеством исполнения; желая в последний раз перед апофеозом осмотреть в одиночку это достижение трудолюбия и ума, а также проинспектировать напоследок построенный им объект, полковник Никольсон величественным шагом ступил на мост через реку Квай.

Большую часть всех военнопленных и всех офицеров увели из лагеря два дня назад пешим строем на сборный пункт, откуда их должны были отправить на Малайский архипелаг, а то и в Японию для выполнения новых работ. Железная дорога была закончена. Всемилоостивейший император повелел из Токио отпраздновать событие во всех строительных лагерях Бирмы и Таиланда.

С особой торжественностью по настоянию полковника Никольсона этот день был отмечен в Квайском речном лагере. На всей трассе железной дороги кто-нибудь из старших японских офицеров — генерал или полковник, — поднявшись на сколоченную трибуну и блестя начищенными сапогами и светлыми перчатками, произносил речь, сопровождая ее

резкими подергиваниями рук и головы. Искажённые странным образом английские слова обрушивались на толпы белых людей — увечных, больных, покрытых язвами, оглушённых многомесячным пребыванием в аду.

Сайто тоже произнес речь. Разумеется, он восславлял южноазиатскую сферу процветания. В конце он все-таки снизошел до слов благодарности пленным за проявленную ими лояльность. Клиптон, видевший, как перед сдачей объекта умирающих людей выводили на стройку, чуть не плакал от ярости. Но на этом дело не кончилось. Клиптону пришлось вслед за тем выслушать речь полковника Никольсона, в которой тот воздавал честь мужеству и самоотверженности своих солдат. Полковник закончил словами о том, что перенесённые страдания были не напрасны и что он гордится выпавшей ему честью командовать такими людьми. Их достойное поведение в беде послужит примером для всей нации.

После этого начался праздник. Полковник принял в его подготовке живое участие. Для солдат нет ничего страшнее безделья, твердил он, а посему приказал развлекаться. Несколько дней подряд солдаты вынуждены были репетировать. Пленные показали не только множество сольных номеров, но даже сумели поставить комедию, где переодетые в женское солдаты изображали «танцовщиц». Их появление на подмостках вызвало дружный гогот.

— Вот видите, Клиптон, — сказал полковник. — Вы критиковали меня в отдельных случаях, но я не допустил, не позволил им пасть духом. Люди выдержали — и это главное.

В этом была доля правды. Солдаты в Квайском речном лагере остались несломленными. Клиптону достаточно было оглянуться вокруг. Он видел, как радостно, по-детски смеялись пленные, глядя на представление, и в этой способности радоваться был залог того, что они сумели остаться людьми.

Наутро пленные двинулись в путь. В лагере остались только калеки и тяжелобольные. Их должны были эвакуировать в Бангкок ближайшим поездом из Бирмы. Офицеры ушли с солдатами. Ривзу и Хьюзу, к вящему их огорчению, тоже пришлось отправиться с колонной, хотя им очень хотелось взглянуть на то, как по сооружению, возведенному ценой стольких мук, пройдет первый поезд. Полковник Никольсон единственный получил дозволение остаться в лагере, чтобы затем сопровождать больных. Учитывая его заслуги, Сайто не мог отказать полковнику в поблажке, о которой тот попросил с обычным своим достоинством.

Теперь он шел по мосту широким шагом, торжествующе стуча

каблуками о настил. Он победил. Мост был отделан без шика, но тщательно и с «законченностью», и теперь высился словно памятник мастерству Запада под тайландским солнцем. Он считал, что в последний раз обязан пройти по нему, как командир обходит строй перед парадом. Иначе не могло быть. Он олицетворял своим присутствием всех ушедших соратников, всех солдат, которые, конечно же, заслужили эту честь. К счастью, он был тут. Мост сработан надежно, ни одного слабого места; прекрасное сооружение. Но ничто не способно заменить хозяйский глаз, особенно если человек от начала до конца отвечал за работу; в этом он тоже был уверен. Разве можно заранее все предусмотреть? Жизненный опыт тоже его учил тому, что в последнюю минуту может приключиться самое невероятное, обнаружится щель или трещина. Лучший из подчиненных в этом случае растеряется и не сможет быстро принять решение. Разумеется, он и в грош не ставил донесения японского патруля, посланного комендантом проверить мост. Он хотел все видеть сам и теперь придирчиво разглядывал каждую балку, каждый стык.

Дойдя до середины моста, он перевесился через перила, как делал через каждые пять-шесть метров, всмотрелся в опору и удивленно замер в этом положении.

Хозяйским взглядом он сразу же усмотрел пенистый бурун над зарядом. Приглядевшись внимательнее, Никольсон различил приставшую к столбу какую-то коричневую массу. Он колебался мгновение, перешел немного дальше и через несколько метров склонился над другой опорой.

— Странно... — пробормотал он.

Он постоял в нерешительности еще немного, перешел на другую сторону и поглядел там. Там тоже виднелся какой-то коричневый предмет, едва прикрытый дюймовым слоем воды. Смутное беспокойство охватило его. Как будто он увидел пятно, портившее весь внешний вид сооружения. Полковник дошел до конца настила и повернул назад, как это сделал до него патруль. Снова остановился на середине и долго-долго глядел вниз. Наконец, пожав плечами, он двинулся назад на правый берег. Дорогой он бормотал вслух:

— Два дня назад этого не было. Правда, с тех пор река спала... Скорей всего намело на опору кучку мусора. И все же...

В голове полковника возник очажок подозрения, но истина была настолько невообразима, что он еще был не в силах представить ее. Тем не менее безмятежность исчезла. Великолепное утро было испорчено. Он вновь подошел к перилам и склонился над этой аномалией. Чем объяснить ее? По-прежнему взволнованный, он вернулся на берег.

— Нет, это невозможно, — шептал он, отгоняя закравшееся подозрение. — Если только банда красных китайцев...

Понятие диверсии неразрывно было связано у него с гнусным коварством врага.

— Здесь это невозможно, — повторил он. Однако прежнее хорошее настроение больше не возвращалось.

Поезд был уже виден — правда, далеко. Полковник прикинул, что он прибудет не раньше чем через десять минут. Сайто, прохаживавшийся от моста к строю, несколько растерянно смотрел на приближавшегося полковника. Последнее время замешательство не покидало его в присутствии полковника Никольсона.

— Полковник Сайто, — властно промолвил тот. — Происходит что-то странное. Нам следует пойти проверить, в чем дело, до того, как пройдет поезд.

Не дожидаясь ответа, он стал спускаться с берега, намереваясь отвязать причаленную под мостом туземную лодочку и объехать на ней опоры. Ступив на пляж, он инстинктивно окинул его из конца в конец хозяйским взглядом и тут же увидел на влажно блестящем галечнике электрический провод. Полковник Никольсон нахмурился и двинулся прямо к шнуру.

VII

Он вошел в поле зрения Ширса в тот момент, когда пружинисто спрыгнул с крутого берега, — ловкость ему удалось сохранить ежедневной утренней гимнастикой.

Японский офицер неуклюже сполз за ним следом. А Ширса обожгла мысль, что злой рок еще не выложил на стол свои козыри.

Джойс давно уже заметил английского полковника. Но в том сумеречном состоянии, в котором он пребывал, метание полковника по мосту не вызвало в нем никаких новых чувств. Однако завидев появившуюся из-за спины полковника фигуру Сайто, он схватился за нож. Ширсу казалось, что полковник Никольсон силком тянет за собой японского офицера. При виде дикой нелепости положения, он в полуистерике заговорил сам с собой:

— Надо же, кто кого ведет! Англичанин тащит японца! Объяснить ему, шепнуть хоть словечко, одно-единственное...

Пыхтение локомотива доносилось все отчетливее. Японцы

выстроились по местам, готовясь взять на караул. Двоих людей на пляже не могли увидеть из лагеря. Ширс в ярости сжал кулаки, мгновенно оценив ситуацию. Тренированная реакция тут же сработала, подсказав, что именно требуется совершить человеку, вставшему под знамена «Фирмы подрывных работ». Он выхватил из ножен кинжал и занес его для удара по всем правилам — рука отведена, ногти вниз, большой палец на основании лезвия. Сам он не мог пустить оружие в ход; это была безумная попытка воздействовать на Джойса, такое же инстинктивное движение, как раньше, когда он глазами гипнотизировал патруль на мосту.

Полковник Никольсон остановился возле провода. Сайто, ковыляя на коротеньких ножках, поспешал за ним. Все утренние волнения показались пустячными Ширсу в сравнении с тем, что он испытывал в это мгновение. Он начал громко восклицать, водя кинжалом перед собой.

— Он не сможет! Нет, он не сможет! Нельзя это требовать от мальчишки его возраста. Он получил гражданское воспитание и просидел всю свою юность в конторе! Я спятил, поручив ему дело. Я должен был быть на его месте. Он не сможет!

Сайто уже стоял рядом с полковником Никольсоном, наблюдая, как тот нагибается и поднимает провод. Сердце Ширса рвалось вон из груди, вторя жалобным безумным словам, вырывавшимся из горла короткими яростными всхлипами:

— Он не сможет! Еще три минуты. Три минуты, и поезд будет здесь! Он не сможет!

Один из партизан-таев, лежавший у пулемета, испуганно глядел на него. К счастью, стена джунглей поглощала крики. Ширс опомнился и, судорожно сжав рукоять ножа, зашептал, глядя на лезвие:

— Он не сможет! Боже всемогущий, сделай его бесчувственным! Отними у него рассудок хоть на десять секунд!..

В момент, когда он шептал свою дикую молитву, Ширс заметил движение в листве возле рыжего дерева. Ветви кустов раздвинулись. Ширс застыл, затаив дыхание. Джойс, согнувшись пополам, тихо спускался с крутого берега, держа в руке нож. Взгляд Ширса уперся в него и больше не отпускал.

Сайто, обычно туго соображавший, присел на корточки у самой воды, спиной к зарослям, в привычной позе жителей Востока. Он присаживался так всякий раз, когда волнующие обстоятельства мешали ему следить за собой. Сайто тоже взял в руки шнур. И тут Ширс услышал произнесенную по-английски фразу:

— Все это крайне тревожно, полковник Сайто.

Наступила короткая пауза. Японец счищал с провода налипшие травинки. Джойс незаметно подбирался сзади.

— Черт вас побери, полковник Сайто! — заорал вдруг полковник Никольсон.

— Ведь мост заминирован! Эти штуки на опорах — это же взрывчатка! И провода...

Он повернулся в сторону джунглей, пока Сайто соображал, что к чему. Взгляд Ширса буравил берег. И в тот момент, когда его кулак с зажатым кинжалом нанес удар справа налево, он увидел солнечный блик на противоположном берегу. Сидевший на корточках человек пошатнулся.

Он смог. Ему удалось. Ни один мускул его напрягшегося тела не дрогнул, пока сталь почти беспрепятственно не вошла в тело. Джойс твердой рукой проделал все необходимые дополнительные движения. Одновременно, повинаясь заученной инструкции или просто боясь упасть, он обвил левой рукой шею зарезанного врага. Сайто конвульсивно дернулся, пытаясь привстать. Джойс изо всех сил прижал его к себе, чтобы не дать ему крикнуть, а скорее — чтобы унять начавшуюся дрожь в конечностях.

Японец беззвучно осел вниз. Ширс, жадно ловивший малейший звук с того берега, различил только слабый хрип. Джойс замер на несколько секунд, придавленный истекающим кровью противником. Но у него нашлись силы одержать и эту победу. Вначале ему было страшно прикоснуться к нему, но, взяв себя в руки, он одним рывком отбросил неподвижное тело; оно скатилось наполовину в воду.

Джойс огляделся вокруг. Ни на том, ни на этом берегу не было ни души. Он победил, но сознание торжества не могло одолеть отвращения и ужаса. Он с трудом поднялся на колени. Оставалось сделать несколько самых простых вещей. Прежде всего рассеять недоразумение. Тут хватит двух слов. Полковник Никольсон стоял как вкопанный, потрясенный быстротой всего происшедшего.

— Офицер. Я — английский офицер, сэр, — просипел Джойс. — Сейчас взорвется мост. Уходите отсюда.

Он не узнал собственного голоса. Движение губ причиняли дикую боль. А тот, похоже, не слышал его!

— Я английский офицер, сэр, — в отчаянии повторил он. — Отряд 316 из Калькутты. Диверсанты. Нам приказано взорвать мост.

Полковник Никольсон подал, наконец, признаки жизни. Что-то сверкнуло у него в зрачках. Он спросил сдавленным голосом:

— Взорвать мост?

— Уйдите отсюда, прошу вас, сэр. Поезд подходит. Они сочтут вас сообщником.

Полковник по-прежнему не двигался с места. На уговоры не было времени. Надо было действовать. Пыхтение локомотива доносилось уже совсем отчетливо. Джойс Почувствовал вдруг, что ноги не держат его. Он пополз в укрытие на четвереньках.

— Взорвать мост! — повторил за ним полковник Никольсон.

Застыв на месте, он беззвучно смотрел, как Джойс мучительно карабкался на берег, будто пытаясь вникнуть в тайный смысл сказанного. Внезапно он пошел в ту же сторону, резким движением раздвинул ветви, только что скрывшие Джойса, и увидел, как тот взялся за рукоять подрывного устройства.

— Взорвать мост! — еще раз воскликнул полковник.

— Английский офицер, сэр, — молил Джойс. — Английский офицер из Калькутты... Приказ...

Он не договорил. Полковник Никольсон кинулся на него, взревев во всю силу легких:

— На помощь!

VIII

«Наши потери — двое убитых. У противника — незначительный урон. Мост цел благодаря героизму британского полковника».

Этот лаконичный доклад отправил в Калькутту сразу по возвращении на базу Уорден — единственный оставшийся в живых из трех Членов группы.

Получив сообщение, полковник Грин нашел, что многое в деле остается неясным, и запросил дополнительных разъяснений. Уорден ответил, что ему нечего добавить к сказанному. Тогда шеф решил, что Уорден провел уже достаточно времени в тайландских джунглях и ему не следует дальше оставаться одному в районе, который японцы, очевидно, скоро начнут прочесывать. Отряд 316 получил к этому времени мощное оснащение. Для связи с партизанами в этот удаленный сектор была заброшена новая группа, а Уордена отозвали в Центр. Уорден две недели пробыл со множеством приключений к морю. В безлюдном месте на берегу Бенгальского залива его взяла на борт подводная лодка. Три дня спустя он уже был в Калькутте и предстал перед полковником Грином.

Кратко обрисовав этапы подготовки дела, он перешел к его описанию.

С вершины горы он смог увидеть происшедшее во всех подробностях. Поначалу Уорден говорил с присущей ему холодностью и сдержанностью, но постепенно тон рассказа менялся. Весь месяц, что он прожил среди тайских партизан, в душе его бушевал целый сонм невысказанных чувств. Эпизоды трагедии вновь и вновь всплывали в памяти, а пристрастие к логике, требовавшее от Уордена четкого и недвусмысленного объяснения происшедшему, заставляло его свести ситуацию к нескольким общим положениям.

Плодами своих тягостных раздумий он мог наконец поделиться с командиром Отряда 316. Уорден не мог ограничиться рамками сухого военного рапорта. Ему было совершенно необходимо излить томившие его сомнения, тревоги, страх и злость, необходимо высказать без утайки подспудные причины этой глупейшей развязки, как он их понимал. Долг обязывал его представить объективное изложение событий. Доцент старался держаться канвы повествования, но бушевавшие страсти то и дело уводили его в сторону. В результате получилась причудливая комбинация из проклятий и горькой защитительной речи, насыщенной куда больше философскими парадоксами, чем «фактами».

Полковник Грин терпеливо и с любопытством вслушивался в поток цветистого красноречия, столь необычного для легендарно спокойного и пунктуального доцента Уордена. Полковника прежде всего интересовали факты. Тем не менее он лишь изредка прерывал своего офицера. Полковнику было ведомо, что означает возвратиться с задания, в которое было вложено так много собственной души, но закончившегося полным провалом, хотя и не по твоей вине... В таких случаях он делал большую скидку на «естественные человеческие чувства», давал полную возможность разглагольствовать и не замечал непочтительного тона...

— Вы скажете, что мальчишка вел себя как последний дурак, сэр? Конечно, дурак, но в его положении вряд ли бы кто-нибудь оказался умнее. Я все время наблюдал за ним. Я догадался, что говорил он тому полковнику. Я видел, как он начал карабкаться. Поезд приближался. Я сам ничего не понял когда тот вдруг двинулся на мальчишку. Только потом до меня дошло... А Ширс еще говорил, что Джойс слишком много обдумывает все! Господи, как раз наоборот! Тут нужен был особо изощренный ум. В нашем деле недостаточно перерезать глотку первому попавшемуся! Надо еще знать, правильно ли выбран объект. Кажется, так вы учили, сэр? Здесь нужен был человек с острым нюхом, чтобы понять: этот достопочтенный болван не позволит взорвать у себя на глазах собственное творение. Ведь мост был его личным успехом, личной

победой. Полгода он жил мечтой о ней. Цепкий глаз смог бы, наверное, распознать это уже по тому, как он вышагивал по настилу. Я следил за ним в бинокль, сэр... на устах — блаженная улыбка победителя. Великолепный образец энергичного человека, как любят говорить у нас в Отряде 316! Никогда не сгибается в неудаче, всегда держится до последнего! Он позвал на помощь японцев!

Старый осел с голубыми глазами, наверное, всю жизнь мечтал построить что-нибудь на века. Раз уж не довелось построить город или собор, он взялся за мост! И вы хотели бы, чтобы он позволил разрушить его!.. Не на того напали. Это британский полковник старой закалки, сэр! Абсолютно уверен, что с ранней юности знает наизусть всего Киплинга — нашу национальную гордость, сэр! Держу пари, что когда он смотрел на мост, в его воспаленном мозгу плясали готовые фразы: «Твоя — вся земля и все, что в ней, и все, что вокруг. Ты станешь мужчиной, сын мой!» Я прямо слышу их! Человек с сильно развитым чувством долга и любовью к хорошо исполненной работе... Любовь к делу, как у всех нас, сэр!.. Дурацкое поклонение абстрактному делу, захватившее всех нас — от начинающей машинистки до полководцев! Не знаю, то ли я говорю, но вот уже месяц, сэр, как это не выходит у меня из головы. А может, безумный болван Никольсон в самом деле достоин уважения? Может, подлинную ценность представляет как раз его идеал, не менее священный, чем наш? Тот же, что и наш? Может, фантастическая абракадабра его миражей родилась из того же источника, что и символы, вдохновляющие нас? О, эта таинственная область клокочущих страстей, вызывающих к действию! Может, поэтому сам «результат» действия уже не имеет значения и только качество исполнения обретает смысл? Такой образ мыслей, словно игра дьявола, наделяет человека уверенностью в самоценности любого действия и губит его, заставляя лицезреть мерзкие результаты своих начинаний... Я уже месяц думаю над этим, сэр.

— Расскажите мне, как закончилась операция, — перебил его полковник Грин хорошо поставленным голосом. — Все, что не относится к делу, несущественно.

— Все, что не относится к делу, несущественно, сэр... Например, глаза Джойса, когда он вылезал из укрытия. Он ведь не дрогнул. Он ударил его по всем правилам, я свидетель. Если бы он чуть-чуть лучше сориентировался в ситуации... Никольсон бросился на него с такой яростью, что они покатались с берега и едва не упали в воду. Невооруженному взгляду могло бы показаться, что они лежат неподвижно. Но в бинокль я разглядел, как все было. Один подмял под себя другого. Тот,

в форме, придавил к земле обнаженного, вымазанного кровью, а руки его в бешенстве сжимали горло... Я видел все очень отчетливо.

Джойс лежал, раскинув руки, рядом с телом японца, в котором еще торчал нож. В этот момент он, очевидно, понял свою ошибку, сэр. Я уверен. Он убедился, что заколол не того полковника! Я все видел. Нож торчал совсем рядом. Джойс схватил его. Я видел, как напряглись его мышцы, я даже подумал, что он решится. Но было уже поздно, у него не хватило сил. Он не успел... или не захотел. Противник, сжимавший ему горло, гипнотизировал его. Он выронил нож и обмяк... Полностью расслабился, сэр. Вам знакомо это состояние, когда все становится безразличным? Он смирился со своей участью. Он шевельнул губами, желая что-то сказать. Так и не знаю, что — проклятие или молитву... А может, слово смиренного отчаяния. Ведь это не был мятежный характер, сэр. Во всяком случае, нам так казалось. Всегда почтителен с начальством. Господи! Мы с Ширсом еле добились, чтобы он не вытягивался по стойке «смирно», обращаясь к нам! Держу пари, он сказал тому «сэр», прежде чем закрыть глаза!... Дело целиком держалось на нем. Все было кончено. Множество событий происходило в этот момент, сэр, множество «фактов», как вы говорите. Они несколько перемешались у меня в памяти, но я постараюсь все восстановить. Поезд был совсем близко. Пыхтение паровоза нарастало с каждой секундой... Однако оно не могло заглушить воплей этого спятившего полковника. Во весь голос, привыкший выкликать команды, он звал на помощь! А я смотрел, не в силах ничем помочь, сэр... Я вряд ли бы смог что-нибудь сделать на месте Джойса, да и не только я — никто... разве что Ширс? Ширс! В этот момент я услышал новые крики. Это был Ширс. Он кричал на всю долину. Голос разъяренного безумца, сэр. Мне удалось различить только одно: «Коли его!» Он тоже понял все, быстрее моего. Но это уже не могло ничего изменить. Минутой позже я увидел в воде человека. Он плыл к вражескому берегу. Это был Ширс. Он тоже ведь был рьяный поборник действия. Действие прежде всего! Это утро всех нас свело с ума. У него не было ни малейшего шанса на успех... Я тоже чуть было не бросился вниз, хотя спуск с моей каланчи занял бы два часа! У него не было ни малейшего шанса на успех. Он бешено греб руками, но прошло несколько минут, пока он достиг берега. А в этот самый момент, сэр, состав проходил по мосту, по великолепному мосту через реку Квай, построенному руками наших братьев! Одновременно... как сейчас помню, группа японских солдат, привлекаемых воем Никольсона, сломя голову мчалась с берега вниз. Они-то и встретили Ширса, когда тот вылезал из воды. Он уложил двоих. Двумя ударами кинжала, я все отчетливо видел,

сэр. Он не хотел попасть к ним живым; но, получив удар прикладом по голове, рухнул на гальку. Джойс не шевелился. Полковник встал. Солдаты перерезали провод. Больше ничего нельзя было сделать, сэр...

— Нет ситуации, которая не оставляла бы возможности для действия, — отозвался полковник Грин.

— Нет ситуации, которая не оставляла бы возможности для действия, сэр... Раздался взрыв. Поезд — его никто не догадался задержать — подорвался на mine, той самой, что я заложил сразу за мостом, как раз под моим наблюдательным пунктом. Это была удача! Я совсем забыл про ловушку. Паровоз сошел с рельсов, увлекая за собой в реку несколько вагонов. Часть людей утонула, испорчено довольно большое количество боеприпасов, но линию вполне можно восстановить за несколько дней. Вот и весь результат... Надо сказать, японцы на противоположном берегу здорово перепугались.

— Полагаю, зрелище было красочное, — заметил утешительным тоном полковник Грин.

— Красивейшее зрелище для тех, кто в этом смыслит, сэр... Я тут же подумал: нельзя ли добавить к нему еще некоторой прелести? Я ведь всегда следую нашим заповедям, сэр. Так вот, я стал лихорадочно думать, можно ли чем-нибудь украсить дело?

— Всегда можно чем-то украсить дело, — донесся, словно эхо, голос полковника Грина.

— Это, очевидно, соответствует истине. Вы помните — Ширс очень любил повторять этот девиз.

Уорден помолчал немного, подавленный воспоминанием, потом продолжал уже тише:

— Я стал лихорадочно искать, сэр. И пока я раздумывал, вокруг Джойса и Ширса собиралось все больше японцев. Ширс, безусловно, был жив. Джойс тоже, возможно, если его не задушил до смерти негодяй в форме. Я принял, как мне показалось, единственно возможное решение, сэр. Мои партизаны по-прежнему дежурили у минометов. Они могли бить по толпе японцев и по мосту. Я скомандовал им приготовиться, дал прицел, выждал еще немного... Увидел, что солдаты подняли пленных и собираются их унести. Оба были живы. Хуже ничего не могло произойти. Полковник Никольсон шел сзади, опустив голову, будто погрузившись в глубокое раздумье... Раздумье этого полковника, сэр!... В ту же секунду я скомандовал: «Огонь!» Таи отлично справились. Мы хорошо подготовили их. Вышел отменный фейерверк. С наблюдательного пункта мне было видно это зрелище! Серия мин одна за другой! Я сам схватил миномет. Я

ведь прекрасный наводчик.

— Успешно? — прервал его полковник Грин.

— Успешно, сэр. Первые снаряды удачно разорвались в самом центре группы. Обоих разорвало в куски. Я специально проверил это в бинокль. Поверьте, сэр, я хотел довести работу до конца... Следовало сказать — разорвало троих. Полковника тоже. Никто не уцелел. Три удачных попадания. Затем? После этого я выпустил весь запас, сэр. А он был не маленький... Под конец мы пустили в ход гранаты. Место было выбрано так удачно! Мы буквально поливали их сверху огнем, сэр. Должно быть, я вошел в раж. Снаряды падали везде — среди солдат, —мчавшихся к берегу из лагеря, среди вагонов лежащего поезда, откуда неслись дикие крики, на мосту. Таи распались не меньше моего... Джапы отвечали. Вскоре все заволкло дымом, скрыв от нас и мост, и долину реки Квай. Нас тоже накрыл серый вонючий туман. Снарядов больше не было, расстреляли весь запас. Мы пустились назад. С тех пор я все думаю о проявленной мной инициативе, сэр. Я по-прежнему уверен, что мне больше ничего не оставалось; я выбрал единственно правильную линию поведения; это было единственно разумным делом...

— Единственно разумным, — признал полковник Грин.